

84/20-26/10 Леонид Иванов

11.20

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ НА ДЕРЕВНЕ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.	

ЦЛК

84/2Рос = Рус/6
И 20

Леонид Иванов

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ НА ДЕРЕВНЕ

Моим
друзьям

читателям
помещикаем
добра!

28.06.10
Л. Иванов

90195/2

И

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И20

**Автор выражает сердечную благодарность
руководству ОАО «Бенат»
и лично генеральному директору фирмы
Александру Гаркуше
за помощь в издании книги.**

Иванов, Л.К.

И20 «Первый парень на деревне» / Л.К. Иванов – Тюмень:
Сити-пресс, 2009. – 256 с.

ISBN 978-5-98100-138-3

Литературно-публицистический сборник Леонида Иванова включает в себя художественные рассказы, а также очерки о жителях Тюменской области. В книге нет повествований о героях освоения нефтегазового промысла или о тех, кого уже при жизни стали называть легендой. Это в основном рассказы о простых людях, таких, как инвалид Робинзон Степанович, волей судьбы переселившийся из городской квартиры в лесную землянку, излечившийся в тайге от астмы и других хворей, как знаменитая сибирская медвежатница, на счету которой полтора десятка убитых «хозяев тайги», как столетний тюмонец, последние 20 лет самостоятельно ведущий домашнее хозяйство, делающий по утрам пробежку и сетующий, что, кажется, приближается старость, как потомственный дворянин, собравший сведения о своей родословной за четыреста лет и нашедший родственников на всех континентах, как сбжавшая к фермеру из табора от мужа молодая цыганка, что стала растить в деревне полсотни поросят, как молодой юрист, три года мастеровивший карету, чтобы отвезти невесту под венец, как другие люди разных профессий, полные оптимизма и жизнелюбия.

Кроме того, в сборник включены статьи о достопримечательностях края и судебные очерки.

© Л.К. Иванов, текст, 2009

© В.А. Михайлов, верстка, дизайн обложки, 2009

© ООО «Сити-Пресс», 2009

ISBN 978-5-98100-138-3

СЛОВО ДРУГА

Знаю Леонида Иванова по многолетней совместной работе в тюменской журналистике. Он всегда был очень внимательным человеком и автором. Именно это пристальное внимание к людям, к жизни, ее проблемам и явлениям и сделало его успешным и авторитетным журналистом, что, в свою очередь, просто не могло не привести моего друга Иванова к художественно-публицистической прозе.

По себе знаю, что приходит момент, когда жизненному и репортерско-корреспондентскому опыту просто становится тесно в газетных жанровых рамках. Так что Леонид Иванов вступил на писательскую стезю не из моды или прихоти, а потому, что назрело, накопилось. И этот смелый шаг, по моему искреннему убеждению, у него получился удачным, что случается, кстати, отнюдь не всегда.

Часто журналист, переходя на прозу, как бы зажмуривается, улетает в творческие выси. Иванов, как прозаик, все так же смотрит на жизнь внимательными глазами. Главная ценность его книги как раз в том и состоит, что она — о нас с вами, о наших соседях и близких, о наших общих временах — о прошедших и нынешних.

Нам может нравиться или не нравиться реальность, отраженная на авторских страницах, но она существует, следовательно — заслуживает отражения и осмысления. А то, что книга может вызвать споры, так это хорошо: хватит гламурничать, пора поговорить о жизни честно.

Я убежден, что книга Леонида Иванова в своей и должной мере восполнит некий пробел настоящей, а не надуманной духовности и человечности, столь ощутимый в сегодняшней региональной (и не только) литературе. Добавлю, что автор владеет не просто грамотным прозаическим языком, но и самобытной откровенной интонацией.

От всей души желаю другу моему Леониду новых творческих удач и новых интересных книг!

*Виктор Строгальщиков,
член Союза писателей России.*

НЕ КАК ВСЕ

КАРЕТА ДЛЯ НЕВЕСТЫ

Юрист из Тюмени Дамир Мусин отвез невесту во Дворец бракосочетаний на карете, сделанной своими руками.

На создание кареты у Дамира ушло больше двух лет. Чуть меньше, чем молодые люди знакомы. Они могли бы встретиться и много раньше, потому что учились в одно и то же время в одном и том же Тюменском госуниверситете. Но на разных факультетах, или, как теперь принято официально именовать, институтах. Дамир закончил юридический, Аня — биологический, а встретились совершенно случайно уже дипломированными специалистами. Наверно, это была та самая любовь с первого взгляда, которая толкает на безрассудство или на подвиги.

Поступок Дамира никак не назовешь безрассудным, потому что для выполнения задуманного ему пришлось мобилизовать весь свой интеллект, создавая то, чем не только никогда не занимался, но и в глаза не видел, имея представление лишь из фильмов да картин. И тем не менее для себя он принял твердое решение — приехать за женой на белом коне, запряженном в белую карету.

Создание тарантаса, на котором задумал отвезти свою любимую под венец, занимало все свободное время. Часами читал в Интернете про самые разные экипажи, добывал эскизы и чертежи, раздумывал о том, из какого материала сделать. Начал творить в гараже, освоил электросварку, но сделать все только своими руками не получилось. Пришлось обратиться за помощью к старшему брату. Он поначалу идею воспринял, но не поверил, что задуманное удастся воплотить в жизнь. Тем не менее некоторое время помогал сам, а потом все чаще привлекал своих коллег. И только когда те с восторгом стали рассказывать, какое появляется чудо, не выдержал, приехал посмотреть. Увидел и уже больше от просьб романтического брата не отлынивал. Но брат братом, а со временем пришлось искать предприятие, где бы согласились помочь сделать то, что не под силу в условиях гаража.

После долгих поисков людей, которые бы не подняли романтика на смех, а отнесли к проекту на полном серьезе, познакомился с рабочими судостроительного завода. Принес начальнику цеха свои чертежи, в деталях рассказал о задумке. Тот попросил оставить бумаги, чтобы на досуге «покумекать», а когда Дамир появился в кабинете теперь уже своего единомышлен-

ника, с удивлением увидел на стене свой чертеж, увеличенный до реальных размеров. Оказалось, так рабочим было проще гнуть дуги, которые прикладывали к чертежу для точной выверки угла.

Но то, что сделали в заводских условиях, стало лишь маленькой частью огромной работы. По ходу дела приходилось осваивать новые и новые профессии. Работать с металлом, с деревом, кожей, красками. Хотелось сделать все по высшему классу, сверяя по картинкам со старинными образцами царских экипажей да карет иностранных вельмож пушкинской поры.

И хотя делал карету два года, что-то пришлось заканчивать уже накануне свадьбы. И все еще тайком от избранницы. Она, правда, в общих чертах знала, что жених что-то там мастерит, даже незадолго до бракосочетания шила по заданным им размерам занавески, не предполагая, куда они ему нужны.

А у Дамира неожиданно возникли новые проблемы — он задумывал запрячь карету в пару белых лошадей, но оказалось, что в городе не только не найти двух белых коней, а вообще нет таких, которые бы ходили в парной упряжке. Пришлось ограничиться одной, но все равно белой, хотя ее хозяйка и запросила втрое дороже, чем другие коневоды.

Экипаж был подан к дому в день свадьбы и поставлен так, чтобы невеста в окно не заметила его раньше времени. Уж сюрприз — так сюрприз! Аня увидела подарок только выйдя из подъезда в белом платье с фатой. И буквально онемела от неожиданности и избытка чувств.

Да что там невеста, за которой жених приехал на белом коне да еще в белой карете, сделанной своими руками! Посмотреть на невиданное творение рук человеческих собралась толпа зевак из соседних домов. Даже клиентки расположенного по соседству салона выскочили на улицу с незаконченными прическами.

Такой же фурор экипаж производил на всем пути до Дворца бракосочетаний и потом во время катания молодых по центральным улицам города до моста Влюбленных, по пешеходному бульвару. Люди останавливались, глаза вслед очаровательной карете с молодоженами, водители машин сбрасывали скорость и катили рядом, отчаянно сигналив и выражая таким образом свое восхищение.

Кроме свадьбы на этом своем экипаже они катались по улицам областного центра и в День города. И снова толпы любопытствующих окружали экипаж, просили разрешения сфотографироваться на его фоне. Многие просились подняться внутрь и ощутить себя в ореоле романтики.

Мы встретились с Дамиром сразу же после медового месяца молодоженов. Аня по делам службы укатила в командировку, поэтому узнать ее впечатления от свадебного подарка не довелось. Да и не стоило сыпать соль на рану, поскольку молодые, по словам самого конструктора, решили карету продать. С одной стороны, посыпалось много таких предложений от людей, готовых зарабатывать деньги на катании молодоженов и жителей города, с другой стороны — нужны деньги, да и хранение в арендованном ангаре требует немалых средств. А зарплата у молодых выпускников университета, работающих в бюджетной сфере, на двоих едва переваливала за десять тысяч.

— Чем романтичным теперь думаешь жену удивить? — спрашиваю Дамира.

— Вообще-то теперь, когда уже есть опыт, хотелось бы сделать новую карету, еще изящнее, легче, красивее. Но ведь у меня на эту два года уходила почти вся зарплата. Надо думать о том, чтобы свой дом строить — не всегда же вот в этой комнате в общежитии жить. Жена у меня родом из деревни, и как большинство деревенских, мастерица на все руки. И сшить может практически все, и приготовить вкусно умеет, и дом в порядке содержать, и уют наладить.

Как оказалось, молодожены по существующему законодательству не могут заключить договор ипотеки. И детей еще нет, и доходы не позволяют. Поэтому Дамир сразу же после отпуска надеется найти работу не в государственном учреждении, где сейчас работает, а в какой-нибудь коммерческой фирме, где его знания, напористость и трудолюбие могут оценить достойной зарплатой. Думается, такого человека, узнав о его редких для любого качествах, станут приглашать к себе наперебой солидные юридические фирмы и агентства. И через какое-то время будут у Мусиных и свой дом, и здоровые, красивые дети, будут достаток и мир. Крепкая любовь и вера друг в друга — тому хорошей порукой.

БЛЯО-ДУН ИВАНОВИЧ

— Ты знаешь, как будет
Дон-Жуан по-китайски?

— Нет, а ты что, знаешь?

— Конечно! Бляо-Дун..

(Из анекдота)

Наслышан я о нем был давно. Несколько моих добрых давних приятелей рассказывали об этом сердцеееде в разное время, но с одинаковой настойчивостью и поразительным удивлением. Все они, мужчины довольно видные, образованные, интеллигентные, сами, мягко говоря, не прочь завести романчик на стороне и довольно преуспевающие на амурном поприще, рассказывая об этом уникальном знакомом, которого, выражаясь русским языком, можно было, судя по их живописаниям, смело назвать ебарем-профессионалом, откровенно ему завидовали.

Чисто профессиональное любопытство, а может быть еще и ущемленное многочисленными рассказами мужское самолюбие, подогревающее профессиональный интерес, давно подмывали познакомиться с мужчиной, у которого не было отбоя от женщин. И это все при том, что был он, опять же по заявлениям моих приятелей, мягко говоря, не очень собою виден, и между тем успех у женщин имел огромный. Причем у женщин самого разного возраста. Перед ним, говорят, не могла устоять ни одна от восемнадцати до восьмидесяти. Впрочем, последними он, кажется, вообще не интересовался.

Когда-то я увлекался психологией. Потом как-то в тогда еще Ленинграде случай свел с ассистентом одного из самого известных в те времена сексопатолога Свядоца. Благодаря этому знакомству получил возможность изучать не просто психологию как таковую, а еще и вкупе ее с сексуальностью. Узнал из книг и медицинской практики довольно много о сексуальности, сексапильности, способности отдельных индивидуумов оказывать поразительное по степени воздействия влияние на избранный объект — мужчину или женщину, видел их и имел возможность общения. Желание же познакомиться с очередной живой легендой сексапильности для того, чтобы рассказать о нем читателям, где-то подспудно меня не оставляло уже давно.

И вот такой случай представился.

...Короткий рабочий день пятницы официально закончился, но из разных кабинетов здания, где размещалась и контора моего приятеля, с которым мы условились встретиться и поговорить, когда никто не мешает, доносились громкие голоса собравшихся отметить очередное событие. Где-то пили за именинницу, где-то за рождение внука, где-то желали отпускнику приятного отдыха. Выпивкой были заняты и коллеги моего интервьюируемого. Они собрались просто так, как говорят, снять стресс тяжелой рабочей недели, расслабиться перед выходными.

На столе стояла пара полупустых бутылок, несколько уже опорожненных валялись на полу, скромная мужская закуска из колбасы, пары помидоров и скрюченного безвкусного тепличного огурца была почти съедена. Компания, расстегнув на потных от принятого горячительного шеях воротники белых рубашек и распустив тугие узлы дорогих галстуков, обсуждала прогнозы выборов, состоявшийся провальный матч местной футбольной команды и нещадно дымила сигаретами.

Из всей компании выделялся лишь один: средних лет мужичок с корявым, как бы побитым оспой лицом. Он, не обращая внимания на коллег, вел с кем-то милый разговор, и приятная улыбка, буквально преображавшая заурядную внешность, то и дело обнажала его белые, но неровные зубы. Ему за этой увлекательной телефонной болтовней не было никакого дела до спорящих, кто станет губернатором далекой сибирской провинции и победит ли в очередной игре местный «Газовик». Похоже, он вообще был где-то далеко на другом конце провода.

С моим приходом разговор сам собой прервался. Почти все собравшиеся были мне в той или иной степени знакомы раньше, и после рукопожатий, похлопываний по плечу шумная компания снова стала усаживаться за скромно сервированный стол незаконченного мальчишника. Лишь говоривший не заметил ни увеличения компании, ни того, что все снова взялись за стаканы. Он продолжал улыбаться и мило с кем-то беседовать.

— Юрка, кончай ты на фиг свою болтовню! — позвали коллеги, но он только, недовольно поморщившись, отмахнулся.

— Да он уже и так почти кончил, — состриг кто-то, и все расхохотались.

— У-у, жеребцы, — беззлобно огрызнулся парень и продолжал вдохновенно ворковать.

— Ладно, нам его не переждать, он с девочкой может трепаться и до полуночи. Ну, еще раз за конец рабочей недели. Поехали!

— Еще раз за конец! — продолжал все тот же остряк, и снова все громогласно рассмеялись.

— Ага, за Юркин, неугомонный. — И снова хохот.

Пока выпили, тыкались в остатки закуски несколькими вилками, передавая их как эстафетную палочку друг другу, говоривший по телефону положил трубку и стал быстро собираться.

— Юра, да ты хоть выпей за удачу!

— Некогда, мужики. Побежал.

— Во, блин! Опять какую-то снял. Ну, Юрка, не помрешь ты своей смертью! Точно когда-нибудь твои бабы тебя жизни лишат, как только все вместе соберутся.

— Бог не выдаст...

— На Бога-то надейся, да сам не плошай!

— Так я и не плошаю. Ну, ладно, всего! — И он, подхватив здоровой рукой дипломат, прихрамывая направился к выходу, идя как-то по-особенному, боком, будто неся впереди безвольно висящую парализованную с детства левую руку. В такой позе было особенно хорошо заметно, что именно небольшой горб, а не сутулость, пригнул его плечи.

Как только дверь плотно закрылась, почти все заговорили разом.

— Ну, дает парень! Ты не гляди, что горбатый, что лицом не удался, что рука практически не действует. Чуть не каждый день новых баб снимает! И чем только берет!

— Э-э, тебе этого не понять! Ты посмотри, как он с ними разговаривает! Да так нежно голуби и то не воркуют! Он же соловьем заливается, как только юбку заприметит. Он и по телефону-то — сама ласка, комплименты раздаривает как по писаному. И ведь, что удивительно, слова всякий раз к каждой бабе особенные находит и никогда не повторяется. Корявой старухе говорит, что она мила своей зрелостью, невзрачной молодайке, что — красавица, а им это нравится. Вот и липнут к нему.

— Вот бы стал я еще перед каждой слюни распускать, сюсюкать, как малец сопливый, — встрял в разговор молчавший до этого гордый брюнет лет сорока со слегка вьющимися волосами и небольшой горбинкой на носу. В его облике, осанке, манере говорить, чувствовалось, что этот самовлюбленный гордец, барин, привыкший все только брать, а отдавать только команды, знает себе цену. — Да если захочу, и так любую в постель уложу.

— А ты захоти! — стали его подзуживать захмелевшие мужики. Чувствовалось, что они его недолюбливали и были готовы при каждом удобном случае подначить.

— А слабо, как Юрка!

— Тоже мне, нашли с кем сравнивать.

— А ты смотри, за Юркой табунами бабы бегают, дерутся из-за него. А тебе даже Наташка наша не дает, хоть всем другим на шею вешается.

Красавец-брюнет начал по пьяному заводиться, что в такой компании могло привести к серьезной ссоре, и я поспешил перевести разговор на другую тему. Но ее не поддержали, все как-то враз начали вставать и собираться по домам.

Потом, когда мужики разошлись, я все же не удержался и, поняв, что судьба наконец свела меня с тем, о ком был столько наслышан и с кем давно хотел познакомиться, начал расспрашивать своего приятеля совсем не о том, о чем мы договаривались для газетного интервью, а о его коллеге-сердцеде.

— Знаешь, как его у нас даже в глаза называют? Бляо-Дун или Кобелино Калькулетти. Представляешь, он не просто считает лучше и быстрее калькулятора, он документы, можно сказать, насквозь видит. Вот голова! Отсюда и Калькулетти. А то, что Кобелино... Не поверишь, прямо половой гигант какой-то. Уж и не пойму, чем берет. То ли правду говорят, что кривое дерево в сук растет, то ли — лаской, болтовней, обходительностью. Он же на каждую как на принцессу смотрит, ну, а те и тают. Я с ним уже замучился. Понимаешь, в командировку на филиалы с ревизией послать не могу, неприятностей не оберешься.

И он начал мне рассказывать про своего легендарного Кобелино.

В Тюмень Юрий приехал после своего второго развода, оставив жене и маленькому сыну квартиру и все нажитое имущество. А до этого, говорят, точно так же в одних штанах, с запасной рубашкой, зубной щеткой и бритвенным станком ушел от первой своей супруги. Приехал из Свердловска просто наобум, в надежде найти хоть какую-то работу, где бы дали место в общезжитии. Случайно вышел на моего приятеля, которому позарез требовались финансисты, — как раз был период повального открытия банков, фирм, представительств, и такого рода специалисты принимались нарасхват, но инвалидность и внешность соискателя должности многих руководителей отпугивала. А мой приятель уже после пятнадцатиминутной беседы понял, что перед ним парень с головой, причем с головой светлой, думающей, и взял его к себе замом.

С тех пор они работают вместе. Юрий действительно оказался профессионалом с большой буквы. Но профессионалом как в сфере финансовой, так и по женской части. Вскоре женился в третий раз, но тут же завел роман с сотрудницей, причем отношения свои они хоть и не афишировали, но и не скрывали. Доброхоты не замедлили дать знать жене, но та, на удивление мно-

гих, отнеслась к этому спокойно, с достоинством, не устраивала скандалов, не жаловалась начальству. Более того, даже подружилась с мужниной любовницей. Так они втроем ходили в театр, на устраиваемые в фирме банкеты, в гости к сослуживцам. Постепенно сотрудники перестали обращать на это внимание, приняв странные в понятии большинства отношения как должное.

У Юры дома родилась дочь, его высокая даже по нынешним временам зарплата с разного рода премиями, социальными выплатами, надбавками и прочими доходами позволяла ему высылать первым двум женам немалые суммы, содержать в достатке новую семью и иметь деньги на карманные расходы. Он не был жадным, но и не сорил деньгами, зная им цену, проведя студенческие годы практически лишь на скромную стипендию. Но этих карманных денег хватало на то, чтобы покупать сотрудницам конфеты, цветы, разного рода сувениры. Он дарил все просто так, от чистого сердца, бескорыстно, а не из желания обратить на себя особое внимание. Но внимание это проявлялось само по себе. Юра стал для всех женщин коллектива душечкой, паинькой, завоевав это расположение даже не подарками, а тем, что каждую буквально боготворил, подчеркивал ее достоинства, делал комплименты даже по пустякам.

Другие мужчины, писанные красавцы, как петухи били крылом, обхаживая молодых красавиц, но самое большее, чего добивались, это поцелуя в щечку на праздник. Про Юру поговаривали, что он побывал в постелях чуть ли не всех сотрудниц. Может, и выдумали из зависти, но то, что большинство женщин были к этому внутренне готовы, никто не сомневался. А разговоры о его сексуальности ходили уже наравне с легендами.

И вот в коллектив, где работал этот секс-символ, пришла новенькая. И через несколько дней влюбилась и, еще не зная всех взаимоотношений, призналась в этом не кому другому, а Юриной подруге. Та попыталась увещевать, но это только подлило масла в огонь. Подруга к наличию жены у своего любовника относилась философски, как к должному, но потерпеть рядом супостатку не смогла, и на каком-то очередном банкете устроили соперницы потасовку. Новенькой пришлось срочно подыскивать другую работу.

Потом Юрий уехал на несколько дней в один из северных городов с проверкой работы филиала. Вернулся, доложил о результатах, дал рекомендации, как оживить работу, но через несколько дней опять оживилась не работа, а их контора. Прямо из аэропорта с сумкой и чемоданом заявила одна сотрудница филиала и со слезами бросилась на шею оторопевшему Юрию. Через пять минут все знали, что она без памяти влюбилась, оста-

вила мужа и ребенка и приехала жить к Юре. Женщины охали, ахали, осуждали и ее взбалмошность, и его распутство, а она тем временем заявила руководителю фирмы, что или он ее переводит в Тюмень, чтобы быть рядом с возлюбленным, или она бросится вниз из окна его кабинета на девятом этаже, потому что жить без Юры не может.

Тот расвирепел, вызвал своего любвеобильного зама и при его новой подружке накричал, высказав все, что он думает по поводу его кобелирования и создавшейся ситуации. Юра отмолчался и тут же невозмутимо сумел убедить девушку вернуться домой, в семью. Очередной конфликт был исчерпан, но именно тогда и закрепилась за ним кличка Кобелино. Юра отнесся к ней спокойно и даже вроде бы с гордостью, как к званию заслуженному, отмечающему его особые доблести на любовном поприще. А шеф после этого стал пугаться даже мысли о том, чтобы отправить своего зама в очередную командировку.

Юрий после таких пикантных ситуаций продолжает работать как ни в чем не бывало. На лето забирает с собой в отпуск семью, детей от своих первых двух жен и везет всех отдыхать на море. Влюбленная сотрудница недавно вышла в декретный отпуск и ждет от Юрия сына, как сказали ей после обследования на УЗИ. А у него на работе — новый роман, и снова об этом все знают, но ему самому, а также жене и отправленной в декрет любовнице, похоже, на досужие разговоры наплевать. Юрий то и дело помимо всего этого заводит новые мимолетные романчики, которые называет невинными приключениями. Коллеги продолжают над ним беззлобно по этому поводу подшучивать. То ли из зависти, то ли от восхищения.

Ну, а что с него возьмешь, если сами женщины липнут? Действительно, Бляю-Дун! Да на русский манер еще и Иванович.

ВЕЛИКИЙ ПОТОМОК ВЕЛИКИХ ПРЕДКОВ

Заслуженному деятелю искусств Украины и России, художественному руководителю и главному дирижеру оркестра «Камерата Сибири», камерного оперного театра «Piccolo» и ансамбля «Барокко» Антону Георгиевичу Шароеву исполнилось 80 лет.

— Ваше вхождение в Тюменскую область началось давным-давно.

— Да! Когда открывалась первая Алябьевская осень, Михаил Бирман ко мне обратился с предложением принять участие. И то положенное начало ставших традиционными фестивалей состоялось с моим московским оркестром. Филармонией тогда руководил Леонид Мечиславович Згерский, а организацией этого фестиваля занимался Михаил Бирман. Он приехал в Москву, ему порекомендовали мой оркестр. Вот тогда мы познакомились, и с тех пор установились наши творческие контакты и дружеские отношения. И я оказался в Тюмени. Потому что когда Бирман стал директором филармонии, он задался целью создать в Тюмени свой оркестр. Поначалу была задумка создать симфонический, но, к сожалению, оказалось, что здесь мало музыкантов такого уровня, и мы остановились на создании камерного оркестра.

— Говорят, Вам многое удастся, потому что к Вам лично расположен губернатор.

— Да, благодаря Владимиру Якушеву удалось гастроли в Париж, где мы давали концерты на Монмартре. Это он помог осуществить. Это деньги, тем более в условиях нынешних, когда все ограничено. А тем более — в области искусства. Хотя речь и не идет о каких-то гигантских суммах. Евгений Негинский теперь стал ко мне относиться с какой-то чрезвычайной симпатией, хотя и раньше относился нормально. Я ценю это его расположение. Мы с ним знакомы много лет, встречались еще во время его работы в Новом Уренгое, куда мы лет 15-20 назад ездили на гастроли с Мишей Бирманом, давали там концерты. Это было несколько раз, когда мы с Мишей активно играли вместе. И не только на Севере. Даже в Москве.

— Сегодня Тюмень сильно отличается по уровню музыкальной культуры от той Тюмени, что была 20 лет назад, когда Вы приехали сюда впервые?

— Я вам скажу, что не просто отличается. Произошел бурный рост культуры, в том числе и в области музыки. Когда я возглавил этот оркестр 11 лет назад, то через несколько лет я повез коллектив в Петербург. Поскольку в мире музыки я был достаточно известным человеком, нам бесплатно предоставили сцену в главном зале мирового значения — в Большом зале Петербургской филармонии. Мы там играли два вечера подряд. А после этого очень известный музыковед и критик, доктор искусствоведения, профессор Петербургской консерватории, ныне живущий в Гамбурге, Михаил Бялик написал в газете «Невское время» по поводу исполненного нами фрагмента оперы «Христос» статью под заголовком «Чудо из Тюмени». И моя фотография была заверстана над логотипом газеты, как будто я какой-то знаменитый футболист или что-то в этом роде. И там были такие слова: «Никому не известный на музыкальной карте России город Тюмень произвел сенсацию сезона в Большом зале Петербургской филармонии». Тогда нашему оркестру было всего четыре года. Теперь про Тюмень уже так не скажешь.

— Я думаю, что теперь Тюмень уже хорошо известна и на мировой музыкальной карте. Ведь только у Вас лично было столько гастролей!

— За последние два с половиной года у нас было семь выездов только во Францию. Плюс к этому Австрия, где я выступал больше самостоятельно. Правда, Юля Прямова тоже там участвовала. Потом Германия, Греция, Испания. В прошлом году состоялась премьера монооперы «Человеческий голос» в Париже. Между прочим, там меня могли даже арестовать, потому что по незнанию я не согласовал свое выступление с наследниками Франсиса Пуленка и Жана Кокто — авторов произведения. Были долгие и нудные переговоры и уговоры с наследниками, прежде чем они дали свое согласие на наше выступление. И к моему великому удовольствию именно они после премьеры громче всех кричали «Браво!», а когда я спустился в зал поцеловать престарелой племяннице Пуленка ручку, она сама кинулась меня обнимать и целовать. Фрагменты этой оперы мы показали и на фестивале «Анна Ярославна — королева Франции». Надо отметить, что исполнительница монооперы — очень талантливая певица Оксана Дегтярева с нуля полгода учила французский. Учила ночами дома на кухне, работала просто фанатично, наняла специально педагога и исполнила оперу без малейшего акцента, чем просто поразила слушателей. Они даже не верили, что русская девушка полгода назад языка не знала совсем.

Теперь я уже постоянный гость этого фестиваля, и мы туда ездили уже с ансамблем «Барокко». Опять же благодаря поддержке Владимира Якушева.

Так что можно сказать, что тюменские исполнители известны если не во всем мире, то уж в Европе нас точно очень хорошо знают. Мы не раз выступали на самых престижных российских сценах, в зале имени Чайковского, Большом зале Московской консерватории, были выступление в Большом зале Петербургской филармонии и участие в двух фестивалях в Москве, и постоянные концерты в ряде городов России. Я был приглашен председателем жюри международного музыкального фестиваля в Киеве.

— На юбилейном концерте я обратил внимание, что Михаил Бирман играл по партитуре, а Вы исключительно по памяти.

— Бог меня наградил хорошей памятью. Вообще память у меня не самая блестящая, но музыкальная, — исключительная. Я ведь эту сонату, что исполняли на юбилейном концерте, лет десять-двенадцать не играл.

— Скажите, а чтобы стать великим музыкантом, надо обязательно иметь великих предков? В литературе, живописи, среди актеров очень много самородков, а много ли таких в музыке?

— Далеко не все большие музыканты принадлежат к числу потомков великих предков. Наоборот, самородки создают прецедент началу своей фамилии. Взять того же Пуленка. Он в основном занимался самообразованием, причем вопреки своим родителям.

— Но в Ваших-то жилах течет кровь великого музыканта. Ведь Вы — внук самого Антона Рубинштейна.

— По мужской линии, правда, внебрачной, я действительно происхожу от Антона Рубинштейна. Как сказал великий дирижер Валерий Гергиев, от любви дети получаются даже лучше, чем просто в официальном браке. Дети Антона Рубинштейна, рожденные в браке, не пошли по музыкальной линии. Его сыновья умерли рано, а дочь выходила замуж три раза, и у нее родились три дочери. Я повторил этот ее успех, и у меня тоже родились три дочери. Не знаю, это наследственность или простое совпадение.

— А Ваши дочери пошли по музыкальной линии?

— Наталья Шароева — известная пианистка, много гастролирует по Европе. Младшая дочь Маша Шароева шла по музыкальной стезе, играла на скрипке, уже получала высшее скрипичное образование, но потом увлеклась живописью, проявила хорошие способности. Училась в Суриковском училище, потом пошла работать к знаменитому модельеру Славе Зайцеву и уже несколько

лет преподает в его знаменитой лаборатории. Эта линия у нас идет от выдающегося певца-баритона Якима Викторовича Тартакова, который был очень славен в России, свою карьеру закончил в Мариинском театре, где был солистом Его императорского величества. Это было намного выше, чем звание народный артист СССР. Он был около 20 лет директором и главным режиссером Мариинского театра, похоронен в Александро-Невской лавре, где и Антон Рубинштейн. Мой отец был незаконнорожденным сыном Тартакова. Недавно у меня нашлась в Брюсселе кухня. У нас с ней общий дед — Тартаков Яким Викторович. Моя бабушка — Дарья Григорьевна Шароева — из тбилисских армян. Она была выдающейся певицей, жила с Тартаковым, как теперь говорят, гражданским браком около шести лет, а после рождения от Тартакова моего отца сорвала голос.

— Похоже, Вы огромную часть времени тратите на исследования своей родословной и на поиски забытых произведений великих авторов.

— Так ведь есть что изучать! Антон Рубинштейн по сути создал всю музыкальную жизнь России, отец мой, Георгий Шароев, после гражданской войны жил в Кисловодске, затем в Баку, где создал музыкальную школу. За свою жизнь я создал шесть коллективов, Тюменский стал уже седьмым. За 16 лет, что я проработал в Киеве, дважды создал там коллективы. Первый камерный оркестр я создал в Киеве 44 года назад. Я создал репертуар оркестра, в котором более сотни произведений украинских композиторов, написанных специально для меня. В советское время я участвовал во всех фестивалях государственного уровня, в Ташкенте, Кишиневе, Алма-Ате, Днепропетровске, Киеве, Москве. Мне тогда давали кучу произведений разных народов. Я проявлял к ним интерес и относился на высшем пределе профессионализма. Даже если сочинение было очень слабым, написанное каким-то странным музыкальным языком. При всех недостатках советской власти тогда было много замечательного, в том числе и в области расцвета национальных культур. Шел потрясающий процесс развития культуры, в это вкладывались громадные деньги. Это было государственной политикой. Я играл все, что мне давали, считая своим долгом помогать развитию национальных культур.

Что касается забытых произведений... Я еще в Киеве стал заниматься поисками утерянного. Я знал, что во Львове есть целые залежи музыкальных архивов, и мне захотелось найти музыку 16 века, когда она писалась еще значками, а не нотами. Называлась эта запись табулатурой. Это была очень условная запись. И мне удалось найти записи тех произведений. Я отыскал

не только архивы, мне удалось найти в подвале одного из музеев клавесин времен Людовика. Их было сделано всего три, а на нем сотrudники пили чай, используя драгоценный музыкальный инструмент вместо стола. Я через министерство культуры запросил этот инструмент, чтобы на нем можно было исполнять старинную музыку в подлинниках.

Я ездил в город Глухов, который был в свое время столицей Украины, в поисках в монастырях старинной музыки. Так что у меня это увлечение давным-давно.

Круг интересов в музыке у меня очень широк. В одном из писем матери (он многие годы вел огромную благотворительную работу, жертвуя деньги бедным студентам и спонсируя различные мероприятия, но всю жизнь был атеистом) Рубинштейн написал: «Слаблю Христа в нотах». И как только я прочитал эти строки, стал искать в архивах это произведение, потому что я все же происхождением из этого рода. И мне удалось через два года найти. Мне сделали ксерокопию, но, чтобы ставить оперу, надо было иметь партитуру, которой в архивах не оказалось. И потребовалось еще 12 лет, прежде чем партитура нашлась в Германии. Мне помогали очень многие, даже люди из команды канцлера Германии Ангелы Меркель.

— Помнится, пару лет назад Вы мне говорили, что ощущаете небывалый творческий подъем, какого не было даже в более молодые годы. Он сохранился?

— Как Вы могли заметить по моей плодотворной работе, по многочисленным гастролям, этот подъем не иссяк. Наоборот, у меня очень большие и амбициозные планы, которые я надеюсь полностью осуществить за то отведенное мне на этой земле время.

ДВЕ ЖЕНЫ В ОДНОЙ ПОСТЕЛИ

Род ненецкого поэта и оленевода Юрия Веллы (Айваседа) вполне может оборваться.

А род старинный, известный. В основном эту известность принес роду Юрий, которого хорошо знают в Германии, Венгрии, Финляндии, Эстонии и еще некоторых странах мира как самобытного поэта, человека, посвятившего жизнь сохранению древней культуры, языка и традиций коренных малочисленных народов Севера, как политика, отстаивающего интересы аборигенов разнообразными, часто и экстравагантными способами. Не исключено, что идея двоеженства относится тоже к одной из таких эпатажных выходов ради привлечения внимания к проблеме...

Его родовые угодья площадью около четырехсот квадратных километров получили статус первого в России экомузeya. Открылась первая и единственная стойбищная школа, в которой работают три учителя. К новому учебному году Юрий подыскивал семейную пару педагогов, в которой бы один преподавал точные науки и хорошо владел компьютером, а второй мог дать азы музыки и рисования. Поэт с дипломом Литературного института, всю свою жизнь (за исключением годов учебы и армии) проживший, как и все его предки, в лесу, занятый традиционным для коренных северных народов промыслом, убежден: в будущем любой грамотный человек должен, помимо естественных наук, владеть точными и гуманитарными.

Своим внукам Юрий оставляет богатое наследство. Не материальное. В его стаде на всех членов семьи приходится полсотни оленей, вездеход-«уазик», на стойбище — дом с паровым отоплением и сложенным собственноручно камином в гостиной, богатая библиотека, две маленькие электростанции. А еще стойбище Айваседы отличается от многих сотен других в России тем, что Юрию из любой точки мира можно позвонить по сотовому телефону. Этим чудом цивилизации он может пользоваться благодаря близкому соседству нефтяников.

Это, пожалуй, единственное благо, которое принесли с собой нефтяники, загнавшие оленевода с его стадом в угол, окружив родовые угодья буровыми вышками, нефтепроводами и дорогами.

Своим потомкам оставляет Юрий богатство духовное. Только за год у него вышло пять поэтических книг, три из которых изданы на его собственные средства. Последняя, что увидела свет перед самыми новогодними праздниками, называется «Белые крики». В ней, как и во всем творчестве поэта, — острая боль за свой вымирающий народ, грусть утраты близких людей: деда — великого знатока обычаев и традиций небольшого народа и удивительной сказительницы — бабушки. Это во многом благодаря ей Юрий стал поэтом, сохранил родной, богатый образами, красочный язык, не испорченный наносной псевдокультурой, увлекся устным творчеством своего народа и закончил работу над объемной книгой загадок, которую тут же стали переводить на разные языки народов мира.

Все это останется внукам. Но они по линии своих отцов будут принадлежать другим родам, а его собственный древний род на нем самом может прерваться. Конечно, он — мужик в расцвете лет, полный энергии и мужской силы — мог бы завести себе подружку где-нибудь в Нижневартовске или Ханты-Мансийске, где часто бывает по делам, родить маленького Айваседку, помогать растить его. Но этот сын, выросший без отца, не стал бы истинным продолжателем рода.

Развестись с женой, с которой прожили три с лишним десятилетия, вырастили четверых детей, которая все эти годы была частью его душевного мира, вдохновляла его поэтическую натуру, делила горечь бытовых сложностей и радость творческих успехов? Оставить ее и привести в дом молодую, как это делают в возрасте за пятьдесят многие хорошо сохранившиеся мужчины, в том числе и видные политики? Этого Юрий не сделал бы никогда по моральным соображениям, такой его поступок не простили бы его усопшие предки, незримую связь с которыми он ощущает постоянно.

Зато доподлинно знает Юрий, что делом обыденным было у его предков — иметь двух жен. Природа к тому вынуждала, когда забирали Боги к себе молодых и здоровых мужчин, оставляя женщину в одиночку бедовать на суровой северной земле. Это так же хорошо известно, как и то, что в стародавние времена заезжие купцы да исследователи укладывались спать с женами местных жителей и вливали свежую кровь, не давая вырождаться малочисленному народу.

Те семьи, в которых было по две жены, Юрий еще застал, хотя советская власть и наложила запрет на подобную «аморальность». Недавно ушли из жизни две старушки, несколькими годами раньше схоронившие своего общего супруга, а среди лесных ненцев на границе Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского

автономных округов одна такая семья, в которой все трое супругов уже довольно преклонного возраста, еще доживает свой век.

А чем, спрашивает Юрий, лучше в моральном плане те, кто живет, по сути, на две семьи? Имеет неофициально двух жен, одна из которых обречена быть вечной любовницей, а дети считаться незаконнорожденными. Законная супруга о наличии второй жены не просто догадывается, а доподлинно знает, но ради сохранения семьи, отца своих детей и мужа вынуждена мириться с таким положением вещей. А мужчина, если он человек порядочный, разрывается на две семьи, стараясь поддерживать ту и другую.

Приводит Юрий и еще один аргумент в пользу появления в доме второй жены. Первая, Елена, все чаще стала жаловаться на усталость. Годы, равномерно и неуклонно отмеряя жизнь, не делают людей на склоне лет сильнее физически. А потому еще одна пара рук в хозяйстве была бы очень кстати.

Объясняет сторонник двоеженства свое решение и аргументами сугубо деликатными. Женщина в возрасте за пятьдесят, прожив с одним-единственным мужчиной более тридцати лет, уже начинает увядать, утрачивая интерес к сексу. Он же сохранил свою силу, теперь требуется возможность ее применения.

Но с подбором второй жены возникли проблемы. Елена свое принципиальное согласие дала. Более того, они втроем с одной женщиной в порядке эксперимента пару месяцев уже прожили. Необычность ситуации дала Елене новый прилив желаний, омолодила ее, казалось, на несколько лет. Но все же если трудно людям ужиться психологически вдвоем, то втроем жить во много раз сложнее, даже если никакая из жен не будет стремиться к явному лидерству.

Ничуть не ревнуя новую подругу в постели, Елена начинала дико ревновать ее к мужу, оставляя их наедине работать в доме. Скорее всего, потому, что та в совершенстве владела компьютером и выполняла роль секретаря, сразу же под диктовку записывая тексты новых произведений поэта. Елена именно в этом чувствовала ущемленность своего положения в доме. И тройственный союз просуществовал недолго. Но желание повторить опыт осталось.

Проблема подбора второй жены заключается еще и в том, что супругам Айваседам хотелось бы принять в семью женщину коренной национальности, которая чтит обычаи предков, знает родной язык. Но те немногие, с кем заводили на эту тему разговор, обижались на такое предложение, считали себя оскорбленными. Охотно соглашались русские и украинки, но Юрий Вэл-

да хочет иметь продолжение рода от ненки, хантыйки или мансийки.

Были среди согласных несколько совсем молодых кандидатов. Но глава исчезающего рода к вертихвосткам относится с большим недоверием, к тому же они с супругой решили, что вторая жена не должна быть моложе старшей дочери, которой перевалило за тридцать.

Есть и еще одна тонкость. Сам Юрий никогда в жизни не курил и за последнюю четверть века не выпил ни грамма спиртного, именно в нем видя одну из главных причин вымирания коренных малочисленных народов Севера. Женщин своих краев, которые бы совсем не выпивали, Юрий практически не знает. Более того, многие из них курят. А этого в семье Айваседов перенести не смогут.

Так что инициатива возрождения у коренных северных народов двоеженства остается пока не реализованной не только из-за отсутствия разрешающего законодательства... Это-то, пожалуй, преодолимо.

НЕОЖИДАННОЕ ДВОРЯНСТВО

Житель Тюмени Георгий Хотковский обратился в архив, чтобы узнать хоть что-то о своем отце и вместе со сведениями получил дворянский титул и герб, пожалованный его предкам еще в одиннадцатом веке.

Георгий Витальевич достает из шкафов и выкладывает на письменный стол одну за другой толстые папки с документами архивов, вырезками из газет и журналов, подшивки газет, показывает десятки своих газетных и журнальных публикаций, два толстых альбома с фотографиями многочисленных родственников. Оказалось, что они живут не только в России, на Украине и Польше, но и во Франции, на обоих американских континентах и даже в Австралии.

О том, как его, двухлетнего, отец — белый офицер, воевавший у Колчака, вывез в Харбин, где прошли детство и юность, как бежал потом оттуда в Шанхай, как после Второй мировой войны в 1947 году, уже будучи человеком семейным, вернулся на родину, Георгий Витальевич может рассказывать часами. Именно из-за этих своих скитаний потерял он практически всех родственников. Но после войны было не то время, когда можно заниматься поисками. Тогда подобных обращений было слишком много, и архивы не справлялись с титанической работой. Да и куда было обращаться вчерашнему эмигранту, сыну белогвардейского офицера в тоталитарном государстве, с его четко работающим механизмом репрессий?

Ко всему прочему и времени, по сути, не было. Их, вернувшихся из эмиграции с искренним желанием возродить родину из пепла, в товарных вагонах три недели везли от Приморья до Тюмени, в то время зачуханного провинциального городишки с непролазной грязью на улицах. Прямо в этих вагонах доставили на территорию судостроительного завода, на котором для послевоенного пополнения флота торпедными катерами катастрофически не хватало рабочих. Приехавших селили в тесные бараки, где ситцевыми занавесками семьи отгораживались друг от друга на крохотных, в несколько квадратных метров, территориях. В этих бытовых условиях при тяжелой физической работе да еще наверняка под неусыпным присмотром органов было не до поиска родственников, разбросанных по миру в поисках лучшей доли.

Это уже потом, отработав больше тридцати лет на заводе, сначала простым рабочим, а после окончания машиностроительного техникума — на различных должностях среднего персонала, Георгий Витальевич твердо решил посвятить свободное время пенсионера на переписку с архивами.

Первое же обращение в Томский архив, поскольку знал, что отец родился в Томской области, обрадовал и вселил уверенность. Ожидал ответ на одной страничке, а получил целую пачку документов. Из них следовало, что его дед Мечислав Хотковский служил в канцелярии Губернского управления Министерства иностранных дел надворным советником, имел седьмой чин Табели о рангах, был награжден Орденом Святого Станислава второй степени. Было указано, что дед родился в Минске, имел двух сыновей и трех дочерей.

Пытливый внук именитого деда обратился в Минск. Оттуда тоже пришел толстый конверт. Оказалось, что в Минске сохранились сведения о родословной за несколько веков, начиная с 1664 года. Белорусские архивисты представили Георгию Витальевичу схему его генеалогического древа за триста с лишним лет с метриками почти полутора сотен родственников, свидетельство от 1823 года об учреждении во дворянстве и фамильный герб Остоя. Этот герб предкам был пожалован за верную службу в 1069 году королем Польши Болиславом Смелым и потом передавался по отцовской линии.

Так в семьдесят пять лет Георгий Витальевич Хотковский узнал о своем дворянском происхождении. И с удвоенной энергией включился в поиск потерявшихся родственников.

Рассказывая о том, как искал по всему миру родственников, Георгий Витальевич постоянно с искренним трепетом благодарит работников архивов. Он обращался в десятки различных российских, украинских, белорусских архивов и отовсюду получал обстоятельные ответы с конкретными данными. Удивительно, что при всей послереволюционной и послевоенной неразберихе старинные документы за несколько столетий бережно хранились, а сведения из них предоставлялись при первом же обращении.

— Я всем музейщикам от всего сердца говорю: «Честь и слава вам, хранители великой истории!» — говорит Георгий Хотковский. — Только благодаря их кропотливому труду и отзывчивости я узнал о своих предках, кто они были, чем занимались. Старая история рода должна быть в архивах Польши, но там запросили за документы несколько тысяч долларов. Конечно, для российского пенсионера сумма нереальная. Теперь вот продолжаю поиски родственников по линии своего дяди.

След дяди Константина, тоже служившего в белой армии полевым хирургом, оборвался в роковом для миллионов россиян

37-м году. В тридцать шестом он вернулся в Советский Союз из эмиграции и через год был расстрелян.

Благодаря архивистам отыскал проживающих тоже в Сибири двух своих двоюродных сестер, с которыми никогда в жизни не виделся. Встретились, когда всем было уже далеко за семьдесят. Эта поездка в значительной степени пополнила личные архивы Хотковского многочисленными фотографиями родственников начала прошлого века.

Та встреча со своими престарелыми кузинами была последней. Обе они вскоре скончались. Не исключено, что не прошел для них даром и полученный стресс от радости обретения брата, считавшегося все эти годы пропавшим без вести.

А для Георгия Витальевича встреча дала богатый материал для дальнейших поисков. Он отыскал еще нескольких своих близких родственников и узнал, что дворянские гены дают свои результаты. Среди двоюродных и троюродных племянников, среди внучатых племянников одни серьезно занялись наукой, защитили докторские диссертации, другие посвятили себя искусству. Так, одна из Хотковских — Ядвига Смосарская стала в Америке известной актрисой. Ее фотография и автобиография опубликованы в одной из энциклопедий США.

Там же в США отыскались еще несколько родственников дворянина Хотковского. Они дали адреса других, пополняя уже и без того богатые сведения личного архива. Оказалось, что двоюродные живут и в Австралии. Американские, английские, и австралийские родственники хорошо знают русский язык, нередко встречаются между собой, потому что их пенсия позволяет летать самолетами с континента на континент.

Георгий Витальевич довольствуется присылаемыми фотографиями. И не возраст помехой дальним путешествиям. В свои восемьдесят три дворянин Хотковский со средним техническим образованием знает французский, английский, китайский языки, удивительно бодр, но скромная российская пенсия удерживает от дальней дороги пуще прежнего пресловутого «железного занавеса». При скромной жизни в тесной двухкомнатной «хрущевке» денег едва хватает на конверты для заграничных адресатов со ставшими удивительно дорогими марками.

Помимо поиска родственников Георгий Витальевич через архивы и многочисленных знакомых сумел отыскать и многих друзей юности. Удивительно крепкой оказалась связь бывших жителей Харбина, этого русского города в Китае. Спустя столько времени они ведут между собой активную переписку, издают по всему миру свои газеты и журналы. Через пятьдесят три года отыскал Георгий Витальевич через газету «На сопках Маньчжурии» и свою нынешнюю жену Наталью Александровну Роменскую, тоже представительницу знатного рода. С ней познакомился еще

в юности, а когда встретились, оба были вдовцами и ничто не мешало соединению. Юношеские пылкие чувства вспыхнули с новой силой в очень зрелом возрасте. Они вместе уже более десяти лет, и можно с хорошей завистью наблюдать, какой трогательной заботой и вниманием окружают они друг друга.

Вообще удивительно переплетаются судьбы в нашем огромном и в то же время тесном мире. Оказалось, что даже на кладбище в Сан-Франциско близкие родственники Георгия Витальевича и Натальи Александровны похоронены рядом. Что это — случайное совпадение или судьба, predeterminedенная свыше? И сколько их еще, таких совпадений, сумеет отыскать пытливым сибиряк?

О своей жизни с самого детства, о годах в эмиграции, о работе в Тюмени и поисках родственников дворянин Хотковский пишет книгу. В ней уже более семисот страниц, заполненных убористым почерком и отсканированными старыми фотографиями. Первые годы книга писалась от руки, последние сотни страниц уже отпечатаны на машинке.

Помогает деду внук Слава, студент факультета кибернетики неф-тегазового университета. Это ему перейдет от деда фамильный герб с изображенным на нем щитом на красном поле, с нарисованными рыцарскими доспехами, мечом и пятью страусиными перьями, как свидетельство о знатности рода. Внуку и продолжать писать летопись рода Хотковских, высоко нести и не запятнать недобрыми делами дворянский титул, множить славные дела предков, крепить союз с многочисленными родственниками. А род этот действительно многочисленный. В Польше состоялось уже два съезда общества Хотковских. Свое приветствие прислал им сам Папа Римский.

А переписка и поиск родственников продолжается. Недавно получил Георгий Витальевич письмо из Франции. Француз по фамилии Хотковский тоже ищет родственные связи. Русский дворянин ответил ему, а вот встречаться, видимо, придется ехать самому младшему — Владиславу.

История рода продолжается.

КРЫЛЬЯ МЕЧТЫ ДЕРЕВЕНСКОГО СЛЕСАРЯ

Ни по каким законам механики это чудо техники не должно тронуться с места. Но то, что смастерил в своем сарае простой слесарь жилищно-коммунального хозяйства Александр Борисов из небольшого, затерянного в далекой сибирской глухомани поселка с названием Заречный, работает вопреки всем законам, правилам и вообще вопреки всякой логике.

Судите сами, соединенные в один механизм двигатель от мотоцикла «Иж», узлы от грузовика и детали от трактора стали удивительной техникой. Самоделка Александра бежит по дороге со скоростью в шестьдесят километров, съезжает с берега в воду и плавает по реке, сноровисто таскает грузовую тележку, споро косит сено. В прошлом году, рассказывает конструктор, за один день он накосил травы корове на всю зиму. Потом специально изготовленными навесными приспособлениями ворошил сено, собирал его в копны и свозил к месту складирования.

О своем изобретении автор рассказывает охотно и с нескрываемой гордостью, не тая никаких своих конструкторских секретов. А зачем? Пусть и другие делают что-то подобное, учитывая его, Александра, несомненные успехи и досадные промахи. К тому же конвейерное производство наладить по первому экспериментальному экземпляру никто не собирается, а значит, и дивидендов ждать будет неоткуда. В своем поселке Александр — не единственный конструктор. По крайней мере, еще несколько самодельных транспортных средств, собранных точно так же из самых разных деталей, узлов и агрегатов от брошенной техники, успешно используются в здешних условиях бездорожья их умелыми создателями. Тем более что не нуждаются эти транспортные средства в отдаленных краях ни в какой гаишной регистрации. По тайге и болотам ездить можно и без государственных номеров.

Но если вездеход нужен был Александру чисто в практических целях — для механизации трудоемкой сенокосной работы, поездки на рыбалку да за грибами и ягодами в заповедные малодоступные места на другой берег довольно широкой реки, то другое его изобретение создано исключительно для души. Два года назад задумал Александр построить собственный самолет. По сути, уже все было готово, но во время наземных испыта-

ний автор понял свои конструкторские недоработки и минувшей осенью, после уборки урожая, взялся делать новый самолет.

Сегодня он практически готов. Осталось только обтянуть крылья специальной тканью да завершить некоторые незначительные мелочи, до которых в большом деле не доходили руки.

Самым трудным, считает Александр, было сделать винт. Тут он не стал полагаться на одну лишь собственную смекалку, а попросил совета профессионалов. Написал по найденному в журнале адресу одному конструктору и получил за небольшую плату чертежи и выкладки пропеллера, способного поднять в воздух его крылатую машину. Эту деталь самолета делал тоже сам из клееных досок.

Двигатель использовал от снегохода. Мощности у него достаточно, только вот, сетует изобретатель, надо бы приспособить редуктор для снижения оборотов. Тогда тягу можно увеличить вдвое, а значит, иметь большой запас мощности, что особенно важно при взлете.

Если основные работы по монтажу каркаса летательного аппарата, изготовлению винта и различных малогабаритных деталей Александр делал в своей стоящей на окраине поселка даче, превращенной в мастерскую, то для сборки четырехметровых крыльев требовалось помещение более просторное и с хорошим температурным режимом. Руководство ЖКХ, где работает неутомимый фантазер и мечтатель, выделило ему в одном из цехов просторный угол. В нем и собирал Борисов с подростком-сыном крылья своего самолета.

Диву даешься, видя, какое адское терпение потребовалось самоделкинским для того, чтобы изготовить из деревянных реечек тысячи деталей, собрать их воедино и получить нужной формы жесткий каркас двух четырехметровых крыльев!

— Ну ладно сын. Увлекся парнишка давнишней отцовской мечтой подняться в небо, тоже захотел взлететь и потому все свободное от уроков время охотно проводит за созданием самолета. А как жена относится к тому, что вы оба пропадаете в своей мастерской? — спрашиваю Александра.

— А что жена? Она даже довольна, что мы так увлечены воплощением своей мечты, и даже частенько нам помогает. Уж лучше, говорит, пусть самолет делает, чем с мужиками пьянствует, — довольно смеется Александр. И в этом его задорном смехе, в бесовских искорках в глазах, в широкой улыбке, молодящей и без того без единой морщинки лицо, в исходящей от увлеченного мечтой человека энергии больше подросткового романтизма, чем приличествующего сорокапятилетнему мужику рассудительности и спокойствия. Но тут уж окружающие должны прини-

мать человека таким, каков он есть, со всеми его чудачествами. Тем более что увлечение Александра ничуть не мешает его работе, которую он делает так же старательно, как свой самолет.

— А точно полетит? — спрашиваю напоследок.

— А куда он теперь денется! Я ведь уже стендовые испытания провел. Даже на малых оборотах тянет, как зверь, а больше дать побоялся, вдруг оторвется и без меня улетит, — радуется Александр возможности похвалить свое детище. — Вот в июне полечу. Глава администрации района договорился, чтобы мне разрешили воспользоваться заброшенной взлетной полосой в райцентре. Можно, конечно, и дома взлетать, но пробный полет лучше делать в хороших условиях.

Александр, да, собственно, и никто в поселке Заречный, не сомневается, что самолет этот будет летать. А сам изобретатель уже думает о том, что в недалеком будущем таких небольших самолетов будет немало, что во многих районах Тюменской области такие же, как он, люди, одержимые жаждой полета, осваивают мотодельтапланы, конструируют собственные летательные аппараты, и что поэтому уже сейчас нужно разрабатывать законодательную базу для обеспечения безопасности полетов.

А еще он хочет, чтобы проводили в области ежегодные слеты конструкторов-любителей. И пусть бы собирались вместе те, кто делает необычные машины, самолеты или ветряные мельницы. Уж им бы было о чем поговорить! А от тех разговоров может и профессиональным конструкторам да изобретателям какая польза будет.

ДО СТА ЛЕТ БЕЗ СТАРОСТИ

В квартире у Якова Павловича Вакуленко чисто и аккуратно. На стене над металлической кроватью с панцирной сеткой фотопортрет, на другой стене на увеличенной фотографии, сделанной лет сорок назад, хозяин с женой. Над диваном — репродукция картины Шишкина. В углу — цветной телевизор. В шкафу за стеклами вместо книг — красивый недорогой чайный сервиз. На полу комнаты — протертая до дыр дорожка. Вот и все нажитое за сто лет богатство.

Сам хозяин сидит на диване в чистой теплой трикотажной рубашке, спортивных брюках, на ногах валенки. Широкая густая борода аккуратно расчесана.

— Нет, чую, старость уже подкрадывается. Задница вот тяжелой становится, от дивана иногда трудно отрывать, — со смехом говорит Яков Павлович. Встает без особого, впрочем, труда и идет на кухню. Я еще раз осматриваюсь и с трудом верю, что порядок в квартире поддерживает сам хозяин, без посторонней женской помощи.

— И давно вы один?

— Да уж двадцать лет! Предлагали мне женщины помогать по хозяйству, а я и сам не хуже их справляюсь. После них только неразбериха одна.

— А не трудно все самому? Ведь не молодой уже.

— О, брат ты мой! Я ведь каждое утро зарядку делаю. Потом вот разотрусь весь, все тело. У меня специально и мочалки такие жесткие навязаны. Разотрусь, аж горит все, потом — под холодный душ. А потом опять жестким полотенцем весь обтираюсь. Да-а, вот так. А ты сам-то зарядку делаешь, под холодный душ становишься?

Посрамленный, я должен был признаться, что зарядку делал только в армии, а вот холодной водой лишь обтираюсь, не отваживаясь залезать под холодную струю.

— Не-ет! Надо под холодный душ. Это лучше всяких лекарств. Я ведь гриппа вообще не знаю. А лекарств никогда не пей. Отрава это, химия. Одно место вылечишь, другому вред нанесешь. Все от природы брать надо.

— А кто вам еду готовит?

— Да сам и готовлю, кто же еще! Борща наварю на неделю, потом только разогреваю на обед. А по утрам я чай пью, хлеб с

маслом, со сметанкой, с вареньем. В полдник опять же чай. На обед обязательно — мясное. Тот же борщ. Мясо ем только вареное. На ужин вечером — молоко с хлебом. Главное — никогда не передай. Надо немножко голодным оставаться, это полезно. А то нажрут, дышать не могут, какого тут здоровья хватит?!

— А вы что, так никогда в жизни и не болели?

— Как же? Было. До войны врач бруцеллез признал. А я к бабке одной пошел. Она и присоветовала мне в баньке хорошенько пропариться. Я и давай прогреваться! Да как у меня гнойники по всему телу пошли! А через них вся и хворь из организма вышла. Выздоровел, строевым признали, потому на фронт-то и взяли на пятом десятке.

Я, видно, с детства такой закаленный получился. Я ведь семи лет сиротой остался. Тятенька, царствие ему небесное, на пятьдесят втором году помер, а через два месяца и мамонька отошла на пятидесятом. В деревне мы жили. А у сироты, известное дело, жизнь какая в те поры была. Кто что даст, в том и ходишь, а то и босиком. А я уважительный рос. Кто что попросит сделать, я и делаю. В школу начал ходить, а тут сноха родила, пришлось мне нянькой стать. Сама же сноха буквам меня научила. Тем до армии и жил. Это уж потом в армии выучили, тогда ведь в армии-то и школа была, и политзанятия. Грамотными нас делали, а я много лет прослужил. И на Дальнем Востоке, и в Монголии. К армии у народа уважение было, гордились. Солдат придет, вся пацанва следом бегают. А воевал в Отечественную в Прибалтике. В восьмидесяти километрах от Риги меня снайпер подловил, ранил.

— Остался теперь один, как рак на мели, — вздыхает Яков Павлович. Хотя в Тюмени же живут его семидесятилетняя дочь, внучка и внук. Но дочери в этом возрасте уже тоже непросто на другой конец города добираться, у внучки своя семья и свои заботы, у внука в двадцать лет тоже интересы другие. А каждый их визит для старика праздник.

— Мне ведь ничего не надо. Пенсии хватает, делаю я все сам. Доброе слово всего дороже. По молодости-то мы не всегда это понимаем. Внученька вот приедет, обнимет, поцелует, что мне еще надо! Посидели, поговорили, и ладно. Я ведь нравоучение не читаю. Вы, молодые, никого теперь слушать не хотите.

Зовут меня к себе жить. Внук у меня в Свердловске, академик. Тот постоянно зовет, а я говорю: «Нет, пока могу сам, никому мешать не стану. Тебе, может, я и люб, а вдруг жене твоей не понравится, у вас из-за меня раздоры начнутся. Зачем это надо?»

Яков Павлович тяжело вздохнул. Помолчали. Я не мешал его воспоминаниям. Потом еще раз тяжело вздохнув «ох-хо-хой!», мой собеседник продолжал:

— На свадьбе у племянника моего мы с моей Наденькой-то познакомились. Так вот сразу ее заприметил, по душе пришлась. Потом вскоре поженились. Так смолоду характерами и сошлись, всю жизнь не ругивались крепко. Помаленьку, по мелочи, конечно, бывало, а серьезной ссоры — не-е-ет, не было. Четверых детей нажили, троих вот уже сам пережил. Жалко! Сыну ведь всего пятьдесят семь было, год назад умер. Баба его с толку сбילה. Пить начал сильно, через то и жизни лишился.

— Яков Павлович, а вы-то водочкой баловались?

— А я и сейчас пью! Да-а... Каждый день. Наливаю себе десять граммов, водичкой разбавляю и выпиваю. Это как лекарство. А если пятнадцать граммов налью, так пьяны-ы-ый! — Он весело рассмеялся. — И курить никогда не курил. Один раз только с женщинами в компании как-то попробовал, искашлялся весь, аж до слез. Больше никогда и не пытался. Я ведь и шустрый был. Песен попеть, потанцевать, сплясать, поговорить, на все был мастер, меня девки-то и любили. На гармошке вот только не выучился. Вообще раньше веселья больше было. На все праздники вечера проводили, песни пели, танцевали. А теперь что, за стол сядут, стопку за стопкой наливают, вот и все веселье. Не умеете вы теперь жизни радоваться. Все злые, ругаются.

Мы ведь даже на фронте, было, пули вокруг свистят, мины рвутся, а мы — пехота, известное дело, первые в атаку. Бежим или ползем, лица у всех аж зеленые, а все одно со смехом, с шутками да прибаутками. Тем и выжили. Я вообще счастливый был. Один раз в окопе граната рядом упала, откатилась и разорвалась. А представь, что бы от меня осталось, если бы сразу сработала. Господь Бог меня спасает.

— В Бога верите?

— А как же! У меня вон в шкафу и иконки есть. А за стол я не сяду, пока не перекрещусь. Не зря говорят, что Господь не допустит — свинья не съест. Дважды меня Бог спасал. И брат мой мамоньку попросил иконку ему зашить в одежду, когда на фронт пошел. Шинель вся прострелена, а самому ни царапинки. А потом в бане фронтовой его и накрыло, когда иконки на теле не было. Вот как тут не верить?! И венчались мы с Наденькой как положено, и потому прожили счастливо. А ты сам-то крещеный? Нет? Надо окреститься обязательно. И детей тоже окрестить. Господь помогать будет крещеным.

Мы опять помолчали, после очередного «Ох-хо-хой!» Яков Павлович продолжал:

— Я вот жизнь, считаю, счастливо прожил. И в армии много служил, и на руководящей работе потом был, а главное, чтобы к людям уважение имелось. Человеком надо быть всегда! Нам ведь всего досталось. И в гражданскую нас, неграмотных, куда ткнут, туда и идем, а на чьей стороне правда, и не знаем. Это уж потом грамотешке подучился. Я ведь потом и техникум закончил. А самая главная школа — жизнь. Я ведь как себя сызмальства помню, все чем-то занят был, все работал. К ста годам-то всякой работы хватило. Всего досталось...

Смотришь вон телевизор, мордобою сплошной показывают, насилие. Парень с девкой познакомится, сразу в кровать тащит. Да куда это гоже! И мы молодыми были, и воевали, но такого не было.

А культура какая теперь?! Песни, так ведь слушать невозможно. Вот раньше как запоют на два-три голоса, так заслушаешься. А теперь и слов-то не понять, о чем поет, зачем на сцене кривляется. И все заграничина эта, как будто у нас своих, русских, песен нет хороших. Забыли все...

А воровство возьми. Да у нас в Сибири даже в городах дома не запирали, если куда уходят. А теперь и в деревнях все на запорах, а в городе вообще страх посмотреть. Дома все в решетках, двери железные. Разве это дело, так жить, всего бояться?

— А вы сами-то ничего не боитесь?

— Да как, каждого места и боишься. На улицу идешь, шапку новую страшно надевать — вдруг снимут. Я сам-то никому не нужен. Квартира моя нужна. Ко мне ведь всякие люди ходят. Тут как-то двое корреспондентами назвались. Один все выспрашивал, а другой будто фотографирует, а сам все по сторонам разглядывает. Говорю, дочка, мол, с минуты на минуту должна прийти, так их как ветром сдуло, чуть дверь не вышибли, так заторопились.

А смерти я не боюсь. Боюсь только, чтобы на улице не упасть, а то все будут мимо ходить и думать, что напился старик до беспамятства.

Пока сам все могу, хорошо. А то ведь мы, старые, никому не нужны. У нас вон в соседнем подъезде женщина была. Паралич разбил. Пять дочек, а ни одной не нужна стала. Одна к другой перепихивали, пока не померла. Тяжело так-то обузой другим быть. Тихонечко бы так заснуть и не проснуться.

Суровая статистика констатирует: человеческий век становится все короче — продолжительность жизни россиян неуклонно уменьшается. Стойкие к природным и общественным катаклизмам женщины живут примерно лет на десять дольше представителей сильного пола. Средняя продолжительность жизни

в России сегодня — около 65 лет. Однако, к счастью, и в этой довольно унылой картине есть свои светлые пятна. Это люди, постоянно работающие над собственным здоровьем, не позволяющие себе киснуть и распускаться, — словом, те, кто дает себе ежедневный труд жить долго, жить полноценно. По данным Управления демографии Госкомстата РФ, в России не перевелись еще долгожители. Так, граждан от 95 до 99 лет у нас около 29 тысяч. Но есть и еще одна возрастная группа — 100 лет и старше: их в стране 7 тысяч 248 человек.

Оглянитесь — вдруг они рядом? Присмотритесь — у них есть чему поучиться...

КИМОНО И РЯСА В ОДНОМ ГАРДЕРОБЕ

Уроки каратэ в десантном полку и в местной детско-юношеской спортивной школе небольшого сибирского города Ишима ведет православный священник отец Петр. Отец Петр (Лысенко) служит настоятелем храма Покрова Божией матери, проводит соответствующие чину обряды крещения, венчания, исповедует прихожан, отпевает умерших, освящает новостройки или дорогие машины местных богачей. Раз в квартал ездит за тысячи километров к православным верующим в Чечню и во время этих визитов по делам промысла Божьего наведывается в воинские части, где нередко встречает своих старых знакомых. Десантники, которые проходили учебку в Ишиме, знают отца Федора как своего учителя по боевым искусствам.

Вообще детство Петра проходило среди военных. Родился он в семье офицера в Хабаровске. Потом отца перевели служить во Владивосток. Там, в городе, где многое пропитано духом восточной культуры, которой моряки проникаются во время своих посещений соседней Японии, начал ходить в кружок каратэ и страстно увлекся спортом и древней философией. Да увлекся настолько, что к 12 годам уже стал чемпионом восточного региона России, получил второй дан и черный пояс. А во время учебы в шестом классе общеобразовательной школы параллельно стал тренером. Наверное, самым юным в нашей огромной стране.

Из Владивостока, после того как отец-подполковник уволился из армии в запас, семья переехала в Омск. Сын поступил в агропромышленную академию, но к технике душой не прикипел. А поскольку мать и бабушка были верующими и регулярно брали с собой на службы Петра, он со временем бросил светский вуз и поступил в Омское епархиальное духовное училище.

К тому времени парень достиг уже немалых вершин. Шутка ли? В России он был четвертым, кто получил черный пояс. Но на этом и кончилось было увлечение искусством восточных единоборств, ибо духовные пастыри посчитали непотребным для будущего православного священника занятие гордым военным искусством, поскольку оно мешает смирению и послушанию. И спортсмен сжег кимоно вместе с непросто завоеванным черным поясом.

Но прошло время, и тот же самый духовник благословил продолжать занятия.

— То, чем я занимаюсь, — это боевое искусство, имеющее вековые традиции, — рассказывает тренер в рясе. — Стилъ шо-токай — это сердце каратэ. От него уже развилось около пятнадцати направлений. В свое время еще советские спецслужбы взяли его на вооружение, отринув, на их взгляд, чуждые нашей идеологии традиции Востока. Я тоже преподаю боевое искусство Востока, но во главу угла ставлю православие.

Отличие уроков от традиционной восточной школы состоит в том, что во время тренировок отец Петр не концентрирует энергию, а читает православную молитву и сил просит у Бога. Этому же учит и своих подопечных.

Свои занятия в воинской части и спортивной детско-юношеской школе священник считает очень важными не только для укрепления духа, но и для укрепления тела. Ибо нынешняя молодежь, по его оценке, стала намного слабее той, что была в годы его отрочества и молодости. Нынешнее поколение пепси стало слабо духом и телом, и помочь ему обрести силы должны молитвы и регулярные занятия спортом. В том и другом он по силе своих возможностей старательно помогает.

Сам же в этом году надеется с Божьей помощью получить третий дан. Говорит, если господь благословит, поедет в центр боевых искусств в Москву или Японию. Тем более что в прошлом году получил приглашение на повышение квалификации от самого Танака-сэнсей.

Между прочим, иерей Петр является главным сэнсеем Тюменской области. Так что и ряса, и кимоно сидят на нем одинаково ладно.

КОМУ НУЖНЫ ВЧЕРАШНИЕ ГЕРОИ?

Эту симпатичную женщину с несколькими ребятишками лет трех можно видеть на крохотном пяточке окруженного многоэтажками городского двора каждый день. И все, кто проходит мимо, заглядываются и на нее, и на мирно играющих чистеньких детишек. Одни завидуют большому количеству ее внуков, другие просто жалеючи вздыхают: «Героическая женщина!»

А она и впрямь героическая, потому что много лет назад стала Героем Социалистического Труда, не один раз избиралась депутатом Верховного Совета СССР, была делегатом партийных съездов. И все это в прошлом. И не столько потому, что нет такого государства — Советский Союз, что на смену социалистическому труду пришел непонятно какой, а о партийных заслугах лучше и не вспоминать, хотя какие там были заслуги: сидела на съезде в зале Кремлевского дворца с мандатом в кармане, олицетворяя собой единство партии и народа.

От бывшего депутатства тоже остались лишь воспоминания. Это нынешние избранники, сетует, первым делом о своем статусе да обеспеченном будущем заботятся. У прежних только фотографии из Дворца съездов на память и остались.

И вот — пенсия. И как в той старинной народной песне: «Позабыт, позаброшен». Нет, конечно, настоящие подруги остались, только в общении с ними и находит утешение недавняя гордость Тюменской области, Герой Социалистического Труда, заслуженная ткачиха Тюменского камвольно-суконного комбината Галина Петровна Яковлева.

Сегодня на комбинате таких тружениц, как она, уже и нет. И сам комбинат, поменяв название, еле влачит существование, то и дело находясь под угрозой банкротства, и среди его работников нет уже бывшего рвения к работе, что было у поколения, вышедшего на, как говорят, заслуженный отдых. Даже в огромном коллективе почти не осталось тех, кто помнит, кто сам видел, как работала Галина Яковлева. На те несколько дней, что уезжала в Москву на сессию Верховного Совета, на ее участок ставили на замену двух работниц, потому что обслуживала она не просто расширенную зону — было у нее станков в три раза больше, чем полагалось по норме.

Были и в те времена злые языки, были завистники, которые говорили, что делают депутату приписки, но никто из них даже

не попытался встать рядом и работать с такой же интенсивностью. Тут надо было не языком чесать, а буквально бегать между станками все восемь часов нелегкой смены. А потом еще идти на встречи с избирателями, вести прием и часами выслушивать о бедах, звонить, встречаться с руководителями обиженных, добиваться справедливости.

А потом была авария. Долго пролежала в больнице, несколько месяцев лечила ушибленные ноги, но так, как прежде, работать уже не смогла и тихонько, незаметно вышла на пенсию. Первое время комбинат помогал, а потом и самому потребовалась помощь. Так и оказалась легендарная ткачиха практически никому не нужной. Разменяла квартиру, чтобы остаток дней прожить вдвоем с мужем да пуделем Антошкой отдельно от детей — пусть сами хозяйничают. Пошла на телефонную станцию просить на новую квартиру телефон. Отказали — нет возможности. Но она-то знает, что стоят в соседних квартирах телефоны, названивают. Оказалось, коммерческие, за большие деньги установленные состоятельным владельцам, нынешним сильным мира сего. Взыграла было гордость, не утерпела, пошла к начальнику АТС, напомнила, как она, в то время, когда работал начальник главным инженером, вместе с ним, будучи депутатом, не раз ходила на прием к министрам, в прямом смысле слова выбивала валюту на закупку оборудования этой самой АТС. Цинично ухмыльнулся телефонный хозяин: «Так вот тогда и надо было пользоваться моментом. А теперь что вспоминать былые заслуги. Время ушло».

С горечью пришлось согласиться, что время действительно ушло. Пришло время, когда не по труду людей ценят, а по толщине их кошелька, а ее кошелек наполняет лишь скромная пенсия, своя да такая же скромная — мужа, вот и пришлось дать объявление: «Чистоплотная аккуратная пенсионерка согласится стать няней». Взяла сначала одного малыша, потом второго, третьего, четвертого. Жить-то, говорит, на что-то надо. А с четырьмя малышами за целый день не соскучишься, пока их родители на работе. Ведь не только развлечь, покормить несколько раз надо и спать устроить после обеда, и все это в своей двухкомнатной квартире. А пока спят, в магазин за продуктами сбегать, а вечером — еще раз, да приготовить на всех, да уборку сделать, разбросанные игрушки прибрать, пыль вытереть.

Обидно ли остаться в таком забвении после зенита славы и заслуженных почестей? Хоть Галина Петровна и не хочет в этом признаваться, все же, наверное, обидно. И эту обиду просто по-человечески понять нетрудно: всю жизнь работать на общество, годы своего личного времени тратить на защиту незаслуженно обиженных, добиваться справедливости, пользуясь депутатским мандатом, «выбивать» блага не для себя, а для города, области,

и потом остаться забытой этим обществом, которое выжало из тебя все твои силы и отвернулось за твоей нынешней ненадобностью. С этим трудно смириться. А ведь таких, как Галина Яковлева, в нашем обществе тысячи.

Довелось как-то беседовать с Героем Социалистического Труда, бывшим директором одного из тюменских леспромхозов Михаилом Ивановичем Ольшевским. Ему было на тот момент шестьдесят шесть, на пенсию уехал жить в Екатеринбург, где мало кто знает его прошлое, а значит, не берedit больные раны. Трудовой стаж этого Героя с учетом северного коэффициента чуть меньше его собственного возраста, и если, как шутит Михаил Иванович, считать, что в шесть лет начал пасти коров, то так оно и получается, что из шестидесяти шести шестьдесят работает.

О том, как работал, говорят его награды: орден Трудового Красного Знамени, орден «Знак Почета», Звезда Героя труда и несколько медалей. К сведению тех, кто в последние годы в стремлении охаять прежнюю идеологию мажет дегтем и людей, никакого отношения к этой самой идеологии не имевших, а просто работавших на совесть не для процветания режима, а на процветание общества, стоит сказать, что награды свои получил Ольшевский не за угодничество начальству, а даже вопреки ему. Больно уж не нравились райкомовским руководителям его прямолинейность, собственная позиция и дьявольское упорство ее отстаивать, нередкое неповиновение спускаемым указивкам. Доходило даже до того, что министерство, зная настоящую цену Михаилу Ивановичу как руководителю, от греха подальше переводило его работать от своенравных партийных секретарей из Тюменской области в Коми. Там он начинал все с нуля и снова добивался непревзойденных результатов. И что самое главное — не кнутом и окриками, а заботой о своих рабочих.

Ольшевский не мог понять, как можно жить в лесу, заготавливать этот лес, отправлять его куда-то тысячами вагонов и не построить дом своим рабочим. И принимая на работу каждого нового механизатора, на несколько месяцев ставил его в бригаду строить дом для семьи, а потом уже заниматься лесозаготовкой. В его леспромхозах практически не было очередей на жилье, более того, даже в те времена стояли несколько свободных квартир, готовых принять новоселов.

Перевыполняя планы заготовки и отгрузки леса, он мог позволить и такой жест, как бесплатное выделение рабочим стройматериалов для бани, хлева, сарая, агитировал разводить личное подворье. Это именно он, уроженец картофелеводческой Белоруссии, чуть ли не силой заставил рабочих сажать в северных районах картофель, убедив, что он даст хороший урожай. Потом создал в леспромхозе крепкое подсобное хозяйство.

Ну, а такой пример, когда на время сбора грибов и ягод отдал распоряжение предоставлять отпуска любой продолжительности, чтобы могли люди запастись дарами природы на всю зиму, разве не заботой о людях пронизан?

И ведь все эти примеры тогда, при официальных лозунгах про заботу о человеке, шли вразрез с тем, что на первое место ставились сверхплановые кубометры древесины любой ценой, а значит, за каждое такое самовольное нововведение, не санкционированное райкомом, получал директор очередного «строгача», очередное внушение. Но чаще всего делалось это для острастки других, потому что у Ольшевского при его либерализме к рабочим план по заготовке и вывозке всегда перевыполнялся. Опять же, главным образом, из-за умения мыслить перспективно, начиная с благоустройства поселков и строительства дорог. О дорогах вообще ходил анекдот.

Весной, когда намороженные за зиму лесовозные трассы растапливает теплое весеннее солнце, когда леспромхозы один за другим заканчивают сезон вывозки, у Ольшевского темпы не снижаются. День, другой, третий... Везде лесовозы уже на приколе, а Ольшевский передает сводки, в которых стоят зимние темпы вывозки. «Приписка» — решают в управлении и шлют для проверки комиссию. Приезжают проверяющие и видят идущие по дороге груженные лесовозы. Оказывается, директор еще зимой дал распоряжение посыпать колеи опилом, которого у пилорам скапливалось великое множество. Под этой своеобразной подушкой дорога долгое время сохранялась, не раскисая и давая возможность как ни в чем не бывало возить хлысты. Так приходилось вместо взыскания за обман в очередной раз хвалить директора за природную сметку, за хорошую организацию производства.

И если начальство при всем уважении к Михаилу Ивановичу как прекрасному организатору не жаловало его за строптивость, то рабочие в нем души не чаяли — жилье строил, с хозяйством помогал, зарабатывали в полтора-два раза больше самого директора. Ну, обижались, бывало, за нагоняи, так и то потом соглашались, что наказал справедливо. Они-то как раз и жалели, когда собрался Ольшевский на пенсию.

— Одна радость в жизни осталась: сын подрастает, — гордо улыбается Ольшевский. — Поздний он у нас ребенок. Пятьдесят три мне стукнуло, когда малыш родился. Совсем было уж отчаялись, думали, и не будет детей, а на старости Бог дал. Вот теперь ради него и живем, тянемся. Ну, подрабатываю так поменьку. По старой дружбе приняли представителем лесоперерабатывающего комплекса в Екатеринбурге. Добавка к пенсии, на выпивку и закуску.

Он еще пышет здоровьем, действительно, может и «плеснуть на каменку», выпить за здоровье, за удачу, за добрую па-

мать и старых друзей. Они переманивают в Тюмень, но он все не решается оставить в Екатеринбурге купленную давным-давно при помощи родителей жены кооперативную квартиру с крохотной кухней, где только и хватает места одной хозяйке, а помощники уже только мешают.

Нет, конечно, ему в свое время руководство «Тюменьлеспрома» предлагало в Тюмени по старым меркам хорошую квартиру почти в сорок метров жилой площади. Как-никак тридцать три года проработал в лесной отрасли. Отказался — неудобно как-то. Не думал о будущем, о пенсии, о спокойной старости. Собственно, о ней он и сейчас не думает, полностью посвятив остаток жизни сыну, в котором не чает души, которого называет эликсиром жизни.

О заслугах своих говорить не любит.

— Какие, на хрен, заслуги! Вот что такое сегодня Герой Соцтруда? Прихожу в стоматологическую поликлинику, написано: «Пенсионеры обслуживаются бесплатно». «А Герои Труда?» — спрашиваю. «На общих основаниях». Вот тебе и весь трудовой героизм. Пенсионером каждый рано или поздно станет. А много ли было Героев? У меня Звезда номер двадцать тысяч четыреста... Ну, может, после меня еще человек сто-двести получили. А сколько сегодня в живых осталось? Вот то-то... С этим отрицанием былой идеологии совсем затюкали многие понятия, до абсурда довели. Лично мне никаких дополнительных льгот не надо, я и без звания геройского их имею, но ведь обидно. Герой России имеет, Герой Советского Союза имеет, а Герой Социалистического Труда — нет. А ведь Звезду за труд было ой как непросто получить! Не про себя говорю, — распаляется Михаил Иванович. — Вон хотя бы Павла Попова взять. Единственный в стране человек, который за труд на лесосеке стал дважды Героем. Его комплексная бригада одна заготавливала древесины больше многих леспромхозов. А Павел теперь и не в чести вроде.

Этот наш разговор о Попове вспомнил я потом, некоторое время спустя, на торжественном вечере в честь 65-летия Ханты-Мансийского автономного округа, где собрались ветераны, первопроходцы, люди заслуженные, известные в былые годы всей стране, потому что имена их не сходили со страниц центральных и областных газет, чуть не ежедневно звучали по радио и телевидению. А Попов не пришел. Этот скромный работяга не захотел лишний раз мозолить глаза людям своим появлением на торжествах, а значит — и на экранах телевизоров. Еще до пенсии, когда его просили выступить с очередной дежурной речью, он долго отнекивался, сопротивлялся, а потом, краснея и путаясь, произносил перед телекамерой несколько общих фраз и, возвращая микрофон, говорил: «Да лучше я смену в лесу отработаю, и лег-

че и привычнее, чем перед этими вашими камерами выступать. Не мое это дело».

А уж теперь, когда в стремлении некоторых политиков обругать все прошлое, в том числе и труд простых людей, Герои и вообще замкнулись, стыдливо отошли на задний план и начинают забываться.

Даже не пенсионеры, а те, кто продолжает работать. Какого труда стоило мне, чтобы узнать, где сейчас легендарный буровой мастер Василий Сидорейко. О нем ничего не знали даже те мои коллеги, кто чуть ли не каждую неделю делал передачи из его бригады, кто по несколько раз в год по поводу и без повода брал у него интервью. Не знали не только коллеги столичных газет, не знали ничего журналисты Сургута, где он работал, где стал Героем Социалистического Труда и где продолжал работать в том же коллективе, только на ступеньку выше поднявшись по должности.

Забвение. Мы почему-то утратили интерес к этим людям, которые были нам так интересны еще совсем недавно. Забыли журналисты, забыло общество, забыли трудовые коллективы, в которых эти люди работали.

Ладно. Про кого-то можно сказать, что делали ему приписки, про другого, что отводили лучшие участки, где проще дать высокую выработку, про третьего — особенное обеспечение оборудованием, про четвертого — что он вообще не работяга, а директор. Они были не просто Героями Труда, были депутатами, делегатами, членами партии. Но что можно сказать про простую работницу Тюменской сетевязальной фабрики Ларису Хараборкину, кроме ее исключительного старания в работе? Она не была в партии, не избиралась депутатом, не выступала на собраниях, молча отсиживая эту обязательную повинность, даже не удостоилась правительственных наград — все не подходило то по возрасту, то по своей непартийности, то из-за невысокого образования. Работала действительно за троих, потому что и на ее расширенную зону обслуживания ставили на время отпуска или крайне редких случаев болезни тоже, как и за Яковлеву, — троих.

Я работал в те годы на телевидении, и приехала наша съемочная группа на фабрику снимать для какой-то передачи сюжет. Нам назвали несколько лучших работниц, просили показать именно их. Двух оператор снял быстро, отрепетировав с ними, с какой стороны к станку лучше подойти, где остановиться, а вот с Хараборкиной все никак не получалось. Только оператор наведет фокус, она срывается и бежит к остановившемуся станку. И так несколько раз, пока они друг на друга не распахивались и не махнули рукой. Так Хараборкину крупным планом снять и не удалось, а жаль было, потому что она тогда, в начале третьего года не помню какой по счету пятилетки, этот са-

мый пятилетний план уже перевыполнила, а потом за оставшееся время сделала еще два пятилетних плана.

Получила за свое перевыполнение грамоту да фабричную премию, потому что относилась фабрика к Министерству рыбного хозяйства, а там трудовые подвиги только по тоннажу выловленной рыбы признавали.

Работала Лариса Хараборкина за троих, жила с мужем-инвалидом и двумя дочерьми в комнате общежития для мало-семейных, просьбами своими никому не докучала, заявления не писала, ничего не просила, да так до пенсии и доработала. Перед пенсией, правда, получила двухкомнатную квартиру в фабричном доме, а поскольку бегать по цеху за троих уже не могла, с фабрики уволилась. И стала эта поистине самоотверженная труженица работать вахтером в районном собесе, куда приходят за разными справками, отсиживая в длиннющих очередях, в том числе и те, кто помнит ее быстроногой и неутомимой. Зато на самой фабрике в последние годы ее существования про стахановку мало кто и знал. Даже профсоюзные лидеры долго не могли вспомнить имя-отчество Хараборкиной, а знали, что работала, лишь потому, что жили в одном с нею фабричном доме. Вот такова наша память о добрых тружениках!..

И хорошо бы еще пенсию свою эти люди получали тоже за троих, как за троих и работали! Так ведь нет, и заработок был тогда не в три раза больше, а на самую малость отличался, и премии были смехотворные, и пенсия теперь не больше, чем у тех, кто не больно-то на работе выкладывался. Поговаривают, что то ли в правительстве, то ли депутаты в Думе вопрос этот собираются обсуждать для восстановления справедливости, только ведь пока суд да дело, пока решение созреет, пока потом ветераны справки нужные соберут о своих многократных переработках, им уж ничего и не надо будет.

Им не надо... А нам? Нам это тоже не надо? Или нам стыдно, что мы так работать уже не можем, и в этой своей стыдливости забудем о тех, кто не на поле брани стал Героем, а был удостоен этого гордого звания просто за труд, за работу, на которую не все были способны, так же, как не все были способны и на ратный подвиг.

Примечание: В настоящее время Герои Труда, так же как Герои Советского Союза и Герои России, получают повышенную пенсию.

ЧЕРЕЗ ТЮМЕНЬ ПРОЕЗДОМ

В селе Черное Вагайского района, где в старину находилась почтовая станция Дресвянка, установлен памятный знак в честь финского исследователя Сибири Эрика Густава Лаксмана.

Чтобы попасть в Дресвянку, которой теперь нет даже на крупномасштабной карте области, от автодороги, что соединяет Вагай с Аромашево и идет дальше на юго-восток до Ишима, надо свернуть влево и проехать несколько километров до полузаброшенной деревни. Здесь, на берегу реки Вагай, неподалеку от разрушенной церкви и давным-давно зияющего выбитыми окнами клуба, находится затерянная могила ученого и стоит памятный знак. На листе нержавеющей стали, прикрепленном болтами к врытым в землю ржавым трубам, выгравировано, что здесь 16 января 1796 года по пути в Иркутск умер и похоронен выдающийся финский ученый и путешественник Эрик Густав Лаксман.

Эта надпись не совсем соответствует действительности. Дело в том, что Лаксман действительно первую половину своей жизни провел в Финляндии, но с таким же правом его можно назвать и шведским ученым, потому что родился он в 1737 году в небольшом городке Нейшлоте, как называлась эта крепость во время шведского правления. Но правильнее всего было бы написать — «русский ученый», потому что Финляндия в те годы входила в состав России, а естествоиспытатель, химик, путешественник, профессор экономики и химии Эрик Густав Лаксман в феврале 1770 года был избран академиком Российской Академии наук и в России, где провел вторую половину жизни, многим был известен больше как Кирилл Густавович.

Эрик учился в Боргосской гимназии с ее богатой коллекцией минералов, потом закончил университет в финском городе Або, ныне более известном как Турку, стал пастором. Но значительную часть времени в ущерб своим церковным обязанностям уделял изучению природы южной Финляндии, собирал гербарии и отсылал их в Петербург с надеждой приобщиться к деятельности Академии наук.

В 25 лет Эрик уезжает в Петербург, навсегда оставляя свой родной городок Савонлинна, который, между прочим, вошел в историю русско-шведской войны как небольшая русская крепость Нейшлот. Шведы так и не смогли открыть ее ворота, хотя обороняли форт всего две с половиной сотни солдат под командованием майора Кузьмина. То ли дух в тех местах такой непокорный витает, то ли еще что, но и у Эрика Лаксмана был характер твердый и непокорный, что не раз потом очень сильно ему досаждало в жизни и приводило к большим конфликтам с руководством.

Именно по этой причине имя ученого-энциклопедиста нередко забывали упоминать в научных трудах, а нередко большие ученые мужи с положением и званиями просто бессовестно пользовались его открытиями. Вообще же судьба этого человека необыкновенна. Он был из тех одержимых людей, которые с юности и до последних дней стремятся к одной цели — раскрыть тайны природы.

Приехав в Петербург и заняв место воспитателя в пансионе при церкви св. Петра и Павла, Лаксман интересуется естественными науками, знакомится с учеными — Миллером, Палласом, Фальком. Не без их влияния молодой натуралист всерьез задумывается о серьезной науке, ездит в экспедиции на юг и север России, в Поволжье, часто один исследует окрестности столицы и проникается неподдельным интересом к Сибири, о которой в то время ходило столько разговоров.

А тут вскоре поступает предложение занять место пастора в Барнауле. В этом городе и его окрестностях проживало на то время всего несколько католиков, и потому у святого отца было много свободного времени, которое он целиком посвятил науке.

За 5 лет пребывания в Барнауле Лаксман сделал множество открытий в ботанике, зоологии, метеорологии, минералогии, химии, совершил далекие путешествия. Он побывал на границе Монголии и Китая, доезжал до Кяхты. При своем доме завел сад, где выращивал сибирские растения, делал гербарии и отправлял в Петербург Карлу Линнею. Но самой большой страстью его жизни было собирание редких минералов. Эта страсть достигла предела мечтаний, когда он побывал на Байкале. После этого Лаксман оставляет путь религиозного служителя и целиком отдается науке.

В 1769 году в печати появляется целая серия его научных трудов. А на следующий год его избирают в Академии наук ординарным академиком по экономике и химии.

В 1780 году, будучи уже академиком и профессором, добился назначения в Нерчинск горным советником ради того, чтобы продолжить свои исследования. В 1784 году Кабинет императрицы жалует ему должность минералогического путешественника, и Лаксман выбирает местом своего постоянного жительства Иркутск, который был наиболее богатым и оживленным городом Сибири, объединял восточные и западные торговые пути России. В Иркутске ученый поселяется с семьей на остальные годы жизни. А семья, надо отметить, была немаленькой — жена Екатерина Ивановна, сыновья Мартин, Корсиан, Иосиф, Константин и дочь Мария. При доме содержали сад и оранжерею, где росли еще неизвестные в сибирских краях картофель, вишня, яблоки и персиковое дерево. На аптечном огороде выращивалось множество ароматных и лечебных трав.

В Иркутске Лаксман создает первый в Сибири общественный музей, а в 40 верстах от города по Амурскому тракту строит собственный стекольный завод, где применяет изобретенный им новый способ варки высококачественного стекла по глауберовой технологии. Для этого использует природную соду, или сульфат натрия, залежи которого были в изобилии в местных озерах. Это сделало производство стекла выгодным как экономически, так и экологически.

Путешествуя по Лене, Вилюю и Забайкалью, открыл светло-зеленый гранат, байкалит и вилюит. Благодаря Лаксману в Сибири стали известны месторождения лазурита, берилла, циркона, флогопита и других ценных минералов. Он предложил новую технологию получения селитры и дефицитной для Сибири поваренной соли способом вымораживания озерной рапы.

В эти годы Лаксман приобретает все большее уважение и мировое признание. В течение короткого времени становится действительным членом Стокгольмской Академии наук, членом нескольких заграничных обществ по естественным наукам. Но зависть российских коллег и своенравный характер молодого ученого стали причиной многих его неурядиц. Дело дошло даже до домашнего ареста и перевода (это, наверное, единственный такой случай в научной практике) из действительных академиков в почетные.

А когда слухи о взаимной неприязни ученого с руководством академии и следующих по этой причине неприятностях дошли до зарубежных коллег, Лаксману прислали официальное приглашение заведовать кафедрой Стокгольмского университета. Вместо этого Эрик Густав Лаксман едет простым чиновником в Сибирь, где тоже часто не ладит со своим начальством из-за того, что не хочет подстраиваться под заведенные здесь правила и открыто осуждает процветающее мздоимство.

Зато зарубежный авторитет растет стремительно, и вот уже шведский король Густав III за неоценимый вклад в науку наградил Лаксмана двумя золотыми медалями.

А когда на берегу Байкала Лаксман обнаружил месторождение лазурита и с отчетом об открытии послал в столицу образцы этого поделочного камня, императрица приказала украсить лазуритом свою ванну в Царскосельском дворце, названную «лазурной». Даже сегодня об открытии ученого напоминают вазы, столы и чаши в Эрмитаже, облицовка зала в Мраморном дворце и других дворцовых постройках.

В немалой степени это способствовало тому, что Лаксману удалось добиться аудиенции у Екатерины для решения судьбы японских моряков. Их, потерпевших кораблекрушение, спасли русские мореплаватели и в феврале 1789 года привезли в Иркутск для решения дальнейшей судьбы. Лаксман стал часто бывать в этом доме, подолгу беседовать с капитаном Кодаю, расспрашивать его о Стране восходящего солнца. На основе этих бесед Лаксман составил для Петербургской Академии доклад о стране, про которую тогда в России практически ничего не знали.

Лаксман сам провел немало лет в России, которая все же не была его родиной, понимал, как тяжело было японцам вдали от дома, и поэтому стал для них настоящим опекуном. По его рекомендации капитан Кодаю написал сначала в Сибирское генерал-губернаторство, а затем императрице прошение о возвращении на родину. Чтобы передать эту челобитную Екатерине, ученый решил ехать в столицу. И в очередной раз его путь лежал через Тобольск и Тюмень.

Императрица прислушалась к Лаксману и не только разрешила капитану Кодаю и его спутникам вернуться на родину, но и повелела снарядить к берегам Японии экспедицию для налаживания русско-японских отношений. Возглавил эту экспедицию сын Эрика поручик Адам Лаксман.

Удивительно, но в те годы феодальная Япония уже около полутора сотен лет проводила официальную политику закрытой страны. Посещение ее иностранцами было категорически запрещено. Исключение делалось только для китайцев и голландцев. Выезд за пределы страны японцам также запрещался, поэтому в Японии почти ничего не знали о России. Так, благодаря Эрику Лаксману спасенные русскими японские мореплаватели, за которых он ходатайствовал перед царицей, стали первыми очевидцами, рассказавшими в Японии правду о России. А записанный, как сказали бы теперь, протокол допроса вернувшихся домой соотечественников стал первым научным трудом в Японии о России. Таким образом, без преувеличения можно сказать, что именно Лаксман открыл путь России в Страну восходящего солнца.

Надо отметить, что Лаксман за время своих путешествий десять раз проезжал через Тюмень и Тобольск, где проходил в то время главный торговый путь. И, очевидно, не просто был проездом, а занимался в наших краях наукой. Иначе с чего бы это вдруг он передал тобольским коллегам собственноручно изготовленные термометр и барометр, о которых в свое время с похвалой писал наш знаменитый исследователь и краевед Петр Андреевич Словцов. И судьбе было так суждено распорядиться, что именно на территории нашей области, которая тоже дала исследователю немало материалов для его научных трудов, закончился и его жизненный путь.

Однажды, в морозный февральский вечер, к небольшой почтовой станции села Черное подъехала повозка. Ямщики и смотритель слышали скрип полозьев и фыркание коней, но в дом долгое время никто не заходил. Вышли посмотреть, в чем дело, и нашли в повозке мертвого человека. Следов насилия на нем не было, подорожные деньги и документы оказались на месте, что исключало убийство с целью ограбления. У Лаксмана, как можно предположить, во время дальней дороги, когда на морозе для сугрева приходилось бежать рядом с повозкой, просто отказало сердце.

Как иноверца, его похоронили не на деревенском кладбище, а на берегу реки Вагай. С годами ту могилу или смыло водой во время очередного половодья, или она просто заросла травой и со временем сровнялась с землей.

Вспомнили о Лаксмане жители Вагайского района несколько лет назад, когда в связи с двухсотлетием со дня рождения ученого исследованием его биографии серьезно заня-

лись киевские следопыты. Именно они приехали в Дресвянку и установили на берегу памятный знак.

Они же разыскали и единственного из потомков великого исследователя Сибири. Эдгар Лаксман — крупный бизнесмен, живет в Португалии, наверняка гордится своим знаменитым предком, но вряд ли когда решится поехать в пугающую европейцев Сибирь, чтобы поклониться праху родственника, умершего здесь двести с лишним лет назад.

ОПОЗНАННЫЙ ЛЕТАЮЩИЙ ОБЪЕКТ

Тюменский изобретатель придумал летающую тарелку, экспериментальные полеты которой подтвердили огромную экономическую выгоду.

Применение своему детищу его создатель, кандидат технических наук Александр Филимонов, видит без ограничений. Поскольку человек он сугубо гражданский, в первую очередь называет доставку грузов в труднодоступные районы Севера, где идет интенсивное освоение нефтяных и газовых месторождений. До сих пор основная масса техники и оборудования доставляется на промыслы от водных или железнодорожных путей по зимнику волоком мощными тракторами. Для освоения Ямала от Лабытнаног, именуемых воротами Ямала, до Бованенково с его богатейшими запасами газа в свое время было построено более пятисот километров железной дороги, которую долгое время не эксплуатировали. В условиях вечной мерзлоты за это время она пришла в негодность и требует новых огромных финансовых вложений. Колоссальных денег требует строительство железной дороги вдоль Урала в рамках задуманного грандиозного проекта «Урал промышленный — Урал Полярный». И вместо этих непомерных затратных магистралей Филимонов предлагает совершенно новый вид транспорта.

При использовании летательного аппарата Филимонова обустройство такого крупного месторождения как Ямбург можно выполнить за одну-две недели, доставляя по воздуху готовые модули и соединяя их на месте в единую систему. Собственно, этот вариант на Севере используется уже много лет, только вот модули доставляют до сих пор к месту назначения ограниченными по грузоподъемности вертолетами да санными поездами по скованной зимними морозами тундре.

Александр Филимонов считает, что многомиллиардных затрат можно было бы избежать, используя его изобретение, но понимает, что в проекте, где закладываются миллиарды долларов, его летающим тарелкам места не найдется — не пустят туда его чиновники, заинтересованные в увеличении, а не уменьшении осваиваемых средств. Не государственные сейчас интересы они отстаивают, а прежде всего свои личные проценты «откатов».

Но есть еще множество не коммерческих, а исключительно государственных проектов. Александр Филимонов начинает перечислять примеры использования своего изобретения: тушение лесных пожаров, которые уничтожают тысячи гектаров лесов, оборона страны, где его «тарелки» можно применять для доставки техники и десанта на высоте хоть в несколько метров незаметно ни для каких радаров. Но пока военные чиновники к революционным изменениям в использовании полуфанстастической техники не готовы.

Впрочем, летающие тарелки Филимонова совсем не фантастика. Его первый опытный образец налетал во время испытаний немало часов. Не раз поднимался на нем в воздух и сам конструктор, правда, в роли пассажира.

Несколько лет назад бывший тогда в Тюмени губернатором Леонид Рокецкий проникся идеей изобретателя настолько, что финансирование создания необычного летательного аппарата было выделено в рамках областной программы отдельной строкой. Та первая летающая тарелка во время испытательных полетов показала свои неограниченные возможности, но вместе с ними и слабые места проекта, над которым предстояло работать дальше. Теперь она стоит в сарае рядом с ангаром, в котором строится новый летательный аппарат.

Чтобы не интриговать читателя намеками из области фантастики, должен пояснить, что ничего инопланетного в изобретении нет. Просто Филимонов умело соединил воедино лучшие качества сразу нескольких изобретений человечества. Его тарелку можно назвать дирижаблем, поскольку корпус летательного аппарата наполняется гелием. Но в отличие от дирижабля, который Александр называет игрушкой в руках ветра, его детище имеет управляемость не хуже самолета или вертолета. Эти качества тоже использованы в полной мере, как и качества судна на воздушной подушке, что давно применяются в армии, в народном хозяйстве, для пассажирских перевозок.

Тарелка Филимонова предполагает высочайшую степень безопасности полетов за счет гелия, кроме того, на ней имеются двигатели, но даже если откажут двигатели и произойдет утечка газа, летательный аппарат спланирует подобно самолету АН-2 и сможет приземлиться в любом месте даже на крохотную лужайку или водную поверхность.

Александр Филимонов разработал два варианта своей летающей тарелки. «Барс» грузоподъемностью до 50 тонн с тремя двигателями имеет два режима эксплуатации — полет и судно на воздушной подушке, полет и посадка в любую погоду в любом месте. В серию этот проект можно запустить за 4 года с

учетом чиновных проволочек на получение лицензий и прочих документов. Этот четырехместный агрегат стоит около 100-120 тысяч долларов, а при запуске в серийное производство — около 70 тысяч долларов, меньше, чем многие автомобили, на которых разъезжают по российским дорогам тысячи доморощенных предпринимателей средней руки.

Второй вариант — двухместная «Белла». Для запуска ее в производство нужно всего год-полтора. В лаборатории Александра Филимонова как раз завершается создание такого образца, который сделан с учетом ошибок первой летающей тарелки.

Конструктор видит своим изобретениям самое широкое применение, поскольку от Урала до Дальнего Востока и вдоль всего побережья Ледовитого океана, где богатейшие запасы природных ископаемых, главной проблемой остается отсутствие транспортного сообщения. Интерес у промышленников изобретение вызывает немалое. Недавно проведенные маркетинговые исследования показали, что прямо сегодня готовы приобрести летающие тарелки более двадцати фирм, причем некоторым нужны летательные аппараты грузоподъемностью до 300 тонн. Только вот все потенциальные потребители хотят купить готовый продукт, но никто не хочет вкладывать деньги в новый долгосрочный проект, который окупится лишь через несколько лет.

Конструктор побывал со своим предложением даже в знаменитой фирме Сухого, но и там с учетом состояния отечественного авиастроения и политики, ориентированной на западные самолеты, лишь уныло развели руками. Мол, вы, ребята, давайте как-нибудь сами, ищите деловых партнеров и спонсоров в своем богатом краю среди газовиков и нефтяников.

Александр Филимонов прекрасно понимает, что для серийного запуска изобретения в производство нужно, чтобы сошлись интересы финансистов, производственников и эксплуатационников, чтобы появилась корпорация. А пока конструктор и несколько его верных соратников строят свою новую летающую тарелку в ангаре аэроклуба дышащего на ладан местного авиа-ремонтного завода.

ОКСАНОЧКА

Дальняя безлюдная дорога, монотонный ровный еле слышимый шум двигателя да шелест шин по мокрому асфальту, мелкий морозящий дождь клонили ко сну. Из всех сил боролся я с наступающей дремотой, преодолевать которую не помогали ни два стакана жидкого, хоть и двойного, кофе в придорожной забегаловке, ни приоткрытое боковое стекло, через которое вривался в салон влажный прохладный воздух. И поэтому я даже обрадовался, увидев впереди голосующего попутчика, чтобы взбодриться за непринужденным незамысловатым разговором.

Смуглая симпатичная девушка лет двадцати закрыла зонтик, под которым пряталась от дождя на перекрестке в ожидании попутной машины, и с потоком утренней свежести буквально впорхнула в салон.

— Вот спасибо! А то я уж полчаса стою, по то не по пути, то места в кабине нет, то просто мимо проезжают.

Девушка положила свою сумку в ноги на пол, пристегнула ремень, деловито осмотрелась, поправила волосы. Во всех ее движениях чувствовалась какая-то уверенность, домовитость.

— А вы куда едете, а то мне ведь до сазоновской развилки надо.

— Еду я очень далеко, а где эта ваша развилка?

— Да восемьдесят километров отсюда.

— Ну, это рядом.

— Ага-а, ря-адам! Иной раз часа два вот так-то прождешь, прежде чем кто-то подвезет. Мы же все больше на попутках добираемся. Я вот каждую неделю к маме езжу, проведать, на автобус никаких денег не напасешься. Вечером приеду, посидим, поболтаем, а утром обратно. Хозяйство у меня там большое, мужу одному тяжело.

— А что за хозяйство? Кошка с котятами?

— Да вы смеетесь?! Мы поросят держим. Двенадцать свиноматок у нас. Сейчас маленьких-то почти нет, а как начнут поросяться, потом и к маме некогда будет съездить.

— Фермерством занимаетесь?

— Ну, можно и так сказать. Сначала-то мы решили было свиней на мясо выращивать, а потом надумали маленьких про-

давать. Желающих поросеночка держать много, а купить маленького нигде. Вот мы и занялись.

— Так ведь это же сколько корма надо для двенадцати! Где ж вы его столько берете?

— А у нас пятнадцать гектаров земли под картошкой и капустой занято. Ну, и комбикорм, конечно, покупаем. Одной-то картошкой не прокормишь. У нас и трактор есть, и вся прицепная техника к нему. А как бы иначе справляться-то? Брат мужа вот с семьей помогает, так что можно сказать, у нас общее дело на две семьи.

— И все равно тяжело, я думаю.

— А то! Конечно, тяжело, так ведь где легко-то? Просто так-то ведь деньги не даются. А с маленькими поросятами — это как с ребятишками нянчиться надо, чтобы не заболели, чтобы еще что. Это только говорят, что свинья грязь любит, а ее в чистоте содержать надо и в сытости. Если приплод-то хороший хочешь иметь. Вот еще года два-три подержим, а там, может, и продадим кому и дом, и свиней. Денег вот думаем немножко поднакопить.

— И как идет накопление?

— Смеетесь?! — Это ее недоверчивое «смеетесь» то и дело выскакивало чуть ли не на каждый мой вопрос и звучало как-то по-детски мило и явно не вязалось с ее рассудительностью взрослой женщины. — Так ведь у нас все в дело и уходит. Работаем, работаем целыми днями, а все и уходит. Нет, самим, конечно, тоже остается, только накопить не получается. Хочется ведь и того, и другого. И вкусенького купить, и приодеться, чтобы было в чем в клуб выйти.

— И на клуб еще сил остается?

— Смеетесь?! А как же! Вечером-то у нас вся молодежь в клубе собирается. На выходные-то многие из города домой приезжают. Вот в клубе и собираемся.

— Я смотрю, вам работа на свежем воздухе на пользу идет, загорела, как цыганка.

— Смеетесь?! Так ведь я цыганка и есть.

— Серьезно?

— А почему вы не верите? Самая настоящая цыганка.

— Знаете, редко приходится встречать молоденьких цыганок, которые бы вот так в деревне работали. Чаше — шумною толпой... То погадать предлагают, то просто откровенно попрошайничают. Вы уж извините, но у меня почему-то только такие представления о ваших сородичах.

— Так ведь и я так выросла. И замуж меня за цыгана отдали. У нас ведь до сих пор знаете, как обычаи соблюдают! Как

когда-то в старину было заведено, так до сих пор и сохранились все наши законы цыганские. У нас все хозяйство на женщине держится, а все права у мужчин. И девочек воспитывают, чтобы мужу потом во всем беспрекословно подчинялась.

Три года я замужем за цыганом была, ребеночек есть. А потом ушла. Характер во мне не цыганкин, не могу я подчиняться. Люблю, чтобы со мной тоже считались. А думаете, легко было уйти при наших обычаях? Ой, лучше не вспоминать! А потом русского полюбила. Он меня немножко постарше. Он тоже меня полюбил, и сыночка моего как своего любит. Так что теперь у нас все хорошо. И дом, и хозяйство, и семья... Чего еще женщине надо, если ее и ее детей любят? Ну, и я, конечно, все за мужа отдать готова.

— А гадать не разучилась?

— Смеетесь?! Вы что, серьезно думаете, что кто-то из наших гадать умеет? Так это, набор общих фраз, которые к любому подходят. Просто человека надо чем-то заинтересовать, чтобы он не отмахнулся, мимо не прошел. А остановится, заговорит, тогда у него и начинают деньги выманивать. Тут психологический такой прием срабатывает.

— Я смотрю, вы девушка грамотная.

— Так я же школу закончила! И почти на одни пятерки. Меня мама выучила. А вообще-то у нас мало кто в школу ходит. Ребята еще начальную заканчивают, чтобы читать-писать уметь, и все. А девочкам, считается, образование совсем необязательно. Мама рассказывает, что это раньше председатель сельсовета, директор школы, депутаты заставляли, даже штрафовали, если ребенок в школу не ходит, а теперь на это никто и внимания не обращает. Только родители. Но не все. Многие сами не учились и детей не хотят. И так, говорят, хорошо проживем.

— А не тянет к той, прежней, жизни, к вольнице? Ведь сейчас вам, наверное, тяжелее живется, работы больше.

— А вот как раз сейчас-то я и вольная. А работы, хоть и грязной, я не боюсь. Да ведь у цыганок и там-то работы много. Это только так кажется, что они целыми днями разгуливают да попрошайничают. Ой, там тоже жизнь непроста.

— А они, бывший муж, его родственники, как относятся, не настаивали на возвращении? Ведь, наверное, если жена ушла, то, считается, опозорила?

— Это еще сразу меня можно было попытаться вернуть. А сейчас разве меня муж кому даст в обиду?! Нет, для табора я уже ломоть отрезанный. Я уже как бы и не цыганка. Меня и у нас в деревне все за русскую принимают. Хотя, наверное, мужу его родственники поначалу и перечили, чтобы на цыганке не же-

нился. Слава-то о нас уж больно нехорошая идет. Только он мне никогда об этом ничего не говорил.

Моя сонливость исчезла где-то уже в первые минуты после появления в салоне этой энергичной смуглой кареглазой девушки. Ее умение вести беседу как со старым добрым знакомым, ее рассудительность, откровенность, это милое «смеетесь?» располагали к долгому непринужденному разговору о жизни в их деревне, о большом и хлопотном хозяйстве, о цыганских обычаях, и те восемьдесят километров, которые мы миновали минут за сорок, показались просто мимолетными. Остановив машину на нужной девушке развилке, от которой ей надо было добираться в сторону еще несколько километров, спросил:

— Так как звать вас, попутчица?

— Оксаночка, — без тени кокетства ответила девушка. — Меня все так зовут.

В нашей журналистской работе почти каждый день приносит новые встречи с новыми людьми. Одни забываются сразу, о других вспоминаешь и много времени спустя. Встреча с Оксаночкой приходит на память всякий раз, когда вижу в городе толпы цыганок, пестро одетых в длинные разноцветные сарафаны со множеством юбок. Держа за руку своих малолетних неделями не мытых детей или обнимая закутанных в далеко не первой свежести одеяльца младенцев, они предлагают погадать буквально каждому прохожему, просят дать что-нибудь «детишкам на молочишко». Я смотрю на них и думаю, а как бы они отреагировали на этот мой рассказ об Оксаночке, такой же, как они, цыганке. Такой же, но совершенно другой.

Им бы, наверное, не понять было эту девушку, так же, как не поняла и не приняла она их образа жизни и выбрала свой. Вот уж поистине, каждый человек — кузнец своего счастья.

ОТШЕЛЬНИК

Инвалид второй группы с целым букетом хворей Анатолий Царенко оставил пыльный город и поселился в землянке в глухом лесу, далеко от больших и малых дорог, где излечился от многих своих болезней.

Вряд ли Анатолий в свои «под пятьдесят» всерьез задумывался тогда, что крохотная полуразвалившаяся землянка на высоком берегу старицы, перемерзающей морозными зимами до самого дна, станет постоянным местом его жительства. Но выбора не было. В Тюмени тогда, как и по всей матушке России, пенсию задерживали по несколько месяцев, и его долг по квартплате вместе с начисленными пенями перевалил за сумму, равную его полугодовой пенсии.

Анатолий махнул на все рукой, продал свою квартиру, рассчитался с долгами и подался в тайгу. Это уже потом, после завершения сделки, узнал, что и за квартиру ему можно было платить по льготному тарифу вдвое меньше, и пени ему начислять тоже не имели права. Но такой уж безалаберный он человек, что никогда не вдавался в подобного рода премудрости.

Последние двадцать лет, с того времени, как болезнь скрутила всерьез, привязала к больничной койке и сделала ненужным молодой еще жене, не желавшей тратить свои лучшие годы на инвалида, жил Анатолий один-одинешенек. А бобылю решать вопросы переселения куда проще, чем обремененному семьей человеку.

С собой в лес, к новому месту жительства километрах в двадцати от ближайшей деревни, взял нехитрый, но необходимый для жизни скарб: одежду, посуду, инструменты и удочки. И, разумеется, болезни, из-за которых половину своей жизни был на пенсии.

Последние до отшельничества годы Анатолий в больнице находился больше, чем дома. Мучила язва, задышался от астмы и не находил себе места от болей в суставах. А еще было повышенное давление и множество других незначительных, на его взгляд, болезней.

Обо всех них пришлось надолго забыть сразу же, как в середине февраля спустился в промороженную за зиму землянку. Благо, дрова на первое время были, продукты принес из города, воду топил из чистейшего снега.

Как только пришла весна и земля оттаяла, в праздник мира и труда начал реконструкцию тесного своего полустгнившего жилища. На работы по капитальному переустройству жилья ушел почти месяц. Зато сколько было радости, когда в новой половине постелил домотканые дорожки, вытянулся на поставленной к стене кровати и впервые с начала работы включил радио.

Этот маленький приемничек так и стоит на тумбочке в изголовье кровати, только по большей части молчит, потому что батарейки быстро садятся, а на новые денег зачастую не остается. Так что в основном таежную тишину нарушают только птицы да кошка Глашка, что громко мурлычет на коленях хозяина, лапой трогая за подбородок, когда он, задумавшись, перестает ее гладить.

Вообще-то Анатолий в этом глухом уголке одиноким себя не считает и всегда рад гостям. Даже пристроил на лесной дороге, по которой с трудом пробираются вездесущие «узики», указатель-стрелку с надписью: «Хутор отшельника». Такие же указатели для заезжих разместил и на всем обжитом им пригорке, чтобы не перепутали, где тут тропинка на озеро, а где — в туалет. Можно бы еще сделать стрелку с надписью «Огород», да только он и так виден, прямо примыкает к столовой, чтобы, стоя у печурки, протянуть руку и нарвать укропа и луку.

Кроме приправы Анатолий выращивает морковь, из которой зимой заваривает чай, и практически весь набор, что найдется на даче любого горожанина. Ему с его инвалидной пенсией этот огородик, лес да озеро стали основными кормильцами. Меню состоит из того, что вырастил, насобирал да в воде поймал. Ружье Анатолий не признает принципиально. А потому к его жилью частенько забредают лоси, косули и даже осторожные козлы. Им по зиме Анатолий раскладывает соль-лизунец, развешивает заготовленные летом осиновые веники.

А еще окрест живут бобры, барсуки, ласки, бурундуки и прочие меховые грызуны, но от их соседства нередко одни только убытки. Любопытных бурундуков от дома отвадила кошка, зато подобранная в лесу раненая норка стала совсем ручной и настолько подружилась с мурлыкой Васькой, что по весне, когда начинает у котов играть кровь, увела его жить в лес. Это потом на Васькино вакантное место и появилась ласковая Глафира.

— Жалко вот только ее: весной да осенью орет — кота надо, а где его тут сыщешь? — сетует Анатолий.

— А сам-то как, не орешь без женщины?

— А-а! — тянет Анатолий. — Привык уже один. Правда, мужики тут в прошлом году привозили из города одну сорокалетнюю. Первое время все ходила охала да ахала: «Красотища ка-

кая! А воздух какой чистый! А лес какой чудный! А озеро какое изумительное! Век бы отсюда не уехала!» И ведь осталась жить в землянке. А через десять дней затосковала по привычному. И комаров, говорит, тучи, и телевизора нету, и ванной, и туалета с белым унитазом... Потом еще друзья разговоры про женитьбу заводили, только я уж больше не отваживаюсь. Зачем и себя и человека травмировать?

Вообще, надо сказать, что Анатолий, живя пять лет в землянке, не опустился, как вокзальные бичи. Летом с гигиеной никаких проблем — вода — вот она, только спустись по мосточкам к старице и плещись, сколько душе угодно, а зимой каждую неделю устраивает себе «банный день», моется натопленной из снега водой. Эта талая вода, считает, избавила его и от язвы. Через два года отшельничества, когда показался своему врачу, тот не поверил, что без лекарств и оперативного вмешательства язва размером в два с половиной сантиметра смогла затянуться сама собой. Конечно, кроме талой воды, наверное, способствовало заживлению и то, что чай Анатолий пьет только собственного приготовления из сбора разных лекарственных трав, что не нервничает по пустякам, что не глотает, как было в больницах, таблетки целыми горстями.

Удивительно, но кроме язвы излечился он на природе и от многих других своих прежних недугов. По крайней мере, не напоминают они о себе острой болью. Только вот для полиартрита землянка, особенно летом, когда стоит в ней сырость, не лучшее место. И потому ноги болят часто. А ноги Анатолию в лесу ой как нужны! Хотя бы для того, чтобы выбраться раз в месяц в город за пенсией. До ближайшего селения надо идти полтора десятка километров. Это летом может быть в удовольствие, а попробуй-ка зимой при метровом слое снега!

Кстати, последнюю зиму Анатолий пережил трудно. Три месяца не мог выбраться за продуктами. К концу зимы питался даже корой с деревьев. Зато, когда снег по большей части сошел и открыл из затворничества выход, отшельник подверг себя новой напасти. Нагрузил съестным две здоровенных сумки, пристроил их сзади и спереди и не помнит, как дошел последний километр, как ввалился в землянку и как провел в ней в беспмятстве три недели. В таком состоянии нашли его захватившие в глухомань знакомые рыбаки.

Врач потом объяснил это тем, что ремнями сумок передавил он кровеносные сосуды на шее, питающие кислородом мозг. Оттого и провал в памяти случился. А могло быть и еще хуже.

— Вот сейчас ты еще в силе, еще годы позволяют жить отшельником. А какой видишь жизнь лет этак через десять? — спрашиваю напрямик, без обиняков.

— Ой, да десять-то лет я и не проживу, поди. А вообще думаю, может, в какой-нибудь дом для престарелых возьмут.

— Да какой же ты престарелый?! Туда вон восьмидесятилетние в очередь годами стоят.

— Так ведь я бы еще мог и пользу приносить. Работать хоть садовником, хоть сторожем, хоть еще по какой части. Я ведь за жизнь-то свою, знаешь, сколько всего перепробовал. Только из-за болезни все не ладилось. Вот, скажи, кому нужен работник, если он месяцами в больнице лежит? Вот то-то! Только страшат меня порядки в этих интернатах для престарелых да инвалидов. Столько всякого про них наслушался, про то, как там грубо персонал обращается, что только из-за этого лучше в землянке помирать. Меня тут, правда, в прошлом году один богатый приглашал к себе на дачу садовником, но только там ни речки, ни озера рядом нет, а я без воды никак не могу. Отказался, хоть и зарплату хорошую обещал, и жилье...

Вообще к садоводству, как к книгам, у Анатолия любовь крепкая. Еще в давние времена, работая на заводе железобетонных изделий, предлагал он руководству устроить на донельзя запыленной цементом территории настоящий сад. Было, помнится, в те годы такое поветрие. Убедил, саженцы закупили, цветов разных навывписывали, да не хватило до осуществления задуманного самого малого — помощников деревья и кусты посадить. Так саженцы и раздали бесплатно своим рабочим, кто хотел. И яблони, и розы.

Вообще о розах Анатолий может рассказывать часами. Знает множество сортов и правила ухода за ними. И когда после продажи квартиры подался в отшельники, раздал на память своим прежним соседям кусты прекрасных редкостных сортов. Тут, среди сосен, выглядели бы они чуждо и нелепо.

Мы пьем под навесом настоящий на разных травах лечебный чай, отмахиваемся от туч свирепых комаров, которых не отпугивает даже дым сырых веток, специально для этого натолканных в печурку. Потом Анатолий приглашает посмотреть его жилище. У входа переобувается в тапочки, мне милостливо разрешает войти в кроссовках.

В первой комнатке, оборудованной под кухню-прихожую, в глаза бросается газовая плита, как остаток прежней, городской цивилизации, за занавесками в дверном проеме — спальня-гостиная с кроватью, тумбочкой и самодельными, из жердочек, полками и полатцами, куда сложены многочисленные книги и

вещи, у кровати в матерчатых мешках висят костюм, кожаный плащ и шуба.

Анатолий указывает мне на табуретку, сам садится на кровать. Кошка Глашка тут же вспрыгивает ему на колени и начинает тереться и громко мурлыкать.

— Вот так я и живу, — Анатолий достает из кармана табакерку и бумагу и свертывает самокрутку.

— А как же астма? — спрашиваю.

— А-а, я давно уже курю, и хоть бы что! Только вот самосад и махорку не могу — кашляю. А это у меня сигаретный табак.

Затягиваясь, Анатолий рассказывает о своей прошлой и настоящей жизни. Я слушаю его и осматриваю помещение, задрапированное кусками плотной ткани, на которую прикреплены журнальные иллюстрации с изображенными полуголыми и совсем раздетыми красавицами, по большей части — грудастыми.

— Нередко, уединясь от общества, люди вдаются в мысли о боге, о вечности, а ты, смотрю, грудастым красавицам молишься?

— А-а, чего там о вечном? Вечное — вот оно — вокруг. Вечна только природа. Она и мысли занимает. Ну, а кроме того, и бренность бытия — тоже. Вишь, вот стена прогнила, рухнет скоро. Надо укреплять. Начал было рыть, да не могу один. У меня ведь еще кроме всего три травмы позвоночника было.

— Так чего же мы сидим? Пошли работать.

— Да не надо, — неуверенно засопротивлялся Анатолий. — Может, друзья скоро приедут, помогут отремонтировать. Чего же я чужого человека заставлять буду. Ты ведь не за тем сюда добирался.

Подняв мы с Анатолием откапывали прогнившую стену, ставили новые столбы, выстраивали новую стену из толстых жердей и снова засыпали все это сооружение землей. Так, за работой, и установились доверительные отношения. Анатолий рассказал, что в августе наезжают к нему на рыбалку и за грибами знакомые.

— Среди людей всякие бывают. Однажды вот заехал сюда один пьяный с ружьем, грозился застрелить, по землянке изобой стволов пулями засадил. Оказалось, перепутал меня с егерем, который у него запрещенные снасти отобрал и акт составил. Мстить заехал. Ну, я его скрутил, ружье в старицу выкинул, подержал на комарах, пока не протрезвел. А те ведь хмель быстро вышибают. Через полчаса как стеклышко...

Рассказал Анатолий, как однажды зимой набрали на его землянку волки. Двое суток натужно выли, скребли мерзлую землю на крыше, а он сидел с топором в руках и ждал, что вот-вот

доберутся хищники до пропелых досок, без труда раздерут их и ввалятся к нему в комнату. К утру второй ночи, обессиленные тщетными попытками проникнуть во вкусно пахнущее жильё, ушли серые всей стаей восвояси.

Но больше пакостей было не от зверья, а от людей. Однажды вернулся Анатолий с рыбалки и нашел свою землянку разграбленной. Пришлые грибники унесли все его кастрюльки, миски, тарелки, вилки с ложками. Нашлось все это неподалеку в кустах, прикрытое ветками. Видимо, собирались воры вернуться за небогатой своей добычей.

Вообще удивительно, но, признавая, что люди в последнее время становятся все злее, скупее и все больше встречается среди них рвачей, Анатолий упорно продолжает верить в доброту.

Приезжают к нему в эти непуганые места многие. Один молодой человек заехал пару лет назад, назвался корреспондентом местной газеты, все о жизни выспрашивал, а сам из машины выйти не удосужился, окрест походить, своими глазами на все посмотреть. Анатолий ему по доверчивости своей душевной признался, что давно уже ведет записи своих наблюдений за природой, за животными. При его среднем образовании не ахти какие для науки существенные, но все же ценные своей фактурой. Тот выпросил, обещая опубликовать. Вместе с тетрадками не погнушался и гостинцем. Так эти записи и пропали.

Бывают тут на казенных вездеходах и таможенники, и налоговые полицейские, и милиция, и рубоповцы. Отшельник всех их называет друзьями, но из разговора понимаешь, что дружба-то по большей части не бескорыстная.

Иногда, приезжая в эти заповедные места расслабиться, добывая сетями по сотне-две килограммов карася, привозя и оставляя ему пару булок хлеба, увозят «друзья» и немалую часть заготовленной на зиму соленой и сушеной рыбы. Помогает он некоторым гостям добраться до удивительно грибных мест, где за пару часов набирают целую машину белых грибов на продажу, зачастую не потрудившись сказать за помощь даже элементарных слов благодарности.

Рассказывает, как, загружая в машину собранные Анатолием ягоды, один «друг» обещал через неделю завезти ему на крышу землянки толстое железо. Ходил вокруг жилья с рулеткой, делал замеры, да так больше и не появился. Может, к новому урожаю подъедет снова отовариться и по новой замеры сделать? Так же обещаниями остаются и дрова. Таскать на себе сушняк Анатолию просто не под силу, а на долгую морозную зиму требуется его немало.

Все эти годы мечтает отшельник о бане. Опять надеется на помощь друзей. Может, и помогут, ведь не столько для Анатолия, сколько для собственного удовольствия ее ладить будут, чтобы, приехав, было где для пущего расслабления березовым веничком попариться.

Когда под вечер, закончив основные работы по реконструкции землянки, мы сели попить чайку, Анатолий до отвала накормил жареной рыбой, пойманной в старице незадолго до моего приезда, и сокрушался, что не успел попотчевать настоящей ухой по собственным рецептам. Мне было уже пора собираться в обратный путь. Анатолий подошел осмотреть невиданную раньше машину. Зная толк в технике, он заявил, что «уазик» все же по проходимости лучше заморского «джипа», неповоротливостью своей не рассчитанного на таежное бездорожье. Однако из вежливости похвалил удобный и просторный салон, вместительный отсек багажника и вдруг спохватился:

— Слушай, ты же меня в парадной одежде не сфотографировал. Я у тебя на всех снимках как последний бичара выгляжу. Ну, да ладно! Времени надо много — бриться, переодеваться. Может, еще когда заедешь, потом сфотографируешь.

Так и остался Анатолий на пленке моего фотоаппарата только в своем рабочем одеянии. Но обещал по приезде в город обязательно позвонить и зайти в гости. Заодно и в хорошем костюме сфотографироваться.

Но после моей к нему поездки Анатолий пропал надолго, хотя наверняка не раз приезжал в город за пенсией. И вот однажды в телефонной трубке раздался сдавленный, едва слышимый голос: «Выручай! Это тот самый отшельник Анатолий Царенко, которого ты окрестил на страницах газеты Робинзоном Степановичем».

Этот год стал для Анатолия очень тяжелым. Когда я написал о нем в «Труде», в редакцию пошли письма от сердобольных наших российских женщин со всех концов страны. Письма эти из Москвы переслали мне для вручения адресату, но поскольку он не объявлялся, а я все никак не мог выкроить день, чтобы съездить на пристанище отшельника, хранил неврученную почту в ящике письменного стола.

Анатолий звонил из города, я пригласил его с ответным визитом в «свою землянку» на девятом этаже, чтобы передать нераспечатанные письма. Он вскрыл конверты и, пока я наскоро готовил обед, сразу же углубился в чтение. Потом протянул пачку посланий мне:

— На вот, почитай, может, что присоветуешь.

В основном в письмах были приглашения от одиноких женщин оставить землянку и переехать жить в человеческих условиях. Долго тогда думал по поводу этих предложений Анатолий. Не баловала его судьба человеческим теплом и участием. Еще когда был совсем молодым, но проводил большую часть времени по больницам, где пытались его избавить от непокорной докторам астмы, ушла жена. Так с тех пор он не виделся ни с ней, ни с дочерью.

Одно из полученных через нашу редакцию писем особенно тронуло Анатолия. Отправил он ответ по указанному адресу. И началась с Галиной душевная переписка. А потом поехал он на смотрины в далекий от Сибири город Ярославль. Приоделся по такому случаю в костюмчик, что уже который год без надобности аккуратно висел на плечиках в землянке, тщательно побрился и даже дешевеньким одеколоном побрызгался. Но только весь этот марафет мог ввести в заблуждение кого угодно, кроме бдительной милиции. Она бичей за версту чует. И хотя Анатолий, имевший свое приусадебное хозяйство, кошку Глашку с котенком, теплую землянку и настоящий советский паспорт, к этой категории населения себя не причислял, у сотрудников правопорядка на сей счет мнение оказалось другим.

Отшельника с его документом старого образца и отсутствием регистрации (как будто кто-то согласился бы указать в паспорте местом постоянного жительства землянку в тайге) из поезда высадили. И три недели томился тюменский робинзон в камере в славном городе Серове Свердловской области. А условия в камерах, известно, не санаторные. От духоты, сырости да зловонных запахов началось обострение отступивших было болезней. Из милиции отправили его, полуживого, в местную городскую больницу, где и провел он целых два месяца.

На этом попытки сватовства отшельника закончились. Небогатые доктора наскребли неудачливому жениху денег на обратную дорогу, посадили на поезд и дали вместе с рецептами добрые советы по поддержанию хилого здоровья.

История заставила мужика взяться за оформление документов. Но и обменять паспорт, да еще получить без прописки страховой медицинский полис, оказалось делом тяжким. Только при помощи депутата Государственной Думы, до помощников которого удалось достучаться, документы свои Анатолий таки выправил и стал полноправным гражданином России.

Но нервотрепка с документами не прошла даром. Забарахлил у Анатолия чуть ли не весь его организм. Сам бы он этому и значения не придавал, да нечаянно судьба забросила к нему в компании рыбаков главного врача больницы расположенного

неподалеку поселка. Доктор сразу обратил внимание на опухшие ноги хозяина заимки, поспрашивал о том, о сем — и в результате оказался отшельник в больнице.

Теперь ему с паспортом да полисом от ворот поворот не указывали. Тем более что поступил он по рекомендации главного врача. Тут уж не смотрели на его невысокое социальное положение, а лечили как следует.

Вернулся Царенко в свою землянку капитально отремонтированным. А там еще один сюрприз ждал. Говорят, прознал про мыкающего злую долю раба Божьего Анатолия местный батюшка и благословил мужиков на богоугодное дело — дом человеку срубить. Ибо негоже человеку, аки червю, под землей жить. Мужики расстарались, и вскоре рядом с землянкой вырос крепкий сруб.

Но потом начались с этим домом проблемы. Стали наезжать на урочище разные инспектора, интересоваться, где лес на сруб взял. Оказалось, строители по благословению батюшки сруб-то сладили, да только из ворованного леса. Тут бы беды не миновать, но благо дом этот у Анатолия не числится в собственности. Он вообще как бы ничей оказался.

Зато деревенские мужики принялись по два-три раза в неделю в гости наезжать, вдали от жен водочки попить. Поскольку сам Анатолий в последнее время спиртное на дух не переносит, потому что оно для него смерти подобно, пришлось ему при каждой такой пирушке уходить в свою старую землянку. Одним словом, спокойная жизнь у отшельника кончилась.

Гости, правда, у него и раньше бывали — из Тюмени разные люди наезжали, но не часто. Кто по осени — на рыбалку, кто летом — по грибы-ягоды. Для них же, чтобы не плутали в нетрезвом виде на его хуторе, он смастерил указатели — ибо хоть лес и бескрайний, а порядок нужен.

А так по большей части жил в мире да покое в тиши соснового леса на своем высоком пригорке. Вроде как совсем с природой слился. Даже зверье стало своим признавать.

Так, лосенок к Анатолию в гости ходить привадился. Подойдет к землянке и принюхивается к незнакомым запахам. Робинзон его начал солью потчевать, веток осиновых на лакомство приносить. И стал сохатый как домой приходить. Даже ночевать частенько оставался в сколоченном из жердей сарайчике.

Потом Анатолий нашел на обочине лесовозной дороги подстреленного енота. Принес в мешке, сделал операцию, вынул застрявшую под кожей пулю, которой саданул зверька кто-то из пьяных охотников, и стал выхаживать. Вскоре обезноженный хищник радостно подпрыгивал вокруг своего кормильца и спа-

сителя и просил лакомство. Станным показалось Анатолию, что енот очень быстро сдружился с лосенком, зато к кошке Глашке ревновал дико и злым фырканьем отгонял ее от хозяина.

Прознали про лесных обитателей Анатолия наезжавшие к нему рыбаки. Не раз предлагали лосенка пустить на мясо. Даже деньги предлагали. И понял отшельник, что надо, от греха по-дальше, избавляться от прикормленного животного, пока лихие люди не подстрелили его возле урочища. Со слезами на глазах прогонял Анатолий лосенка, пока тот, не понимающий причины такого поворота судьбы, не спустился с пригорка и не шагнул в воду. На другом берегу реки подросший сохатый вышел на сушу, отряхнулся, печально посмотрел на оставленный пригорок с его обитателями и гордо удалился в лес.

Но вконец расстроился Анатолий, когда увидел, что и спасенный им енот, быстро семеня лапками, тоже побежал к берегу и устремился по воде следом за лосем. Вот какой крепкой оказалась дружба двух лесных обитателей. Анатолий потом даже рассказ об этой звериной дружбе написал.

Робинзон звонил мне несколько раз в год, когда приезжал в ближайший от него поселок или в Тюмень за пенсией и продуктами. Потом долгое время его не было слышно. Оказалось, что это и было как раз время его чуть ли не постоянного пребывания в разных лечебницах.

Потом он позвонил мне из лучшей больницы области. Лучшей по техническому оснащению, по возможностям сделать самый точный анализ и провести необходимое лечение его изношенного сердца и совсем одряхлевших легких. Только вот отношение персонала не всегда отвечает обстановке. В тот день, когда я навел на Анатолия, он как раз из реанимации перешел в общую палату на троих. Не жаловался ни на сестер, ни на врачей, только посетовал, что иногда бывают они с пациентами грубоваты. Особенно с немощными стариками да такими, как он, безродными и безденежными.

Когда я попытался деликатно попенять на персонал заведующему отделением, тот в ответ выложил мне про строптивость несчастного пациента, его несносный характер. Мол, и требования лечащего врача он не соблюдает, и, хотя его буквально с того света вытащили, продолжает курить, из палаты интенсивной терапии в общую вернулся самовольно.

Наверное, действительно у издерганных сестричек накопилось к вольнолюбивому пациенту немало претензий. Но уж долю такую они себе выбрали — быть терпимыми, внимательными да участливыми. Ведь известно, что эти душевные каче-

ства лечат лучше всяких дорогих лекарств, на которые у Анатолия все равно нет денег.

Скорее, из-за боязни косых взглядов да окриков он не соглашается и на переселение из землянки в какой-нибудь интернат, где мог быть не просто приживалой, а хорошим помощником персоналу. Когда мы прощались в больнице, он крепко пожал руку и сказал, что доктора пророчат ему целый месяц сил набираться, после чего он, дескать, еще и с сестричкой или сердечницей какой из соседней палаты поближе познакомиться сможет.

Но знакомство его состоялось не в Тюмени, а опять же в одном из небольших городов Центральной России. Поддался он на уговоры тамошней дамочки в полном расцвете сил и сделал еще одну попытку обзавестись семьей. Помог я ему с билетом и пожелал на перроне долгих лет счастливой семейной жизни.

Но и на этот раз не сладилось у Анатолия. Дамочке, как оказалось, был нужен муж лишь в качестве помощника по дому. Сама она занималась бизнесом, а на собственное хозяйство времени выкроить не могла. Хозяйство же было немалое. Огород в пятнадцать соток, теплицы, двух-этажный дом, в котором надо было прибираться чуть ли не ежедневно. И сделала дамочка из Анатолия мальчика на побегушках с обязанностями садовода и домработницы.

Правда, сразу же придела его, чтобы не стыдно было на люди выйти, только отвык отшельник от такой одежды, да и внешности был не завидной, поэтому в гости гражданская жена ходила одна. А он как жил одиноким в своей землянке, так и тут поговорить оказалось не с кем. Только работы было много больше, чем на своем урочище. Да еще постоянные упреки, что сделано то или иное не так, как видела это хозяйка.

Затосковал Анатолий, а потом однажды взял да и уехал к себе в лес доживать свой век среди дикой природы, которая стала самым хорошим лекарем и другом. Там, в своей землянке, после очередной выписки из больницы и встретил он свою последнюю в его безрадостной жизни ночь.

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ НА ДЕРЕВНЕ

Я больше не подаю милостыню молодым безногим мужчинам, что часто стоят возле торговых центров или катаются на колясках между машинами на оживленных перекрестках города. И вовсе не потому, что многие из них потеряли конечности не в первую или вторую чеченские кампании, как сообщают, чтобы народ разжалобился и раскошелился на протез ветерану локальной войны, а отморозив во время какой-нибудь зимней беспробудной пьянки. Я перестал делать это после того, как познакомился с Валерой.

Валеру Скареднова в его довольно крупном селе одного из глубинных районов Тюменской области уважительно называют первым парнем на деревне. Нет, Валера не играет залихватски на гармошке, уводя за собой летними вечерами стайки местных девчат, старающихся оказаться поближе. Он не щеголяет дорогими костюмами и лакированными туфлями и не благоухает французским парфюмом, выгодно отличаясь от подвыпивших и зачастую небритых парней в старых дешевых джинсах, даже не удосужившихся сменить их после работы. У Валеры нет успешного бизнеса и толстого кошелька, который в наше время поднимает у невест рейтинг куда стремительнее, чем все остальные слагаемые успеха вместе взятые. Никто про него не может сказать, что он пользуется славой этакого дон жуана, непонятно какими чарами вскружившего голову односельчанкам. Не позиционирует молва его и половым гигантом, чью потенцию хотели бы испытать не только легкомысленные соседки, но и бабенки с противоположной околицы, обделенные вниманием своих вечно пьяных супругов. А вот на тебе! В один голос женщины с придыханием говорят: «Лучше Валеры мужика нет!».

Даже скупые на похвалу мужики и то без минутного замешательства безоговорочно капитулируют: «Ну-у, Валерка — это... — и, не находя нужных слов, просто поднимают вверх большой палец, — нам до него далеко!»

Валера мог бы и щеголем по селу пройти, и легко увести к себе домой любую из местных красавиц, гордо прошествовав с ней по центральной улице, и сплясать в местном Доме культуры, выбивая каблуками искры... Мог бы... Да не может, потому что у Валеры нет ног.

Точнее, они вообще-то есть, но только у этого атлетически сложенного сорокалетнего мужчины они остались, как у пятилетнего ребенка. Как раз в пять лет Валерка переболел полиомиелитом, и на память о той хвори, тяжких последствий которой в городе, а не сотнях километров от него, врачи, может быть, и не допустили бы, остались у него тоненькие атрофированные конечности, которые легко прячутся на самодельной коляске под могучим телом.

Так с пяти лет и лишен был парень всех мальчишеских радостей. Не довелось ему ни футбол погонять, ни на велосипеде по деревенским тропкам покататься, ни еще много чего такого, о чем его ровесники даже не задумывались, а для него оставалось никогда в жизни недостижимой мечтой.

Даже в школу все десять лет мать в любое время года возила парня на лошади. Брала в охапку, выносила из дома, усаживала в телегу или сани, а потом подобным образом в класс за парту водворяла. Вечером таким же макаром процедура повторялась в обратном порядке.

А голова у парня была светлая. Учился почти на одни пятерки. Ему бы в науку двигаться. Только кто в институте носить на лекции станет? Закончил, опять же на отлично, курсы сапожников, этим и стал зарабатывать прибавку к своей инвалидской пенсии.

На своем транспортном средстве, которое смастерил из спинки выброшенного в Доме культуры и принесенного кем-то из соседей старого партерного кресла, приладив колесики от детской коляски, Валера подобно тысячам своих собратьев по несчастью тоже мог бы подруливать к недалеко стоящему магазину. И любой из односельчан охотно налил бы ему стаканчик горькой. Он мог бы принимать хмельные компании дома, особенно зимой, когда желающих посидеть за бутылкой подальше от жен в селе полным-полно. А предоставив кров, на полном основании рассчитывать, что и его стакан будет не обойден вниманием.

Но не такой у Валеры характер! Он никогда в жизни не выпил ни рюмочки, и все предложения попробовать решительно отвергал. А теперь уже никому и в голову не придет предложить ему составить хмельную компанию. Знают, что не составит. Недосуг ему жизнь пропивать: дел по горло.

«Какие могут быть у инвалида дела?» — усомнится кто-то. А Валере действительно дня не хватает. Ну, начнем с домашних хлопот. Надо себя в порядок привести: умыться-побриться, чаю попить, печку истопить, поесть приготовить, прибраться... Это для простого человека и то хлопотно, а тут мужик без ног. Даже

край электроплиты и то выше его головы находится. С печкой проще — Валера изладил в доме камин. Своими руками.

Это ног у него нет, зато руки есть. Да еще какие! И золотые, и сильные!

— Что камин! — восхищаются односельчане. — Валера сам гараж для выданной ему инвалидной машины построил. Кирпичный, как полагается хорошему хозяину. Выложит несколько рядов, скобы в стену замурует. Схватится раствор накрепко, снова несколько рядов. Берет кирпич в одну руку, на второй, как обезьяна, подтягивается... Вот так и мастерил.

Ему бы любой в селе помог. Даже не за деньги, а из чувства глубокого уважения. Только ведь Валера гордый! «Сам!» — и все тут! Он после смерти матери все сам делает, даже огород не забросил: и картошку выращивает, и овощи.

И мебель всю дома своими руками смастерил, чтобы под свой рост приспособить. Старый сверлильный станок переделал под токарный и теперь вытачивает на нем скалки, толкушки, ножки для табуреток, которыми одарил всех своих небогатых знакомых.

А односельчанки вздыхают: «Куда бы мы без Валеры!» и несут ему прохудившуюся обувь. Ремонтирует он всем бесплатно, но материал просит приносить свой. В качестве оплаты не отказывается от молока или творожка. Кто-то грибочков соленых принесет или ягод. Тоже принимает в качестве подарка охотно, ибо куда же ему на своей колясочке да в лес по грибы-по ягоды.

Помогли ему женщины и обои переклеить, а потом уже сам в комнате наклеил аккуратно вырезанную из принесенного кем-то журнала полуголую красотку с длинными стройными ногами. И нет-нет да и полюбуется на эту часть женского тела, которая в представлении большинства из нас является предметом особой гордости.

Сам Валера жениться не собирается, хотя очень многие бы из незамужних или овдовевших односельчанок пошли за него охотно. Он боится быть обузой. И невдомек мужику, что супруге такой «обузы» завидовали бы почти все местные бабы, как-никак — первого парня на деревне от судьбы в подарок получила.

ТАЕЖНЫЙ ЭКСТРИМ

Двадцатисемилетняя жительница села Бухтал Нижнетавдинского района Наталья Белякина проплутала в лесу 47 дней.

ЖДАТЬ ДА ДОГОНЯТЬ — ХУЖЕ НЕТ!

Тот злополучный поход за ягодами получился совсем неожиданным. Назавтра у отца был день рождения. С утра Наташа пошла в магазин, набрала продуктов, узнала, что закупщики ягод согласились принимать землянику не по 50 рублей за литр, как хотели сначала, а уступили жителям и дают 80 рублей. А это уже хоть и небольшие, но деньги при небогатом житье многочисленного семейства Белякиных. Его основные и единственные доходы заключались в отцовской пенсии да пособиях на четверых Наташиных детей. Выручали огород и домашнее хозяйство. А тут появилась возможность немножко подзаработать на праздничный стол. Да и Мишку надо было собирать в первый класс, а это тоже расходы. И тоже немалые.

Поэтому Наталья без раздумий ухватилась за возможность приработка. Забежала с новостями к подруге, но та о приемке ягод по повышенным ценам прослышала чуть раньше и с мужем уже отправилась в лес. Наташа стремглав прибежала домой, оставила покупки, быстренько переоделась, натянула резиновые сапоги, схватила два полиэтиленовых ведра под землянику, эмалированную кружку, в которую ягоды собирать удобнее, и побежала догонять подругу. Следом увязался было старший из детей Мишка, но за огородом она вернула сына домой, потому что ей надо торопиться.

С подругой они на этих полянах в лесу, что начинается сразу же за селом, бывали и раньше. В прошлые годы, собираясь по ягоды, брали воды, какой-нибудь нехитрой еды, чтобы перекусить, поскольку уходили на целый день, а иногда клали в ведерко сырой картошки, спички, ближе к полудню разводили костер и пекли клубни. А тут, как назло, второпях не взяла с собой ничего. Так и побежала из дома с пустыми ведрами.

Миновала одну развилку, другую, прошла еще сколько-то — и не увидела знакомых мест. Вообще, надо сказать, что приехали Белякины в Бухтал всего пять лет назад. До этого в основном жили на юге Казахстана, где кругом одни степи. В лесу ориенти-

роваться не научились, и по грибы-ягоды всегда ходили с кем-то из односельчан, да и то все поближе к дому, стоящему прямо на опушке бескрайней тайги.

Не найдя знакомую поляну, Наталья стала звать подругу, но в ответ слышала только шелест листьев. Пошла в одну сторону, в другую и вскоре поняла, что окончательно заблудилась. А тут еще, как назло, небо затянули тучи, спрятав за густой пеленой главный ориентир — солнце, по которому можно было искать нужное направление в сторону села.

В метаниях из стороны в сторону прошел день. Не было ни ягод, ни тропинок.

ГОЛОД И ПОСТЕЛЬ ИЗ ЕЛОВЫХ ВЕТОК

Когда стало темнеть, девушка решила, что сегодня домой уже не выйти и потому надо готовить ночлег. Наломала еловых веток, нарвала травы, чтобы помягче было лежать на неровной земле, и легла. Она не очень боялась диких зверей, которых полно водится в их заповедном лесу, где устроен заказник для кабанов. Местные жители рассказывали и о многочисленных медведях, но случаев нападения на людей или животных не помнили. Так что страха перед хищниками не было. Но сон не шел.

Спать не давали тревожные мысли о том, что дома расстраиваются родители, наверняка плачут дети. Особенно младшенькая Ксюша, которая только-только начинает разговаривать и в постель лучше всего обычно укладывается вместе с ней, а не бабушкой.

Помимо тревожных мыслей спать не давали комары и мошка. Тучи насекомых кружили над заплутавшей и поминутно впились в лицо, шею, лезли даже в сапоги.

Утром Наташа двинулась дальше. Через несколько часов увидела знакомое место и поняла, что сделала по лесу большой круг. После еще нескольких часов блужданий на это же место вышла снова. А тем временем приближалась уже вторая ночь.

При воспоминании о бессонной предыдущей, о полчищах кровососов Наталья впала в самую настоящую истерику. Во весь голос она стала звать на помощь, рыдала, снова кричала и плакала, а когда постепенно успокоилась, начала устраивать хвойную постель.

Эта ночь была такой же бессонной. К мыслям о родителях и оставленных детях добавилось еще и беспокойство за себя. И вдобавок ко всему очень хотелось есть. За два дня пути ей ни разу не попалось ничего съедобного. Трав местных она не знала, а ягод, кроме земляники, в начале июля в здешних лесах еще

никаких не водится. Да и леса все попадались какие-то бесплодные. Осенью, наверное, в них, среди высокой травы и листьев, будет много волнушек, может быть, появятся яркие гроздья косяники, но в первых числах июля ничего съестного, по мнению девушки, тут не было.

Укладываясь в колючую постель, Наталья надеялась, что эта ночь в лесу будет последней. Наверняка ее уже ищут всем селом. Может быть, даже пригласили спасателей из Тюмени, может быть, поднимут в воздух вертолеты. Эти мысли обнадеживали. И хорошо, что девушка не знала, как местная власть после трех дней бесплодных поисков спасательные работы решила прекратить, поскольку на дворе стояла страдная сенокосная пора, а прожить дольше трех дней в здешних лесах при таком количестве диких зверей и насекомых не под силу даже человеку бывалому. Надежда на спасение дочери оставалась только у родителей. Отец молился Богу и, будучи экстрасенсом, создавал, по его словам, вокруг дочери защитное энергетическое поле. Да еще дети ждали, что мама скоро вернется из леса и принесет им вкусных ягод.

С БОГОМ НА ВЫ

Хотя судьба все время обеляла Беякиных счастливыми событиями, с подачи отца семья была богомольной, старалась жить по православным законам. Вера не пропадала даже тогда, когда отец Борис Викторович вынужден был оставить военную службу, когда пришлось переехать с обжитого места, где был дом, собственными руками возвращенный сад, где были многочисленные друзья и знакомые. Даже когда наши власти нашли в законе какие-то заковыки, чтобы не оформить человеку, прослужившему в армии 25 календарных лет, надлежащую пенсию, в Бога продолжали верить.

Верила и Наталья. Оставшись одна с четырьмя детьми, когда муж испугался трудностей и уехал обратно в Казахстан к своим безбедно живущим родственникам и не подавал о себе признаков жизни, не хулила Всевышнего, а считала все эти напасти испытанием и ниспосланным за что-то наказанием.

Наталья честно признается, что по-настоящему не знает ни одной молитвы. И даже общеизвестную «Отче наш» помнит лишь до середины. Но там, в лесу, она то и дело обращалась к Богу за помощью: «Я прошу Вас, уважаемый Бог, помогите мне, пожалуйста, найти дорогу домой. Дайте мне какую-нибудь еду. Сжальтесь надо мной, пожалуйста!»

Но Бог не спешил сжалиться. Когда Наталья уже потеряла счет дням, увидела далеко за кронами деревьев вертолет. Стала

махать руками и кричать, но пилоты не могли ее видеть и слышать, продолжая свой полет в нужном им направлении.

Однажды, выбравшись из бурелома на сухое и ровное место, она нашла старую консервную банку и очень обрадовалась тому, что до нее, пусть даже несколько лет назад, кто-то уже ходил в этих местах, и, может быть, до жилья осталось не так уж и далеко. А еще обрадовалась тому, что, отломав крышку, получила режущий инструмент и распорола свои резиновые сапоги, дав опухшим от голода и ходьбы ногам немного воздуха и свободы.

А потом Бог, видимо, услышал мольбы, внял уважительному к нему обращению «на Вы» и в награду за стойко переживаемые испытания сделал Наталье подарок.

ПОДАРОК СУДЬБЫ

Увидев впереди просвет между деревьями, девушка направилась туда и вышла на большую поляну. А на ней стоял вагончик. В нем была железная печка, на полочке лежали спички и большой ржаной сухарь.

Наталья с трудом разломала его на три части и долго лакомилась кусочком, еще две дольки оставив на завтра. Трудно поверить, но огонь и оставленная каким-то добрым человеком корочка прибавили сил.

Труба печурки нещадно дымила, но это было даже на пользу, потому что выкурило из помещения всех комаров, и Наталья впервые по-настоящему выпалась. Во сне она видела дом, родителей и своих детей. И было во сне все хорошо.

Этот добрый сон придал сил и уверенности, что ее обязательно найдут.

Неподалеку от вагончика нашла кусты шиповника. И хоть ягоды еще не созрели, были вполне пригодны для еды и прибавляли сил. А еще здесь она освоила новое блюдо — жареных лягушат. Ловила небольших квакушек и бросала их на раскаленную железную печурку. Те прыгивали на пол, она ловила их снова и держала, пока не начинало пахнуть горелым мясом. Пища была отвратительная, но голод заставлял есть и это.

Через несколько дней Наталье вдруг пришла мысль, что если устроить в лесу пожар, наверняка люди приедут его гасить и тогда найдут и ее. Но тут же здравый смысл отгонял этот вариант спасения. Было жаль губить лес, а кроме того, боялась, что в огне может погибнуть и сама. А если останется живой, ее как виновницу пожара будут судить и заставят возмещать огромный ущерб. А чем возмещать, если работы нет, а детских пособий едва хватает на простенькую для детей одежонку да на пропитание.

Хорошо поразмыслив над всевозможными вариантами, Наталья навсегда выбросила из головы этот вариант спасения.

За несколько дней она обжила вагончик, подлатала подручными средствами дымящую трубу, отдохнула и решила продолжать путь. Идти было необходимо, хотя возникла очень серьезная проблема. Девушка с ужасом поняла, что стала слепнуть — то ли от едкого дыма, то ли от голода, то ли от нервного напряжения. Некоторое время она едва видела землю под ногами, но через пару дней зрение немного улучшилось.

...И снова дремучий лес, буреломы да буераки. В один из дней увидела на деревьях какие-то метки, решила, что это люди ходят по лесу в поисках ее и оставляют знаки, по которым она может выйти на дорогу. Уже потом, спасенная егерями, она узнала, что кору на деревьях таким образом дерут медведи, с которыми ей, к счастью, встретиться не довелось.

ИЗБУШКА НА КУРЬИХ НОЖКАХ

Счет дням был потерян давным-давно, когда вдруг вышла на какую-то заброшенную дорожку. Она вскоре вывела на поляну, на которой стояли три избушки. Эти строения оказались подбазой егерей, что ухаживают за обитающими в заказнике животными.

Наталья выбрала крайнюю, ввалилась внутрь и отдохнула. Потом нашла за домиком доски, увидела молоток и гвозди и сколотила себе топчан. Покрыла его каким-то тряпьем и снова зажила в ожидании людей.

Ноги к тому времени болели нестерпимо. Натертые сапогами места кровоточили, и на этих ссадинах завелись какие-то червячки. Скорее всего, то были личинки мух, что всегда норавли сесть на незаживающие раны.

Наталья листочками растений снимала с кожи личинок, укутывала ноги травой, которая, к счастью, оказалась целебной. Идти дальше не было сил, вконец измотанная полутора месяцами скитаний, она лежала и ждала спасения.

ПРИНЯЛИ ЗА ВЕДЬМУ

Спасение пришло неожиданно. Егери на своем вездеходе делали плановый объезд угодий. Завернули навестить и эту подбазу, а выйдя из машины, услышали из домика голос.

Можно только представить, на кого стала похожа за время своего блуждания по лесу молодая симпатичная женщина, если немало выдавший в своей жизни егерь Вячеслав Соколов, до этого хорошо знавший Наталью, тут же захлопнул дверь сторожки и бросился к машине.

— Честно говоря, вид у Наташи был страшный, — вспоминает теперь Вячеслав. — Она была очень худой. Одежда изорвана сучками. И вообще больше напоминала ведьму из сказки, чем живого человека.

— Это, наверное, под силу только русским женщинам, — восхищается сотрудник тюменского Госохотнадзора Анатолий Харкевич, второй из ее спасителей. — В лесу без воды и пищи, да еще при таком полчище комаров, мошкары, оводов и слепней можно прожить максимум трое суток. Тем более в таком, где не растут ни ягоды, ни грибы.

Наталья прожила в лесу полтора месяца. Из сторожки, от которой до дома было всего четыре километра, ее, совсем обессиленную, завезли сначала к родным повидаться с детьми и родителями, а потом доставили в местную больницу.

За неделю девушка окрепла, залечила раны и даже стала проситься устроить ее на работу санитаркой или техничкой. Но пока в больнице нет вакансий. Как нет и вообще в поселке, где работу дают только больница да школа, а кормят людей личные хозяйства и лес с его дарами природы. Иногда они даются очень большой ценой. Наталья теперь это хорошо знает и говорит, что больше никогда в своей жизни не пойдет в лес за грибами или ягодами.

ПРОСТЫЕ ПРАВИЛА ЗИНАИДЫ АНТРОПЬЕВНЫ

Зинаида Антропьевна, как хорошая хозяйка, любит готовить. — Мне кухарничать очень нравится. Люблю, что всем нравится и моя еда, и моя стряпня, — смеется Зинаида Антропьевна.

Особенно ей удаются ставшие ее фирменными блюдами свиные отбивные и пельмени. В пельмени в качестве начинки она берет свинину, говядину и мясо птицы в равных пропорциях. Вот в этом и заключается секрет ее рецепта, которым, так же, как и любыми другими, она охотно делится как с подругами, так и с коллегами по работе. А еще, признается, все любят ее булочки и пирожки с различной начинкой.

— Говорят, очень вкусными получаются пельмени из медвежатины, — называю я вычитанный где-то давно один из великого множества рецептов сибирских пельменей.

— Ой, да где же вы теперь медвежатину-то возьмете? — восклицает хозяйка. — И охотники настоящие вывелись, да и медведей в окрестностях Тюмени не стало.

— Не из-за любви ли к кулинарии да кондитерству и профессию пищевода выбрали? Одну и на всю жизнь? — интересуюсь.

— А кто во времена нашей молодости о выборе профессии задумывался? — вопросом на вопрос отвечает Зинаида Антропьевна. — Все определил случай.

ТРУДОВАЯ БИОГРАФИЯ

Действительно, выпускнице средней школы поселка Московский, что под Тюменью, можно было сразу же поступать в расположенный рядом с домом сельхозинститут Северного Зауралья — отметки в ее аттестате позволяли смело поступать хоть на химика-лаборанта, хоть на какую другую специальность.

— Только у нас тогда, у всей молодежи, была тяга идти на производство, — говорит собеседница. — Хоть на завод какой, хоть на фабрику. Именно не в высшее учебное заведение, а на работу. Идеология в стране тогда, в середине шестидесятых, такая была. Нас человек пять, точно уже и не помню, устроились на электромеханический завод.

Но долго на этом предприятии поработать выпускнице не довелось. На заводе была очень строгая дисциплина, даже пятиминутное опоздание каралось дисциплинарным взысканием. Добираться же из Московского в тогдашних условиях, когда автобусы люди брали штурмом, без опозданий не получалось, даже если выходила из дома загодя. И через три месяца все «москвичи» добровольно оставили завод, чтобы не навлекать гнев начальства. У родителей Зинаиды был знакомый на водочном заводе, он и предложил девушке устроиться на их предприятие, где как раз требовались рабочие, потому что текучка там тогда была ужасная.

— В сентябре 1966 года я и пришла на водочный завод, — вспоминает Зинаида Антропьевна. — Меня сразу же определили на сдачу продукции. Тогда была ручная штамповка этикеток. Вот я штамповала бутылки и сдавала продукцию. Тогда еще и пробка на бутылках была сургучная.

На этой тяжелой работе трудилась всего четыре месяца. Заметив старание девушки, начальство предложило ей перейти в лабораторию. Сказалось еще и то, что в отличие от многих сотрудников у нее было среднее образование, а еще отличные знания по химии, необходимые для лаборантов. И была там то лаборантом, то потом инженером-химиком, то даже заведующей лабораторией, заменив ушедшую в декретный отпуск начальницу. Однажды решила поступать в институт. Сдала два экзамена, а вместо третьего с молодым человеком пошла на дневной сеанс нашумевшего фильма, на который вечером было не достать билета. На этом ее стремление к высшему образованию и закончилось навсегда.

Но трудолюбие и старательность девушки не остались незамеченными, и через некоторое время ее перевели мастером в цех розлива на новый завод на ул. Бакинских комиссаров. Была там начальником цеха, потом снова перевели на завод на ул. Челюскинцев тоже начальником цеха. Так там и работала до самого его закрытия в период горбачевско-лигачевского «сухого закона».

Предприятие передали пивоваренному заводу. Директор Александр Гаркуша толковыми сотрудниками не разбрасывался. И стала Зинаида Антропьевна начальником сначала цеха стеклотары, потом цеха сокоотделения. Так на должности начальника цеха осталась и после создания «Бената», в этой должности работает и сегодня, хотя уже давно можно было бы сидеть на пенсии, баловать домашних своими блюдами да пирогами.

— Я хоть в пищевку и пришла случайно, — признается Зинаида Антропьевна, — но это оказалось настолько моим, что ни-

когда ни о чем другом и не помышляла. Хотя и зарплата во все времена у пищевиков была одной из самых низких. То, что было у меня в профессиональном и должностном росте, меня вполне устраивало. Меня как по течению несло по жизни. Да так несло, что мне нравилось. Хотя, если бы было высшее образование, наверняка работалось бы легче, ведь до многого приходилось доходить своим умом. Но другой профессии я для себя никогда не мыслила. И все, что имею, только благодаря заводу: и квартиру, и машину...

КАПИТАЛИЗАЦИЯ

Галина Александровна Княжева, Нина Николаевна Савицкая и Зинаида Антропьевна Бакустина как раз и были руководителями на той площадке водочного завода, которую передали пивзаводу. Когда наступила эпоха приватизации, директор Александр Иванович Гаркуша пришел однажды и предложил:

— Девчата, давайте сбросимся по пять тысяч рублей и выкупим завод. Собственниками станем.

Но никто из женщин после коротких раздумий на предложение директора не согласился. Не понимали они: а зачем выкупать свой же завод, на котором отработали по столько лет. Это идеологи да организаторы приватизации изначально все хорошо понимали, а для простых людей, воспитанных при социализме, уроки капитализма были непонятны. К тому же и найти по пять тысяч рублей тоже было практически нереально.

Зинаида Антропьевна со смехом вспоминает то предложение директора. Мол, так и не удалось нам стать капиталистами. Нашел Гаркуша других компаньонов, но и им тоже разбогатеть не удалось: нашлись люди пошустрее и вскоре перекупили у них завод за бесценок.

СЕМЬЯ

Есть в семье Бакустиных трагедия, которая до сих пор кровоточит незаживающей раной. Их старшая дочь имела два высших образования, тоже работала на водочном заводе, но три года назад ушла из жизни. Теперь бабушка холит и лелеет двух осиротевших внуков. Один из них тоже пришел на ставшее родным для семьи предприятие и работает в охране. Еще одной внучке только четырнадцать, и она пока стоит перед выбором профессии.

Младшая дочь Мария закончила Тюменский нефтегазовый университет по специальности «экономика предприятий торговли и общепита», работала на водочном заводе в коммерческом отделе, одновременно преподавала в институте, а теперь уже

полностью перешла на преподавательскую деятельность, учится в аспирантуре и в скором времени собирается защищать уже написанную диссертацию.

На «Бенате» работает водителем и муж Зинаиды Антропьевны. Так что три поколения Бакустиных связали свою жизнь с этим предприятием.

О ТРЕЗВОСТИ

Вообще на «Бенате» с употреблением спиртного очень строго.

— У нас сам директор не пьет уже больше полутора десятков лет и другим не позволяет, — рассказывает Зинаида Антропьевна. — У нас люди знают, что если выпить на работе, то сразу же получаешь увольнение. Хоть какой ты хороший специалист, спуску директор не даст.

Не примет сторону нарушителя дисциплины и профсоюз, который уже много-много лет, с самого основания «Бената», возглавляет Зинаида Антропьевна.

— А как иначе? — восклицает она. — Пьющий человек для производства потерян. К тому же были у нас и трагедии. Друг главного инженера, который сам человек-камень, оказался слабыхарактерным. И закончилось все трагически. В наше время, если запить, можно очень легко все потерять. Голова должна быть на плечах. Мы только благодаря нашему директору, его строгости и выживаем. Прояви он хоть небольшую слабину, нам бы не выстоять в девяностых, не построить бы такой прекрасный завод, в котором мы сегодня работаем. И я вообще не помню случая за все годы своей работы, чтобы хоть раз кого-то под руку выводили через проходную. У нас бы его вывели в последний раз. Больше бы на территорию предприятия никогда он не попал.

О ПРОФСОЮЗАХ

— Вы же от своей общественной деятельности ничего не имеете.

— Конечно! — соглашается Зинаида Антропьевна. — Кроме хлопот. Раньше мы по двести человек детей в оздоровительные лагеря отправляли. Это сколько было беготни!

— Может, ощущение власти? — подначиваю собеседницу.

— Да какая там власть?! В прежние времена профком хоть принимал участие в распределении путевок, жилья, премий, пусть некоторые лидеры при этом лишь формальное подпись ставили, а теперь у нас ничего не осталось. Путин, когда президентом стал, заявил, что каждый работодатель обязан заботиться

о своих людях. И этим самым лишил профсоюзы значительной части влияния. Теперь защитой прав работников занимаются не профсоюзы, а инспекции по труду, которым даны большие полномочия. Мы занимаемся только отправкой детей в оздоровительные лагеря, напоминаем родителям, какие нужны справки. Но надеемся, что будут у профсоюзов еще и реальные полномочия. Времена-то меняются. Поэтому я и людей настраиваю, что надо вступать, ведь сегодня — одно, а завтра — другое. Хотя бюрократическую машину и тяжело повернуть.

Наше поколение привыкло к тому, что если говорят «Надо», значит — надо.

ДАЧА

Свободное время посвящает Зинаида Антропьевна даче. Точнее — двум, потому что вторая осталась от старшей дочери. И ее надо сохранить для внуков, чтобы, когда они осознают прелесть дачного отдыха, там был не заброшенный пустырь, а с любовью ухоженный участок.

— Цветы любим все, поэтому с каждым годом именно они занимают все больше и больше места. Зато сокращаем число грядок и площадь под картошкой, — улыбается Зинаида Антропьевна. — Ну, зачем тот же лук в большом количестве выращивать, если он в магазине осенью по 10 рублей? Так, немножко, чтобы летом прямо с грядки сорвать. То же самое и с морковкой или свеклой. У меня муж все за картошку стеной стоял, но в этом году оставили ее только с полсотки, остальное дети засеяли газонной травой.

На дачу ездят на автобусе. Хотя и машина есть, и права имеются у самой Зинаиды Антропьевны.

— А ремонтировать мужу машину помогаете? — интересуюсь, зная, как многие женщины любят заниматься с «железяками».

— Не-е-ет! Я вообще к мужской работе не приспособлена. Если даже красить что-то начну, то только напорчу. Вот полоть — это мое. И по хозяйству всю женскую работу никому не доверю. А работы хватает, потому что помимо своей увеличившейся за счет осиротевших внуков семьи надо еще и за парализованной матерью ухаживать. Хорошо еще, что живет в том же подъезде, поэтому не надо к ней ездить по городу.

ПРОСТОЕ ПРАВИЛО

О своих жизненных принципах Зинаида Бакустина говорит так:

— Отдавать душу своей работе и жить этим духом. Ты отдаешь свою энергетику, она множится с энергетикой других и сполна возвращается к тебе обратно. Я думаю, только так надо. Отдавая — получать. Если ты пришел на работу, получил специальность, так надо себя полностью и посвятить этой работе.

ПРО ССОРЫ

Мало можно найти семей, где бы между супругами время от времени не возникали ссоры. Как правило, мелкие и по пустякам, но нередко из-за желания того и другого «держат марку» они затягиваются. Бывает не просто надолго, а приводят к разрыву. И вот в этих мелких ссорах важно бывает просто смирить свою гордыню и первому сделать шаг к примирению. Именно в этом, по глубокому убеждению Зинаиды Антропьевны, и заключается супружеская мудрость.

Когда у нас зашел разговор на эту тему, спрашиваю:

— Интересно, а кто в вашей семье начинает перемирие?

— Чаще ругаюсь я, — со смехом признается Зинаида Антропьевна. — Я же на работе привыкла командовать, вот эту привычку и на семью невольно переносу. Дома мне тоже, как на работе, надо, чтобы все было по-моему. Понимаю, что дома командирский голос неприемлем, потому что тут не производство, где все должно работать под четким единоначалием. А не всегда получается, как бы ни старалась. Но я первая и на перемирие иду. Ведь как на работе? Провинился человек в чем-то, не так что-то сделал, выскажешь ему, и надо дальше работать, как ни в чем не бывало. Ведь если на работника долго обижаться, это какая же обстановка в коллективе будет? Так же и дома. Зачем долго дуться и не разговаривать? Да мне по характеру и не выдержать долго не разговаривать, хоть с мужем, хоть с детьми-внуками.

Вот с такими простыми жизненными правилами и идет по жизни ветеран производства фирмы «Бенат» Зинаида Антропьевна Бакустина. И помогают ей эти правила, и обязанности налагают. А как иначе-то?

ПРОФУКАННЫЙ ОРДЕН ДЯДИ САШИ

К 65-летию Победы

Есть на Вологодчине, на берегу огромного по размерам Белого озера в живописном сосновом лесу село с поэтическим названием Липин Бор. Здесь совсем еще юным начинал я работать корреспондентом районной газеты «Волна», здесь были у меня романтические приключения, была любовь. Но эти места дороги мне еще и тем, что на краю сельского кладбища, откуда виден пологий берег уходящего за горизонт действительно белого озера, под скромной железной пирамидкой покоится прах дяди Саши — родного брата моего отца, капитана первого ранга, кавалера нескольких боевых орденов — Александра Владимировича Беспалова.

Прослужив почти всю свою жизнь в Заполярье, выйдя в отставку после шестидесяти, купил он на самой окраине села небольшой домик с видом на озеро и обосновался в нем доживать свой век. Много раз пытался я написать о нем, о боях, за которые был награжден орденами, но он всегда только отмахивался от моих расспросов: «Да отвяжись ты! Тебе что, больше писать не о чем?»

Заядлый охотник и рыбак, он в компании мог часами рассказывать о том, как ловили хариуса, как охотились на гусей, как ходили на медведя, и никогда ни за каким застольем не вспоминал о войне, о своей, надо полагать, нелегкой службе. Похоже, в его доме эта тема была вообще как бы запретной, потому что и жена его, тетя Люся, умершая много раньше, о службе мужа не вспоминала. И только по отрывочным разговорам я знал, что за время войны на дядю Сашу два раза приходила похоронка, а в бане видел, что его тело было во многих местах отмечено шрамами пулевых и осколочных ранений.

Здоровьем он обладал отменным. Никогда ни на что не жаловался. В компании, даже уже когда перевалило далеко за семьдесят, мог запросто осушить бутылку водки, после чего лицо его становилось багровым, а морская враскачку походка — более твердой. Он никогда не страдал похмельем и всегда помнил даже мельчайшие подробности обильного застолья, никогда не теряя над собой контроля.

Друзьями его были райвоенком, начальник милиции и главный врач районной больницы. С ними он бывал на охоте,

к нему на окраину села нередко приезжали они отвести душу и расслабиться после работы. И вот однажды во время такого «мальчишника» я и узнал, что были у моего героического дяди в годы войны и серьезные проблемы.

Военком, наполнив в очередной раз стопки и желая показать свою осведомленность, произнес тост: «Александр Владимирович, давай выпьем за твою звезду, которую ты профукал. А если уж совсем точно — просрал».

Дядя Саша как-то дернулся, за столом воцарилась неловкая пауза.

— Эх, Колька-Колька!.. — вздохнул дядя Саша и как-то сразу сник, опустил в раздумье голову.

Поняв свою непростительную оплошность, глупость, неучтивость по отношению к старому моряку, которого постоянно на разных торжественных собраниях усаживал рядом с собой в президиумах, водил на встречи со старшеклассниками, майор заизвинялся:

— Прости дурака, Александр Владимирович!

— Да ладно... Чего уж там. Держи краба! — дядя Саша протянул через стол руку с растопыренными согнутыми пальцами для морского рукопожатия — «подержать краба», а глазах его стояли слезы. До этого я видел у него слезы только на похоронах жены, с которой прожили они больше тридцати лет и которая из-за сахарного диабета не сумев родить детей, уйдя преждевременно из жизни, оставила его одного.

Много позднее, уже на похоронах самого дяди Саши, от военкома я и узнал, что, оказывается, еще в самом начале войны получил мой дядя свой первый орден Красной Звезды. Но в военное лихолетье был не только героизм, было и легкомыслие, и мальчишество даже у старших офицеров. Обмыл мой дядя с друзьями как следует свой орден, а после изрядной дозы выпитого потянуло моряков на «подвиги», и решили они с другом, командиром торпедного катера, с военной базы из Полярного рвануть к девочкам в Мурманск.

Только далеко от причала уйти гулякам не удалось. Похмелье было горьким — трибунал. Мой дядя, капитан третьего ранга, был разжалован в матросы с лишением правительственных наград и направлен в штрафной батальон морской пехоты.

В первом же десанте, когда корабли на полном ходу приближались к берегу, убило командира, раненый штрафник, еще пару недель назад бывший капитаном боевого корабля, встал за штурвал, под шквальным огнем довел морского охотника до берега и вместе со своими бросился в атаку.

Через двое суток его, истекающего кровью, с распоротым осколком мины животом подобрал местный житель — лопарь, народными средствами оказал первую помощь, потом доставил в госпиталь. А тем временем на него уже ушла домой первая похоронка.

Выживший, оправившийся от тяжелого ранения, как тогда говорили, кровью смывший свой позор, разжалованный в матросы боевой офицер по новой начал свою военную карьеру. Чего там у него на войне было больше, трезвого расчета или лихой бесшабашной удали, не знаю. Только счастье ему несомненно сопутствовало все время. Стал он снова, во второй раз в своей жизни, лейтенантом, капитан-лейтенантом, закончил войну опять, как и начал ее, капитаном третьего ранга, получил еще два ордена Красной Звезды, орден Боевого Красного Знамени, несколько боевых медалей. Из разговоров со многими ветеранами знаю, что просто такие награды не давались. Для награждения ими требовалось совершить исключительный по храбрости и значимости подвиг.

Какими были эти подвиги, за которые получил свои ордена дядя Саша, мне так и не довелось узнать. На все мои расспросы он все так же отмахивался: «Да отстань ты, писатель. Давай я тебе лучше расскажу, как мы за хариусами в Полярном ездили. Вот это было здорово!» Он с полуслова «заводился» и с горящими глазами начинал описывать, как ловили они этих самых неведомых мне хариусов, как, попав на крючок, бились в быстрой воде сильные рыбы, о которых я и до сего дня знаю только из его рассказов.

Таким азартным рассказчиком о рыбалке и охоте он и остался в моей памяти. Вот сидит он за праздничным столом в своем парадном мундире, тяжелом от наград и различных почетных и памятных знаков, алеет лицом от выпитой водки и ведет живописное повествование о какой-нибудь очередной рыбацкой удаче.

Уже три десятка лет отделяют меня от него живого и тысячи километров от его могилы. Раньше за могилами ветеранов ухаживали местные школьники, к Дню Победы возлагали к надгробиям цветы. Сохранились ли эти добрые традиции в том далеком вологодском селе с красивым названием Липин Бор? Или, не стало пионеров и некому теперь отдать дань памяти нашим ветеранам? Или, пересматривая ценности, мы стали подвергать сомнениям и ратные заслуги наших отцов и дедов? Ищем в их биографиях что-то такое, затмевающее их подвиги?

Что касается лично меня, после того, как узнал я от военкома о проступке, по военным меркам — преступлении моего дяди, мне он стал даже как-то ближе, роднее, человечнее. Я понял, что ту войну выиграли люди с простыми человеческими слабостями, такие же, как и мы. А значит, мы можем, если потребуется, быть такими же, как они. Точно так же совершать бесшабашные глупости и точно так же смело смотреть в глаза смерти, что позднее может быть названо подвигом.

ЕСЛИ РУКИ ЗОЛОТЫЕ

Врач высшей категории Людмила Зюркалова оставила медицину и занялась рукоделием.

Произошло все тогда как-то неожиданно. Просто в начале 90-х, когда полстраны решило попробовать свои силы в бизнесе, кто-то кинулся возить из-за моря разные товары, чтобы при пустых полках магазинов сделать деньги на дефиците, кто-то открывал на обочинах дорог шашлычные, беззастенчиво накручивая в несколько раз цены, кто-то — а это были люди скромные, но имеющие большую нужду в деньгах — пытался найти приработок честным путем, Людмила тоже вошла в «рыночную экономику».

Муж тогда заканчивал учебу в институте, в зрелом возрасте получая образование экономиста, которое, как надеялись в семье, должно было помочь найти перспективную и высокооплачиваемую работу, чтобы поднимать сыновей и жить «не хуже других». Оклады медицинских работников у нас были известны какими, а во время декретного отпуска Людмилы и вовсе нужда семью заела. Вот и начала вязать модные в то время шапочки.

Первое свое изделие отдала торгующей возле магазина женщине на реализацию и на следующий день получила деньги и новый заказ. Связала вторую, третью... Шапочки шли нарасхват, а вскоре продавщица предложила поднять цену: работа кропотливая, товар ходовой.

Делать же изо дня в день одно и то же Людмиле не нравилось. Душа просила разнообразия. Но едва увлеклась новым заработком, кончился декретный, вышла на работу, и потом вечерами, нередко даже ночами, занималась рукодельем, дающим прибавку к семейному бюджету.

А там подошло время выхода на пенсию. Можно было бы еще и поработать по любимой специальности, но в коллективе началась смена руководства, к власти стали приходить молодые, без должного практического опыта, зато с большими амбициями. И врач высшей категории со строптивым характером и готовностью подсказать начинающим руководителям, как сделать лучше, оказался не нужен.

Вот тут и увлеклась Людмила Алексеевна творчеством с полной отдачей. Покупала разные книги и брошюры, училась

по ним делать удивительной красоты вещи, осваивала новые, неслыханные раньше технологии работы по шелку, по стеклу, керамике. Научилась вышивке, аппликации, освоила рисование по шелку, бисероплетение, вязание крючком. Узнала и вскоре в совершенстве стала владеть гильошированием, так называется выжигание по шелку. Стала применять одновременно несколько техник. К примеру, декупаж, включающий вырезание и после специальной обработки приклеивание деталей из бумаги, ткани и прочего материала к чему угодно, в том числе к стеклу, дереву, керамике, фарфору. Опробовала и получила удивительный результат от объемной декупации, где в дело шли обычные почтовые открытки.

Теперь специальную литературу дома уже некуда девать. Журналы и книги заполнили все полки. Многие полезные советы из них успешно применяла, запомнила и готова делиться опытом. Но тюменцы перед праздниками, особенно перед Новым годом, мечутся по супермаркетам, скупают всевозможный китайский ширпотреб вместо того, чтобы научиться делать неповторимые, бесподобные по красоте вещи своими руками.

Незадолго до новогодних праздников теперь уже бывший директор областного краеведческого музея Татьяна Исламова в одном из филиалов решила открыть салон по продаже сувениров, сделанных жителями города своими руками. Каких только удивительных по красоте вещей там нет! И те, кто знает толк в ценности ручной работы, покупает подарки своим близким именно в этом салоне.

Его витрины постоянно пополняются, но после рождественских праздников покупатели стали очень редкими гостями.

Людмила Алексеевна сетует, что нет в Тюмени у местных властей интереса в народном творчестве. Не к танцам и песням, а к почти утраченным народным промыслам, к рукоделию, которым так славились в старину мастера у всех народов. Она готова сама учить желающих освоить сложные технологии.

Одаренных людей, по словам Зюркаловой, в Тюмени — великое множество. Разного возраста, разного уровня образования, но одинаково способных. Они делают уникальные вещи. Делают для себя, для родных и друзей. В основном это люди — богатые талантом, но не деньгами. И дополнительные доходы им бы никак не помешали, но нет возможности наладить торговлю.

Такой опыт есть в Ижевске. Там народные умельцы и сотрудники местных музеев, в том числе реставраторы, модельеры наладили хорошее производство и сбыт уникальных творений местных самородков. В Тюмени же пока народные промыслы не в чести. Более того, была в свое время создана «Народная галерея» при ДК «Строитель», потом помещение понадобилось под другие нужды, умельцев перевели в район Дома обороны, но и там, по словам Людмилы Зюркаловой, здание тоже забрали. И в результате такой чехарды растеряли хороших мастеров. А ведь их продукцию, которую можно смело назвать произведениями искусства, охотно раскупали во время выездных выставок в Сургуте и других северных городах.

Эти люди по примеру Людмилы Зюркаловой тоже готовы передавать свой опыт другим.

СОДЕРЖАНКА

Красивый попугай без умолку расхваливал свою хозяйку, гордо восседая на ее плече. После каждого продолжительного монолога он наклонял голову, стараясь заглянуть девушке в лицо, осторожно трогал ее кончиком клюва за мочку уха, откашливался и начинал заново бесконечную хвалебную тираду о том, какая она красивая-хорошая и как преданно он ее любит.

— Ну, хватит, хватит, Крузенштерн. Умничка, давай поцелуемся и иди домой в клетку.

Элла повернула голову в сторону попугая и вытянула губы трубочкой. Птица осторожно коснулась клювом ее губ, что-то, сильно грассируя, проговорила по-французски, потом произнесла фразу по-английски, перелетела на роскошную клетку, прошла по ней и, помогая себе клювом, забралась внутрь, уселась перед зеркалом и стала прихорашиваться.

— Вот так мы с Крузей и живем. Очень даже похоже. Я тоже пропою дифирамбы своему хозяину, какой он умный, какой стройный, какой спортивный, как выгодно отличается среди своих знакомых, и тоже — в свою клетку. — И она сделала круговое движение рукой, обводя стены своей комнаты.

Ее «клетка» была роскошной. Собственно, в этой квартире все было респектабельным. Все обставлено дорогими модными вещами, подобранными со вкусом, что не так часто встречается в жилище современных богачей, предпочитающих не удобство и сочетание, а дороговизну.

В квартире был порядок, и по всему чувствовалось, что за вещами здесь ухаживают. Ухоженной была и сама хозяйка, хотя какой такой особенный уход нужен, когда тебе всего чуть за двадцать?

Когда я в очередной раз высказал комплимент в отношении квартиры, Элла досадливо махнула рукой:

— Да чего там, обычная золотая клетка, в которой мы с Крузей заперты и из которой изредка разрешается выбраться наружу. Мне ведь всего-навсего просто дозволяется здесь жить до поры до времени, пока не надоем хозяину. Тут абсолютно ничего нет моего, хотя все заработано, отработано, оплачено душой и телом. Мне ведь даже, чтобы не утратить полную зависимость, не разрешается нигде работать. Сижу

вот тут, жду хозяина. Изредка могу быть переводчиком, и то лишь для того, чтобы не утратить навыки, иметь безупречное произношение, которым потом мой владыка может гордиться в компании иностранцев, куда придет в моем сопровождении. Я ведь просто вещь. Как его «мерс», как сотовый телефон, который вечно в кармане пиджака и по которому запрещено звонить, как дорогой костюм и перстень с бриллиантами. Как любой другой движимый атрибут его престижа, его респектабельности. Как все, чем можно блеснуть в обществе себе подобных.

Дом в Голландии, где очень понравилось жене, — далеко. В шикарную квартиру, где увядающая супруга и великовозрастный сын-балбес, поведешь не каждого. А на виду быть хочется часто, покрасоваться дорогими вещами, среди которых я — самая дешевая, потому что нас, симпатичных и длинноногих, — пруд пруди. И умных, и воспитанных, и со знанием языков. И если за руль машины друга-приятеля не пустит, то ко мне в постель — запросто. Заартачилась — пошла прочь! Завтра же в этой золотой клетке будет другая. Все останется, даже попугай. Даже туфли и платья — вдруг подойдут новой содержанке.

С Эллой мы случайно познакомились на одной из международных выставок, где она была переводчицей у работников одной никому у нас не известной финской фирмы. Не прочитав надпись ее бейджа, я обратился к ней по-фински, она заинтересовалась, говорю ли я по-английски, после чего я прочел на табличке: «Элла, переводчик».

Представитель фирмы надолго отлучился по каким-то делам с предполагаемыми договорами, и в ожидании его мы разговорились с девушкой. Элла поинтересовалась, трудно ли выучить финский.

— Осенью пойду на курсы немецкого и хотелось бы еще заняться финским. Просто так, для себя.

Я пообещал дать ей самоучитель, разговорник и учебник. Несколько дней возил книги в машине, а однажды, попав в новые микрорайоны, где она жила, вспомнил о своем обещании, позвонил и вот сижу в гостях. А попал я, видимо, как раз в тот момент, когда девушка была сильно чем-то раздосадована и ей очень хотелось выговориться. Так, опять же совершенно случайно, я стал ее духовником, которому она, может, впервые в своей жизни исповедовалась.

С Володей она познакомилась на третьем курсе на международной выставке, куда пришли с девчонками, такими же студентками факультета романо-германской филологии, по-

практиковаться. Там и попала ему на глаза, приглянулась, и он попросил ее помочь в разговоре с деловым партнером вечером в ресторане. Элла было заотказывалась, хотя училась очень неплохо, но он успокоил, что разговор пойдет бытовой, без технических терминов. И она согласилась.

Элла не считала себя глупышкой, все в жизни делала осознанно, но первое такое близкое знакомство с канадскими бизнесменами, да еще в роли переводчицы, чувство собственной значимости, бесконечные комплименты по поводу ее внешности, ее произношения, шампанское и гонорар в сто долларов за вечер перевода пустяковых разговоров вскружили девушке голову. Да настолько, что ночевать она попала не в свою комнату, которую снимали втроем с подругами, а в эту квартиру.

Точнее, тогда этой квартиры еще не было. Ее Владимир купил через год. В то время он просто снимал однокомнатную квартиру у кого-то из уехавших на Север знакомых. Потом Элла стала бывать в ней все чаще и чаще, потом ее «патрон» и вовсе перевез туда ее вещи, а позднее приобрел и обставил по ее же совету это жилище. Так она окончательно и стала содержанкой.

Правда, забота, внимание, отсутствие финансовых проблем, частые вечеринки в ресторанах, на базах отдыха или просто в офисах ей нравились. Подружки в большинстве своем жутко завидовали, когда приходила она в новом платье, с новой сумочкой, хвастала дорогой косметикой. Потом появилась шуба, потом — поездка с Володей в Италию, потом — другие туры на престижные курорты.

Бывший комсомольский работник, сделавший свой начальный капитал в недолгую пору молодежных центров, занятых созданием пиратских видеосалонов и продажей видеодвоек и компьютеров, только-только начинающих завоевывать тогда еще советский рынок, Володя к сорока с лишним годам превратился в преуспевающего бизнесмена, незаметно утратил суетливость и худобу, но сохранил комсомольский задор, неизменную улыбку, молодежный авантюризм, любовь к пирушкам и неисчислимые связи с прежними комсомольскими орлами из обкомов других областей и ЦК, которые стройными рядами также успешно вошли в неразбериху рыночных отношений, возглавили различные межрегиональные и международные фонды, ругая прежние устои и коммунистов, стали депутатами или их помощниками, без труда влились в колонны новых функционеров.

Сегодня на пятом десятке лет они стараются успеть до-брать то, что не успели, не смогли получить в двадцать пять — тридцать, вынужденные соблюдать внешние приличия и боясь за аморалку лишиться партбилета, а с ним — всяких надежд на красивую карьеру. Пирушки стали теперь проводить по любому поводу и называть зачастую непонятно даже для себя презентациями. Выпивки стали производственной необходимостью деловых бесед. Согласные на все девочки именовались для приличия секретарями и референтами, профессиональные качества которых оцениваются длиной и стройностью ног, смазливой внешностью и размером бюста. Особо преуспевающие, сферу интересов имеющие за рубежом, обзавелись девушками сопровождения и переводчицами, имеющими эти же качества. Элла — из их числа.

— Моя трагедия в том, что я, дура, влюбилась. Мне казалось, что он тоже меня любит. Ну, по крайней мере, сильно мною увлечен. Это уже потом я прозрела и увидела, что он такими же любящими глазами смотрит на свою новую машину. Он так же, а может даже больше, любит попугая. Особенно, когда тот говорит по-английски.

В эти минуты он от гордости готов лопнуть. Ну как же, у него есть попугай-полиглот! А ведь это я целыми днями вслух перед клеткой произносила одни и те же фразы, чтобы птичка начала повторять!

Я продолжала его любить даже после того, как он привел и оставил у меня на ночь одного из своих деловых партнеров, намекнув, чтобы я его ублажала. А когда я поняла, что это не шутка и возмутилась, он спокойно показал мне на дверь: «Можешь быть свободна. Завтра здесь поселится другая, и она будет делать все, что мне нужно».

Вот тогда я поняла, что я ничтожная дешевая вещь. Девочка для сопровождения, хранительница этой богато убранной квартиры, куда можно приехать отдохнуть душой, расслабиться телом, где всегда ждут, потому что обязаны ждать, где приветят и приласкают, потому что это оплачено. И в то же время меня можно подарить, можно сдать в аренду, передать во временное пользование. Понять это мне можно было еще раньше, когда нас, девчонок, брали с собой в сауны и устраивали голым своего рода смотрины. Нет, ни просто секса, ни тем более групповухи, там не было. Мы присутствием своим развлекали общество, были украшением, своего рода интерьером.

Девушка немного помолчала, нервно закурила, несколько раз затянулась, медленно выпуская колечки дыма, словно раз-

думывая, продолжать ли свою исповедь или оставить на душе то, что, видимо, давно уже было тяжелым грузом и что некому — не матери же, сельской учительнице, — рассказать.

— Вообще, по-моему, у вас, мужиков, какой-то комплекс. Хотите, чтобы жена была хранительницей очага, этаким матроной, занятой хозяйством и воспитанием детей, знала о развлечениях мужа и сохраняла целомудрие и верность, а в то же время была у вас для плотских утех подруга, и чем развратнее, тем лучше. Я много думала об этом и пришла к выводу, что в каждом из мужиков есть герой Микки Рурка из «Девяти с половиной недель». Что-то такое на границе с ненормальностью. Если бы это было только в моем «патроне», я бы думала, что он насмотрелся до одури этого фильма и решил все испытать в жизни, так ведь и другие из его окружения точно такие же.

Когда мне пришлось впервые остаться с его компаньоном, я на месте этого маленького, плюгавенького, лысенького иностранца представляла своего высокого, красивого возлюбленного, и мне было легче. Но на следующий день Володя попросил меня рассказать, что и как у нас было во всех подробностях. Когда привел другого партнера, настоял, чтобы я незаметно включила видеокамеру. Потом взял меня в командировку в Голландию и сводил в ночной клуб, где на сцене показывают настоящий секс. В следующую ночь заказал для меня на ночь местную проститутку, и мы были втроем. Да что там, все было! И всякий раз мне надо было притворяться, что мне это нравится.

Наверное, другая на моем месте привыкла бы, может даже полюбила все это. А меня от такой мерзости злоба распирает. И бесконечная досада от собственной беспомощности что-либо изменить. Это только на словах меня никто не держит. Слишком много на меня истрачено, чтобы вот так запросто отпустить, пусть и без всего. Не то страшно, что избьют, что поизмываются, я уже многое испытала, а то, что жизни и потом не дадут. Разве только замуж за какого-нибудь иностранца выскочить да уехать.

— А можно, я напишу об этом? Или это, что называется, не для печати?

— Под рубрикой «На темы морали»? Так ведь меня перевоспитывать поздно! Другим дурехам в пример? Не поможет: каждый ведь своим умом живет, каждый на лучшее надеется. Вы посмотрите, как восторженно смотрят на нас, таких разодетых содержанок, молодые девчонки и мечтают оказаться на нашем месте. Думаете, они не догадываются, что за все

в жизни платить надо? Это только у классиков — «его пример — другим наука».

— Что ж, спасибо за кофе, Эля, за беседу!

— Ой, ради бога, не называйте меня Элей. Терпеть не могу это имя! Какое-то оно слюнявое. Лучше — Элла. Так как-то увереннее, тверже, хотя, наверное, я по характеру слюнтяйка. Твердости мне не хватает, это точно. Но может еще и решусь когда на поступок...

Что это будет за поступок, трудно сказать. Бросит ли девушка свою золотую клетку и сбежит куда глаза глядят? Или однажды затаенная злоба найдет другой, трагический выход, потому что глаза девушки, когда она говорила о поступке, смотрели очень недобро. И то. В хронике происшествий постоянно читаешь: «Дрессированный медведь растерзал хозяйина... Любимая собака насмерть загрызла хозяйку... Молодая девушка лишила жизни сожителя...»

Так ведь и народная мудрость гласит: «От любви до ненависти — один шаг»...

СТАРИК И ЦЕРКОВЬ

Восьмидесятипятилетний пенсионер Тимофей Павлович Кузьмин из далекого сибирского села Уктуз собственноручно построил церковь.

Ни церквей, ни мечетей в приграничных с Казахстаном районах Тюменской области, за много сотен верст от самой Тюмени и других крупных городов, несколько десятилетий до недавнего времени не было ни одной. Принимаемый многими за человека не от мира сего, Тимофей Павлович построил первую.

«Только вот была ли в том необходимость», — сомневались разного рода чиновники, десять лет по которым ходил за разрешением упрямый старец, доказывая идею свою письмом жителей, под которым стояли почти три сотни подписей. И только в последние годы, когда изменилось отношение к религии центральной власти, необходимые бумаги были получены. Более того, благосклонность проявила и местная сельская администрация, отдав на постройку храма ставшее ненужным деревянное здание автовокзала.

Только что те старые бревна, скромные пожертвования односельчан да пенсия самого инициатора? Но прибавьте к ним богатейшие разностронние знания, полученные им самоучкой, его напористость, умение делать все, за что берется, да еще неиссякаемая, как говорит сам, от Бога энергия! И распахнулись таки однажды двери новой сельской церкви, приглашая прихожан на службу.

Вот тут и стоит сказать, как ошибались те чинившие препятствия чиновники. Только за первые два дня в церкви приняли обряд крещения триста детей и взрослых. Да было ли такое в истории с момента крещения Руси? Потом за короткое время приобщились крещением к Всевышнему еще шестьсот жителей этого и соседних сел.

Вот это было для Тимофея Павловича настоящее торжество духа. Не ошибался он в своих убеждениях. Потребовались людям и слово, и благодать Божия, потянулись они к его идеям и проповедям, призываемые мелодичным звоном колоколов. Этот самый звон для Кузьмина — настоящая песня, которую любил он сызмальства и по которой тосковал потом всю жизнь после того, как сброшены они были большевистской идеологией наземь и замолкли на долгие десятилетия.

Невелика получилась церковь, но вмещает пока всех прихожан, которые сами приняли участие в ее возведении, которые понесли сюда чудом сохранившиеся некогда иконы. И набралось их уже чуть не две сотни.

А сам Тимофей Павлович, хотя идет ему уже восемьдесят шестой годок, вовсю бьется над строительством храма в райцентре. Он вырос в сотне метров от районной администрации, уже таким образом символизируя отсутствие окопов между властью и религией.

Храм, хоть и звучит это дерзко громко на фоне московского грандиозного сооружения, воздвигнут в рекордно короткие для села сроки. Здесь уже проводятся службы, но дел по внутреннему убранству еще много. И этому нет предела. Даже в своей Уктузской церкви Тимофей Павлович каждый день что-то мастерит, приходя туда ранним утром.

Когда односельчане спрашивают, не тяжело ли ему в его годы столько работать, он только добродушно улыбается, отвечая, что все, что делает он в церкви и для церкви, это для него отдых.

К этому своему главному делу — служить церкви — шел Тимофей Павлович всю свою непростую жизнь, полную терний как раз из-за его религиозных убеждений. Из-за них он несправедливо страдал, подвергался гонениям властей, постоянно имел проблемы на работе, но именно вера, по его словам, и помогала ему жить, придавала силы, спасала на фронте.

Двенадцать видений являлись мудрому старцу за его жизнь, помогая принять правильное решение. А с первого, которое случилось в девятилетнем возрасте, началась у Тимофея истинная вера в Бога. С того времени всей душой предался он Богу, проводя в церкви все свободное время, постигая непростую науку теологии, пытливым своим мозгом впитывая содержание великих церковных книг.

Сегодня он может говорить об истории христианства часами, рассказывая увлекательнейшие истории о тех, кто в эти годы вершил историю государства Российского, кто оставил в нем заметную веху. И такой экскурс в историю православия начинается у него чуть ли не от каждой размещенной в церкви иконы с изображением того или иного святого. О каждом знает немало, кем был, чем святость заслужил.

Тимофей Павлович вспоминает, как горько плакал он, когда стали в стране разрушаться церкви. Он тогда был убежден, что безверие ввергнет народ в пучину чуждой человечеству морали, что падет нравственность, но твердо верил, что рано или позд-

но люди вернутся к вере, станут снова возрождать порушенные некогда храмы.

И он, своими собственными руками построив на селе церковь, начал в глухих сибирских краях то самое возрождение.

Он не думает, что построил себе памятник. Не честолюбия и корысти ради старался. Но памятник этот стоит и придает его архитектору, строителю, пастырю новые силы.

«Во здравие раба Божьего!..» — начинаются в этой сельской церкви молитвы с длинным перечнем имен. И думается, всегда в числе первых в этом списке будет имя раба Божьего Тимофея. Уж он-то своей верой, отмеченными недавно орденом Дружбы делами своими этого заслужил.

ТАНЕЦ С МЕДВЕДЕМ

Медведь, как показалось Андрею, смотрел печально и укоризненно. Хотя какое может быть выражение в стеклянных глазах медведя, убитого много лет назад? Но всякий раз Андрей вставал, подходил к окну и смотрел на улицу, чтобы не видеть этих назойливых стекляшек...

Был Андрей еще совсем пацаном, когда почувствовал его отец приближение смерти и решил передать шаманство приемнику. Доставалось оно всегда по наследству — самому способному сыну. Среди своих четверых выделял Кирилл именно младшего, будто наперед зная, что судьба не долгий век отдаст его старшим детям. Но тогда для шаманства был Андрей совсем мал, и потому отец решил передать всю свою силу и власть (а вместе с ними и непростые заботы о сородичах) человеку из другого рода. А поскольку надежды возлагал все же на Андрея, то и взял его на это торжественное действо.

До мельчайших подробностей помнит все происходившее Андрей даже сегодня, спустя четыре десятка лет. Иногда (правда, очень редко, по просьбе самых близких друзей) может и сам исполнить ритуальный танец. И тогда у медведя со стеклянными глазами — праздник, потому что медвежья шкура тоже участвует в этом танце!

Впрочем, шаманство — не просто умение исполнить с бубном несколько танцев. Шаман — это носитель культуры народа, его истории, обычаев, советчик, врачеватель, учитель, судья при возникающих спорах. Потому что он отмечен богами особым талантом, умом, магической силой.

Андрей не шаман. Он сегодня больше, чем шаман. Младший из рода Киприяновых, не наделенный по наследству шаманскими полномочиями, получил власть над людьми из рук земляков на выборах депутатов окружной Думы: жители района из трех кандидатов выбрали именно его. Не только ханты и манси, за Андрея голосовало и большинство русских и татар, видя в этом энергичном мужчине свою надежду на возрождение района. Немало удалось сделать Андрею, но очень многое оказалось пока не под силу. Дряхлеют, рушатся, исчезают с лица земли малые деревни. Вот и в его родном Лахтакурте только отцовский дом сиротливо стоит на высоком бе-

регу, выбитыми глазницами окон смотрит на широкую Обь. А сколько таких брошенных домов и деревень в округе! Именно поэтому и читает Андрей укор в медвежьих глазах.

Киприянов прекрасно знает историю своего рода, района. После школы до армии работал рыбаком, получая громадные по тем временам деньги. Отслужил, поступил в институт. Получил диплом экономиста и вернулся в свой район. Быстро сделал карьеру на хозяйственной, а потом партийной работе в окружкоме. Получил еще один диплом. И вот уже много лет возглавляет администрацию района.

Особенно трудными были первые два года, когда все силы уходили на борьбу, как он говорит, «с болотом». С беспробудным пьянством, особенно в органах власти. Ох, и трудно же было заставлять работать как следует одних и избавляться от других, повязанных совместными пирушками и темными делишками.

Но заставить одних людей работать, а на место неисправимых найти других — поддела. В начале 90-х годов, когда повсюду ощущался паралич власти, рушилась и экономика. А изменить что-то в районе, почти полностью зависящем от дотаций, еще сложнее, чем заставить людей работать, поверить в возможность перемен к лучшему.

В районе двадцать три поселка. Два самых крупных — районный центр Октябрьское и Шеркалы имеют уже четырехвековую историю. Это — если считать со времени прихода сюда казаков, следом за которыми началось заселение таежных краев русскими крепостными крестьянами. Перебирались в эти богатые лесные места и татары, которых и сейчас много в районе. А сколько лет обитают здесь ханты и манси, точно не знают даже ученые, ведущие археологические раскопки.

И всегда эти люди жили без подаяний государства. Держали крупный рогатый скот, выращивали картофель, огурцы, помидоры, овощи. В военные годы полностью обеспечивали себя хлебом. Так что же мешает наладить жизнь сегодня? Почему те же огурцы и помидоры везут сюда из Болгарии, Польши, Венгрии, а мясо — из Голландии и Америки?

Тем более что есть и возможности, и добрые примеры. Совхоз «Обский», чуть ли не единственный в области за все постперестроечные бесхозяйственные годы, сумел сохранить поголовье коров и надои. Только вот, как говорит глава, шло это молоко чуть ли не на колесную мазь, а потому было не-

рентабельным. За счет местного бюджета купили в Израиле молокозавод. Теперь молоко, кефир, сливки, йогурт — более десятка наименований молочной продукции местного производства появились на прилавках деревенских магазинов. Наладится транспортная схема — будут отсюда снабжаться и нефтяники недалекого города Нягань.

Вложенные деньги окупятся быстро, поэтому в планах на ближайшее время — приобретение технологий по глубокой переработке рыбы, мяса, грибов, ягод. Создается пять рыболовческих артелей, которым район передает снасти, моторы, мини-цеха, выделяет рыбные угодья. Возникают и небольшие мастерские по производству одежды, сувениров, обуви, домашней утвари. Ну, зачем, скажите, везти за тысячи километров те же домашние халаты, которые так нравятся хантыкам, если можно сшить их в своем поселке? Первый такой кооператив «Торумм маа» уже успешно работает.

Именно многоотраслевое ведение хозяйства было здесь и раньше. И в начале 30-х годов, когда не жила наша страна богаче, и в начале 50-х находились у государства деньги на развитие экономики коренного населения. Было в районе 29 артелей, и все они жили только на самоокупаемости, причем с меньшими, чем сегодня, сложностями.

Именно через экономическое возрождение видит Киприянов единственную возможность и возрождения национального. Даже вот на международном, ооновском уровне проблеме обозначили, объявив Десятилетие коренных народов мира. Только ведь от одних деклараций дело не продвигается, а выделяемые деньги бесследно исчезают в каких-то «черных дырах» нашей экономики и бесчисленных фондах.

Вообще, проблема северных народов — особая боль главы администрации. Он говорит о том, что продолжительность жизни мужчин у ханты не превышает 38 лет. Главная причина — пьянство. Налицо вырождение целого народа, оказавшегося не приспособленным к новой культуре, новой цивилизации, привнесенной в эти края геологами, нефтяниками и лесниками.

Веками приученный к естественной пище — сырой рыбе, сырому мясу, орехам и ягодам, — организм ханты и манси оказался не приспособлен по своему белковому обмену к консервам, кашам, макаронам и особенно к спиртному. Не имеет печень ханты и манси необходимой сопротивляемости ал-

коголю, что быстро делает человека зависимым от него. Идет вырождение генофонда народа.

Правда, по статистике, коренное население в последние годы в автономном округе стало расти, причем значительно. Но вовсе не по причине резкого увеличения рождаемости и сокращения смертности. Все проще. Если раньше многие хотели быть русскими и политика была направлена на поощрение такой ассимиляции, то теперь в смешанных семьях детей записывают ханты, манси, ненцами, чтобы иметь различные льготы, в том числе — при поступлении в учебные заведения и получении стипендий.

Так что Андрей Киприянов не обольщается. Коренное население Севера действительно вымирает. Но он еще пытается сохранить хоть что-то из традиций предков. Поддерживает центр национальных культур, преподавание родного языка в местных школах. Но немалая часть древних ценностей безвозвратно утрачена. Сначала — с христианизацией коренного населения, затем — с приходом атеистической идеологии, а теперь вот и с вымиранием самих носителей языка и культуры. Он, мужчина средних лет, прекрасно помнит, как в годы запретов проходили в их роду медвежьи праздники, когда по три дня с раннего утра и до позднего вечера пели, танцевали, рассказывали сказки и были. И насчитывалось таких историй, выступлений по несколько сотен. А сколько их помнят сегодняшние старожилы?!

Да что там танцы, даже святыя места — капища с идолами-божествами, бывшие всегда местом поклонения, разоряются и оскверняются пришельцами!.. Проехал Андрей по тем местам и ужаснулся варварскому отношению к могилам предков, всегда и во всем мире почитаемым и оберегаемым. В поисках жертвенных мехов, ценностей и украшений разоряются святыни. Не боятся чужие люди хантыйских злых духов, их кары за святотатство... Объявила районная администрация эти места заповедными, да ведь не зря говорится: «Закон — тайга», за каждым в ней не уследишь. И, может быть, от этой безысходности, беспомощности видит Андрей в глазах давным-давно убитого медведя укор и осуждение за то, что не может тот, кто главнее шамана, найти выход из такой печально-трагической ситуации.

Много было сделано в последнее время Киприянову разных заманчивых предложений, обещано высоких должностей. От всех он отказался, как отказался и от идеи выдвигать

свою кандидатуру на выборы в Государственную Думу страны. Многих знает он депутатов, обещавших процветание своему народу, да в столичной суете и заграничных командировках забывших о своих посулах. Он же хочет оставаться в родных местах и менять жизнь вместе со своим народом.

Изменить судьбу рода не под силу было даже настоящим шаманам — отцу и деду Андрея. Но он — их надежда — старается изменить к лучшему жизнь населения целого таежного района. Он полон сил и, по утверждению тех, с кем вместе работает, имеет громадный запас энергии. А уж как он создает это свое мощное биополе, где сам черпает энергию — в мудрых ли книгах, в космическом излучении или у своих хантыйских богов с их главным богом Торумом, — знает только он сам. Да еще, быть может, медведь с грустными стеклянными глазами.

ТРОЙКА НА ПАМЯТЬ

Тюменский художник Виктор Маркелов хочет оставить о себе добрую память, создав на улице Ямской мемориальный комплекс на тему давней истории города.

Пронзительной болью отзывается в душах посетителей выставки картина «Побег. Никогда больше». На ней изображены две усталые женщины возле скирды сена, в которой им предстоит переночевать, чтобы наутро продолжить свою бесконечно длинную дорогу в обход редких в сибирской тайге населенных пунктов. Это мать и бабушка художника, удачно бежавшие из сталинских лагерей.

Репрессии тридцатых годов не обошли стороной семью Виктора Маркелова. Сюжет этого небольшого полотна взят им из реальной жизни. Его мать и бабушка действительно были в лагерях, бежали оттуда и с помощью честных и сердобольных людей обрели свободу, хотя много лет и вынуждены были ждать нового ареста.

Те годы Виктор Григорьевич называет не просто трагедией отдельных личностей, хоть счет им и шел на многие десятки и сотни тысяч. Это была трагедия страны, разрушение жизненного уклада целых народов. Государство получило в лице заключенных бесплатную рабочую силу для гигантских строек, но сорвало с земли огромную армию хлеборобов, подавляющее большинство из которой уже никогда к земле не вернулось, даже оставшись в живых после жутких условий заключения.

— Первая волна репрессий называлась раскулачиванием, — с болью в сердце говорит Виктор Маркелов. — Людей ссылали целыми семьями только за то, что они умели и хотели работать, а потому имели крепкое хозяйство, жили значительно богаче лентяев и нерадивых. Моего деда сослали на строительство Беломорканала, и хотя ему грозили расстрелом, через несколько лет удалось вырваться. По малости лет я своих родных не расспрашивал о деталях тех злоключений. Это бы сейчас я постарался узнать все, а тогда... Да и сами мои предки на эту тему говорить не любили — тема была закрыта. Дед мой, как говорят, до лагеря прекрасным гармонистом был, но я с гармошкой в руках его никогда не видел: после того кошмара уже было не до радости.

Но репрессии в отношении родных художника на первом аресте не закончились. Потом была вторая волна, в ходе кото-

рой, по словам Виктора Маркелова, только с Алтая, где они проживали, было сослано около 500 тысяч человек. И были то все хлеборобы, настоящие работяги. И ведь большинство из них потом к земле не вернулось, осели в городах, кто парикмахером, кто дворником, кто шофером.

— Моих родных, — вспоминает рассказы бабушки Виктор, — выгнали из дома в декабре. И всех местных предупредили, что если кто пустит их к себе на постой, тоже будет считаться врагом народа. А в марте посадили на пароход и повезли вниз по Иртышу, потом по Оби. Однажды часть пассажиров высадили на остров посреди реки, а наутро вода поднялась и всех людей смыло. Так что в живых в те годы оставались только те, кому просто несказанно повезло.

Даже теперь, спустя полвека с лишним, Виктор Григорьевич не может получить доступ к архивам, чтобы узнать истинную историю своих предков. Только из отрывочных рассказов матери знает он, что в лагере в отношении женщин, в том числе бабушки — одинокой, еще молодой тогда женщины — были попытки домогательства от коменданта и охранников, положили глаз и на ее дочь, шестнадцатилетнюю девушку. Поэтому и решились они среди зимы податься в бега, а пошли не в сторону Томска, где могли быть посты, а взяли курс на Новосибирск, хоть и был тот путь на сотни километров длиннее. Там по поддельным документам устроились работать на завод, а позднее перебрались в Семипалатинск.

В Семипалатинске и родился Виктор. Как шутит, чуть не на картофельном поле. Мать сажала картошку, когда начались схватки. На телеге, запряженной быками, отвезли ее в больницу, где сразу же и появился на свет ребенок.

— Может, поэтому я и люблю поле, — улыбается Виктор Григорьевич, — люблю картошку сажать.

Очень рано проявился в нем талант художника. Еще в школе принимал участие в городских и республиканских выставках, потом закончил строительный техникум, поступил на художественно-графический факультет Семипалатинского педагогического института. Учеба там давалась очень легко, как говорила бабушка: «А что ему не учиться, когда он уже все знает!». После окончания вуза с красным дипломом там же остался преподавателем. Но зарплата работников высшей школы во все времена была по сути нищенской. И хоть нравилось учить молодежь азам рисования, воспитывать в них чувство прекрасного, пришлось искать более денежную работу. На 125 рублей институтского преподавателя растущую семью содержать было трудно. Так оказался в мастерских худфонда, потом в школе,

затем художником-оформителем на разных предприятиях. Но везде ему с его независимым характером приходилось непросто. Хорошие, денежные заказы давали, как правило, тем, кто умеет угождать, кто слово поперек не молвит, а такими качествами обычно обладают бездарности. Но тем не менее именно они у нас всегда пребывают в фаворе.

И все эти годы рисовал картины. Как смеется, всю жизнь прожил с кистью в руке. Это были портреты, натюрморты, пейзажи, карикатуры. Часть этих работ хранится в частных коллекциях жителей США, Китая, Германии, Польши, Белоруссии, Казахстана, России. Занимался скульптурой, делал копии полотен великих мастеров кисти разных эпох, от Возрождения до начала двадцатого века. Правда, как признается, не старался к точному слепому воспроизведению оригинала, а вносил свои поправки, учитывая, что в мастерских великих художников нередко работали ученики и некоторые детали оставляли непрописанными, а то и вовсе искажали. Так, при создании копии картины Василия Перова «Охотники на привале» прорисовал руки одного из рассказчиков, с учетом источника света заходящего солнца внес коррективы в освещение лиц и одежды героев полотна. Кстати, эта картина послужила темой для написания своей, названной «Байки». На картине Маркелова тоже трое, только уже не охотников, а рыбаков, потому что сам Виктор Григорьевич — заядлый рыбак. Безумно любит зимнюю рыбалку и даже написал и издал на свои деньги небольшую книжку «Ода зимней рыбалке».

Вот только сетует, что за пять лет жизни в Тюмени так и не смог с кем-то из рыбаков по-настоящему сблизиться, чтобы взяли его в свою компанию. Ведь здесь столько прекрасных озер! И с удочкой посидеть, и наброски будущих картин сделать.

— То ли в Тюмени народ богаче живет, — сетует художник, — то ли люди более разобщенные, но кажется, что каждый сам по себе. Вот в Казахстане, там на рыбалку всегда ездили большой компанией, сбрасывались на бензин, и даже зимой в шубах набивались в машину по четыре-пять человек.

В Тюмени преподавал в нефтегазовом университете на отделении дизайна, за эти годы руководство помогло организовать две персональные выставки. Одну в университете, вторую — в доме-музее Колокольниковых.

— Удивительно, — восклицает художник, — но почему-то в Тюмени у населения очень слабый интерес к художественному творчеству.

Действительно, на экспозиции людей приходит очень мало. И если в отношении Маркелова это еще можно оправдать тем,

что в городе его мало знают, то и на выставки хорошо известных художников, как правило, кроме журналистов, работников музея, нескольких коллег автора и небольшой группы организованных студентов простых ценителей и любителей живописи приходит очень мало.

Может, именно поэтому и у чиновников от культуры отношение к творчеству художников равнодушное? В прошлом году академик Международной академии творчества Виктор Маркелов задумал организовать персональную выставку к своему 60-летию. Не по одному разу обошел все инстанции, но так ничего и не смог добиться, несмотря на многочисленные обещания. Нынешняя экспозиция удалась по чистой случайности — благодаря неравнодушному к искусству предпринимателю, владельцу галереи современного искусства Сергею Молодкину. Не прибыли ради, а исключительно для пропаганды в своем городе настоящей культуры содержит он эту трехэтажную галерею на улице Володарского. Не поэтому ли и называют галерею Тюменской Третьяковкой?

На одной из выставленных в экспозиции картин изображена тройка коней. И есть у художника задумка поставить на улице Ямской возле архитектурно-строительной академии скульптурную композицию «Тройка», которая бы стала памятником истории города, напоминанием о его далеком прошлом, когда славилась Тюмень своими опытными ямщиками. Но пока эта идея не находит поддержки у городских властей.

Так же загубленными остались и два крупных проекта, задуманные еще в Семипалатинске, где отбывали ссылку декабристы. В тех местах была когда-то ставка Чингис-хана. Но со своей прямолинейностью и неумением договариваться об «откатах» так и не смог их реализовать.

— Мне теперь уже много не надо, — говорит художник, — но хотелось бы оставить после себя что-то действительно монументальное, чтобы люди потом вспоминали добрым словом.

ЧИСТО ЖЕНСКАЯ, НО ПОЛНАЯ СЕМЬЯ

Они живут вместе уже шесть лет. Две очаровательных девушки и их двойняшки, пятилетние Колька и Катька — приемные дети Людмилы. Малыши называют ее мамкой, но она для них и мать, и отец. Зато Света в свои двадцать — просто Светка. Будто любимая старшая сестра, и не больше, хотя обязанности в семье у нее чисто материнские: приготовить, убрать, постирать, привести ребятишек из садика.

С однокурсницами свою подругу Людмилу, симпатичную двадцатилетнюю девушку с квартирой и машиной, Света познакомилась в новогодние праздники. На вечеринке девчонки сразу же обратили внимание, с какой трогательной заботой ухаживает за их Светланкой пришедшая с ней гостя. Их самоуверенным или чересчур застенчивым кавалерам этим манерам учиться бы да учиться.. И вообще новенькая вела себя необычно — она одна из всей компании не курила, не пила, даже под бой курантов не пригубила шампанского, и хотя была со всеми приветлива, предупредительно вежлива, от души веселилась, танцевала, пела под гитару хорошо знакомые и неизвестные песни, все равно осталась чужой.

Девчонки вскоре одна за другой начали высказывать замуж или бегать на аборты, а Светка парней не то чтобы избегала, но ни с кем и не дружила. Зато ее часто видели на концертах, в театре с уже знакомой всем Людмилой. Частенько та встречала Светлану на машине, если занятия по расписанию заканчивались довольно поздно. Над однокурсницей, точнее над ее дружбой, стали сначала за спиной, а потом и открыто посмеиваться, недвусмысленно подшучивать. А однажды разозленная намеками Светка, эта бесхарактерная тихоня, вдруг набралась смелости и заявила, что да, что они с Людой живут вместе, но это только их личное дело. И после этого выпада Людмила стала заезжать за Светкой каждый день, появляться практически на всех их вечеринках.

Таким образом лесбийские отношения девушек, бывшие раньше предметом догадок, домыслов и пересудов, обрели на курсе как бы узаконенность. Потом девчонки узнали, что Люда и Света не просто вместе живут в просторной Людмилиной квартире, унаследованной от родителей, но и воспитывают ма-

лолетних близняшек, доставшихся Людмиле на воспитание после трагической гибели ее сестры.

Светка выросла в довольно обеспеченной семье, окруженная, как всякий единственный ребенок, слепой родительской любовью, не зная ни в чем отказа. И в школе, когда стала не обязательной форма, и потом в колледже одевалась она лучше всех. Точнее, богаче всех. Носила дорогие костюмы и платья, золотые украшения, но, выделяясь внешне и одеждой, и внешностью, была очень простой в общении, скромной, всегда готовой помочь, одалживала девчонкам свои наряды и деньги. Правда, с ребятами дружбы не водила, не кокетничала, в отличие от большинства других не позволяла им вольностей, хотя на вечеринках иногда с кем-нибудь раз-два целовалась.

Людмила, наоборот, воспитывалась с сестрой в строгости и сплошных запретах. Отец частенько выпивал, пьяный начинал воспитывать, что нередко доходило до ремня, оставлявшего на теле уже довольно взрослых сестер яркие красные рубцы. Особенно доставалось Нинке, когда в старших классах вдруг появилась у нее целая толпа поклонников. От этого отец еще больше ярился, крыл дочерей матом и все грозил, что убьет, если вдруг «принесут в подоле».

Нинка, как только закончила школу, чтобы уйти от пьяных методов воспитания, не слышать упреки и ругань, тут же выскочила замуж. Вскоре родила двойню, но едва исполнился ребятишкам год, глупо погибла. Людмила забрала детей к себе, благо отец после свадьбы дочери из семьи ушел и ни разу не появлялся. Мать не вынесла разрыва, нелепой смерти своей любимицы, как-то враз сдала здоровьем, подолгу сидела в задумчивости, и даже чудесные внуки с их милым приставанием не могли ее вернуть к радостям жизни. Так она и угасла. И осталась двойня целиком на попечении Людмилы. Работа, кроме нее небольшой собственный бизнес, домашние хлопоты. И в такой круговерти дни шли за днями сплошной серой чередой.

На работе ей советовали выйти замуж, пытались познакомиться с потенциальными женихами, но все мужчины в сознании Людмилы ассоциировались с отцом, его пьяными выходками и грубостью. Так что замужество она отвергала напрочь.

Но хотелось нежности самой, хотелось дарить ласки еще кому-нибудь, кроме забавных племянников, которых боялась вырастить неженками.

Светланку увидела в театре, куда ее коллеги затащили чуть ли не силой, отрядив одну опытную мамашу посидеть вечер с ребятней.

Увидела и обмерла — настолько похожа она была на ее погибшую сестру. И внешностью, и манерами, и даже жестиком.

Света была на премьере с матерью, женщиной молодежь и привлекательной, с хорошими манерами, умением держаться соответственно обстановке.

Людмила под впечатлением встречи спектакль почти не видела, хотя и смотрела на сцену не отрываясь. Ее мысли были целиком заняты воспоминаниями. В антракте она пошла в буфет, оторвалась от коллег, взяла мороженое и сок, под села за столик к незнакомке с матерью, извинилась и тут же выложила, что девушка очень напомнила ей погибшую сестру и она захотела с ней познакомиться. Узнала, что та учится в колледже, и через несколько дней дождалась, сидя в машине, окончания занятий и, как бы случайно проезжая мимо, заметила свою новую знакомую. Предложила подвезти, по дороге завернули в садик за малышней, пригласила в гости.

Потом часами болтали по телефону, заезжала на машине за Светкой после занятий, зазывала в гости. Месяца через два предложила остаться ночевать. Лежали всю ночь обнявшись и говорили о разных пустяках.

Светке, воспитанной достатком и безотказностью, все же не хватало материнской ласки, нежности, возможности откровенных бесед на любую тему. У Людмилы она получила все недостающее дома, поэтому стала оставаться ночевать все чаще и чаще. Встревоженная за свое чадо мать, побывав однажды у Людмилы дома, замороженная облепившими ее двойняшками и убежденная, что в этой квартире, где не было никакого намека на пьянки, наркотики и разврат, ее дочь будет в безопасности, успокоилась и разрешила Светланке оставаться там на ночлег, когда только та захочет.

Со временем дочь стала ночевать у подруги чаще, чем дома. Клавдия Петровна заволновалась и снова наведлась в гости. И опять, очарованная малышней, убеждениями дочери, что она остается, чтобы помочь своей подруге, а она действительно готовит отлично, надолго успокоилась. И только трогательная забота о дочери ее старшей подруги как-то кольнула и вызвала чувство некоторой ревности. Вместе с тем за эти пару месяцев дочь заметно изменилась в лучшую сторону, стала менее эгоистичной и даже будто повзрослела.

Это уже потом, некоторое время спустя, когда у девушек их чисто дружеские отношения переросли в нечто большее и они действительно стали заниматься между собой любовью, Клавдию Петровну однажды будто током ударило подозрение. Она

долго мучилась, прежде чем завести с дочерью разговор на деликатную тему. Начала обиняками, намеками, а та напрямую выложила, что да, что они с Людой любят друг друга и хотят жить вместе.

Объяснение закончилось быстро, но довольно бурно. Клавдия Петровна расплакалась, а Светлана спокойно собрала сумку с вещами и сказала, что уходит к Людмиле навсегда.

Не долго выдержало разрыв материнское сердце. Через пару дней позвонила, а через неделю приехала в гости. И, видя, каким счастьем светятся глаза обеих, как Людмила заставляет ее дочь натянуть толстые шерстяные носки, чтобы не простудиться, как помогает надеть шубу, какую проявляет заботу старшая подруга, или как там ее теперь называть, оттаяла в атмосфере тепла и доброты. Посидела, поиграла с ребятами, попила чайку и махнула рукой: «Живите, как хотите. Природа свое возьмет, влюбится одна из вас в парня, и все будет нормально.»

Отец Светки, узнав новость, сказал, что давно это подозревал, и начал шутить, что теперь ему придется называть Людмилу зятем.

Однокурсницы, поначалу чуть ли не с презрением отнесшись к лесбийским наклонностям Светки, очень быстро успокоились, изменили отношение к Людмиле от ненавистного к уважительному и даже стали завидовать своей подружке, окруженной таким вниманием и заботой, которые им с их мужьями и друзьями и не снились.

Клавдия Петровна стала навещать необычную семью дочери каждый выходной, нередко забегать после работы на неделе, побаловать девочек и малышню чем-нибудь вкусненьким. Двойняшки, не больно-то вникая во взаимоотношения и сложности родственных связей взрослых, называют ее бабушкой и отчаянно по ней скучают.

Светланка между тем закончила колледж, но пока не может найти работу, потому что юристы хоть и нужны, но красивых девушек даже с юридическим образованием в частные фирмы приглашают на роль секретарей-референтов или помощников, предполагая «отсутствие комплексов». Поэтому она полностью занята домашним хозяйством. А осенью малыши пойдут в школу, забот добавится, потому что придется помогать им делать домашнее задание.

Людмила все так же работает, так же продолжает помимо основной работы заниматься небольшим бизнесом. Она в семье кормилец.

Что касается когда-то появлявшихся у Клавдии Петровны надежд на влюбчивость девчонок, ни одна из них за эти шесть лет ни на кого из парней глаз не положила. У Людмилы все еще живы воспоминания об отце, а Светке, как она говорит, вообще мужчины не нравятся из-за их волосатости, эгоизма и занудства.

Правда, мужчины на них заглядываются, пытаются завести знакомство, но безуспешно. Более того, однажды в деревне у родственников к Светке подвалил подвыпивший парень и начал приставать слишком откровенно. Людмила, убедившись, что слова на соседа не действуют, серьезно его отколошматила. Больше подобных инцидентов не возникало.

Да, надо еще сказать про Кольку. Из этого единственного в необычной семье представителя сильного пола девушки воспитывают, как и полагается мужчине, делают джентльмена со всеми присущими настоящему мужчине чертами характера и манерами.

ПУТЕШЕСТВИЯ

ВСТРЕЧИ В СТРАНЕ ОЗЕР

Эти заметки сделаны в разные годы во время поездок в Финляндию. Страну с удивительно красивой природой, но меня всегда больше интересовали люди.

Я СТРЕЛЯЛ В ВАШУ СТОРОНУ

Услышав русскую речь, хозяин небольшого магазинчика, в который мы зашли, сразу же приветливо заулыбался:

— А-а! Дальние гости, дальние! Выбирайте сувениры на память. Товар у меня хороший, качественный, дешевый. Покупайте!

Пока мои товарищи рылись в завалах действительно дешевых товаров, мы разговорились с хозяином.

— Водка есть? — поинтересовался он.

— Какая водка! Домой возвращаемся. Уже давно все выпито.

— А то я бы купил.

Надо сказать, что русская водка в магазинах фирмы «Алко» — единственной, кому разрешено торговать спиртным, — есть всегда и в широком ассортименте, а покупать водку у туристов финны предпочитают потому, что так она обходится втрое дешевле. Правда, в последнее время после участившихся случаев отравления купленным у русских спиртным эти запрещенные законом сделки стали проводить с большей опаской, не столько из-за боязни попасться полиции, сколько из опасения отравиться.

И хотя водки у нас не оказалось, разговорчивый собеседник начал расспрашивать: откуда мы, зачем приезжали, каким бизнесом занимаемся. Его, впрочем, несколько не расстроило то, что в группе нет коммерсантов и бизнесменов, ему просто хотелось поговорить с новыми людьми, чтобы потом вечером обсудить это в семье и с друзьями.

— А ведь я был в Советском Союзе, — говорил Пекка. — В 1941-м. Правда, мы пришли без оформления визы, и нас быстро прогнали обратно, — расхохотался он. — Я даже стрелял в вашу сторону. Попал в кого или нет, не знаю, но стрелял, — отсмеявшись, продолжил он. — А потом, когда Финляндия вышла из войны, меня заставили на машине русских раненых возить. Ох, какая доктор со мной ездила! Глаза голубые, волосы почти белые, грудь... Вот такая! — он вытянул перед собой руки с растопыренными пальцами. — Веселая такая, но вольности не позволяла. Не-е-ет! Строгая такая была в отношении этого. И уж

как она мне в сердце запала! Я бы тогда на ней женился. Точно тебе говорю! Нельзя было. Так-то я болтун по натуре. Говорю ей, говорю обо всем, что на ум придет, а она ни слова не понимает, только смеется и все. И вообще, она больше на настоящую финку была похожа, чем на русскую. Да! Я ведь тогда даже русский язык учить начал. До сих пор помню. Вот, слушай: «Я тьебья люблю!» Ну, как? Похоже? Во-о! А ведь пятьдесят лет прошло.

Нам уже было пора уходить. Мы стали прощаться с разговорчивым ветераном, который стрелял в нашу сторону и потом был влюблен в русскую докторшу. Он долго тряс нам руки и расщедрился: подарил каждому на память по футболке с эмблемой своего магазина.

КАК СОБАЧКУ

— Лео, хочешь познакомиться с русским, который почти всю жизнь прожил финном? — спросил меня как-то один мой давний знакомый за чашкой кофе.

И на следующий день мы созвонились и поехали в гости к финскому русскому.

На пороге ювелирной мастерской нас встретил respectable вида крепкий мужчина. Он крепко пожал руку, жестом пригласил пройти в кабинет, усадил в кресло и стал хлопотать, наливая в чашечки кофе.

С неподдельной радостью принял бутылку «Столичной», которую, впрочем, можно купить в любом магазине спиртных напитков:

— Если не возражаешь, я сохраню это как подарок на свое восьмидесятилетие.

— Шутка?

— Через месяц исполнится. Не веришь?

— Честно говоря, не верю.

— А никто не верит! Я ведь сюда сбежал еще задолго до Зимней войны или, как ее у вас называют, до финской. Еще пацаном был. Жили мы в трех километрах от границы, а граница в то время была не на таком уж прочном замке. Еще Карацупа со своим верным другом героями не были.

Но, как их тогда называли, белофинны границу частенько нарушали. Приходят в деревню, предупреждают:

— Мы сейчас в сторону Ленинграда пойдем, после обеда нас обратно погонят, стрельба будет. Схоронитесь, переждите дома, по улицам напрасно не болтайте.

И точно. Ближе к вечеру бегут обратно. Постреливают. Красные их гонят, тоже стреляют. Вот однажды в такой день я и махнул в Финляндию.

Сколько всякого пережил, роман можно написать. Какую только работу делать ни приходилось. А потом понемногу стал на ноги, свое дело начал. Теперь вот собственная ювелирная мастерская, три магазина. Три сына. Два свое дело имеют, младший пока у меня работает. У всех свои семьи, внуков уже куча, скоро, наверное, прадедом стану.

Сейчас-то что! А первое время тяжело было. Всех боялся. Особенно когда после войны ингерманландцев обратно в Россию отправлять стали, думал, и меня вычислят. Боялся страшно. Вот преступлений не совершал, а боялся. Изменник все-таки. Добровольно за границу сбежал. У вас бы мне этого не простили. Сидеть бы в Колымских лагерях.

Я ведь сразу имя и фамилию сменил. Вообще-то я Николай Чернов. А здесь сразу стал Микко Мустанен. Язык финский учил так, что русский почти напрочь забыл. Из страха хотел забыть.

Даже потом, когда здесь русские туристы стали появляться, я как только русскую речь заслышу, в сторону шарахаюсь. Это теперь из России сюда много народа эмигрировало, спокойно живут, ничего не боятся. Времена другие стали. А я ведь и на родине с тех пор ни разу не был. Даже не знаю, где родители похоронены. Надо бы съездить, могилы разыскать, а все еще боюсь.

А знаешь, чего я больше всего жалею?

При моем положении да моем возрасте меня в России звали бы не иначе, как Николай Михайлович! Звучит-то как уважительно! А здесь ведь по отчеству не зовут. Так и кличут все Микко да Микко. Как собачку какую.

Когда мы через два часа прощались, я перешел на русский:

— Здоровья вам, Николай Михайлович! Всего самого доброго! И с наступающим юбилеем!

Он широко улыбался, но на глазах появились слезы.

КОПЕЙКА РУБЛЬ БЕРЕЖЕТ

Я не помню в финском языке такой поговорки, но то, что большинство населения ей следует, — это бесспорно. И примеров тому великое множество.

Поехали мы как-то с двоюродным братом на одну из его дач. Домик на четыре комнаты с каминным залом уютно примостился на скалистом берегу небольшого озера. Три гектара отличного строевого леса — таков этот участок. Тут и грибы свои, и черника с брусникой. Только вот несколько темновато было в

этом лесу, и сделал брат заявку провести на участке рубку ухода, убрать лишние деревья.

Мы приехали на выходные как раз вскоре после того, как лесники свое дело почти полностью закончили, оставалось только убрать за собой мусор, сучья да дуплистые опилы от комля.

— Пока баня топится, дрова заготавливать будем, — дал брат задание, достал из багажника бензопилу, и мы начали заготовку дров. Я пилю, он отбрасывает чурки. Так мы прошли почти по всему участку, присели отдохнуть.

— Ну, теперь еще вон в том углу я видел березовые дрова, их распилим и пойдем париться.

Я взял пилу и пошел в ту сторону, куда указал брат. Долго ходил, выискивая березовые дрова, которые предстояло распилить до окончания работы. Через некоторое время безрезультатных поисков вернулся назад.

— Кауко, где ты там видел березовые дрова, я их не нашел.

— Пошли.

Он подвел к куче березовых сучьев:

— Вот.

— Это дрова-а? — моему изумлению не было предела.

— А что? Знаешь, как хорошо в камине горят!

Я думаю, многих сибиряков при виде таких дров толщиной чуть больше указательного пальца, которые по русским понятиям годятся разве что в костер, хватила бы кондрашка. Или они бы зашлись от смеха только от одной мысли, что можно пилить на дрова бензопилой палки, имея три гектара отличного леса.

Уверен, что подавляющее большинство русских хозяев при таком богатстве просто свалило бы добрую березу поближе к дому, чтобы таскать поближе да сподручнее, а не возилось бы около кучи хвороста.

ИЗ СПОРТИВНОГО ИНТЕРЕСА

Другой пример бережливости, рачительного хозяйствования, экономной экономики показал мне мой старый добрый друг Яакко.

В Ботническом заливе, на берегу которого стоит его дом, он ставит рыболовецкие снасти, приобретая для этого обязательную лицензию. Ловит так, больше из спортивного интереса, потому что любую рыбу можно дешево купить в ближайшем магазине.

Обычно улов составляет несколько килограммов, но все равно столько для себя не надо, и по дороге домой от своей рыбацкой хижины Яакко заворачивает к своим ближайшим соседям и продает им излишки улова по три-пять килограммов. Кто-то берет свежатинки для себя, кто-то для кошек и собак. Но сбыт

излишки находят всегда. И надо видеть, как радуется этот сорокапятилетний детина весом в полтора центнера вырученным несколькими евро. Можно было с вполне понятным участием разделить его радость, если не знать, что, к примеру, на свое увлечение катанием шаров в кегельбанах он тратит с женой каждые выходные, уезжая в другие города и ночуя в мотелях и гостиницах, до по несколько сотен евро.

НАЧАЛЬНИК В ОТПУСКЕ — НЕ НАЧАЛЬНИК

Однажды удача улыбнулась моему другу всей своей белозубой улыбкой до ушей. Улов потянул чуть не на два центнера. Мы съездили за прицепом, перегрузили в него добычу из лодки, и Яакко задумался: куда девать рыбу.

В магазине взяли на реализацию сорок килограммов. Осталось еще полтора центнера. И надо сказать, что руководит он комбинатом питания металлургического завода в Раахе. В комбинате столовая на тысячу двести посадочных мест и более пятидесяти буфетов. Оптовыми закупками продуктов занимается сам Яакко, заключая договоры на их поставку. И, наверное, проблем бы не возникло, будь он на работе, а не в отпуске.

Мы приехали домой, и начал он названивать своему заместителю, чтобы предложить для столовой богатый улов. К радости, в комбинат питания поступила заявка от одного из цехов, коллектив которого решил провести выходные на природе, так что рыба, приготовленная к пиву, оказалась в самый раз. Улов был благополучно доставлен в заводские морозильники и сдан кладовщику.

Вспоминая и рассказывая российским друзьям эту историю, я постоянно думаю: а как бы поступил в таком случае директор какого-нибудь нашего, российского общепита? Стал бы он спрашивать согласия своего заместителя принять эту рыбу или просто поставил его перед фактом, приняв решение без лишних сомнений и раздумий? И все больше склоняюсь к мысли, что ситуация бы выглядела совсем не так, как в Финляндии с ее демократией, которой нам еще учиться и учиться.

АННЕКСИЯ

О разного рода злчных заведениях, присущих западному образу жизни и разлагающих его общество, людям среднего и старшего возраста слышать в свое время приходилось немало. У нас, при социализме, о чем-то подобном было страшно подумать, а если кто-то, оторвавшись от своей группы во время турпоездки, и отваживался заглянуть в какой-нибудь ночной клуб, то впечатлениями об этом делился только с самыми близкими из

боязни навлечь на себя массу неприятностей и отказ при следующей попытке выезда за рубеж.

Потом социализм у нас приказал долго жить, а в сменившем его диком общественном строе в искаженном, пародийном виде хлынуло все, что было присуще только «разлагающемуся капитализму»: ночные клубы, проституция, стриптиз-бары, порнография и многое другое из этого же перечня.

Правда, при массовом нашествии все это остается доступным только людям с крупной суммой лишних денег, которые больше не на что потратить, кроме как на подобные плотские развлечения. А тут во время поездки с группой спортсменов в Финляндию, после того как турнир завершился и требовалось немножко расслабиться, мы с приятелями пошли побродить по вечернему Хельсинки. И наткнулись неподалеку от нашей гостиницы на вывеску с пышногрудой красавицей и экзотическим названием «Какаду», а ниже помельче надпись гласила: «Стриптиз-шоу без остановки».

Стоимость билета была дороже кружки пива в любом из открытых допоздна кафе и ресторанчиков с вынесенными на тротуар под сень теплого летнего вечера столиками. Едва мы оказались внутри, заняли столик и я подошел к стойке бара взять чего-нибудь прохладительного, ко мне тут же подвалила высокая блондинка, похлопала по ягодицам и с сильным акцентом спросила по-фински: «Halut rakasta?» (хочешь любить?).

От неожиданности, от того, что предложение делается, когда ты едва вошел и не успел осмотреться, я на какое-то время опешил, потом, скрипя извилинами, начал соображать, как бы поделикатнее отказать от услуги. Услышав отказ, девушка отошла на пару шагов в сторону и на чистом русском у кого-то поинтересовалась:

— Ты не заметила, этот козел не со своей бл... пришел?

— Нет, они вроде мужской компанией.

Едва я успел поделиться с приятелями началом приключений, шоу началось. Девушка, явно в недавнем прошлом профессиональная гимнастка, поражала пластикой, выполнением замысловатых, требующих громадных физических сил и ловкости упражнений, при выполнении их освобождалась от мешающей и не мешающей ей одежды. Когда на бедрах осталась лишь узенькая полоска трусиков, она выставила на середину зала стул, вытасила за руку из-за ближайшего столика парня, усадила его и начала раздевать. Под музыку виляя бедрами, она стянула с парня рубашку, расстегнула ремень, молнию на штанах, игриво заглянула в плавки, оттопыренным большим пальцем правой руки показав зрителям оценку там увиденного. Потом наметан-

ным глазом вычислила ошалевшего от зрелища мужчину, подошла к нему сзади, потерлась голым своим бюстом о его вмиг вспотевшую спину, зашла спереди и поводи́ла соском по его губам.

Зал восторженно зааплодировал, а девушка подхватила разбросанную по полу свою одежду и упорхнула за кулисы. Едва аплодисменты смолкли, как другая девушка пошла по залу «снимать» созревших клиентов и уводить куда-то в задрапированный тяжелыми шторами выход в коридор за стойкой бара.

Шоу продолжалось. Вот на подиум, который являлся в то же время и длинным столиком с высокими, как у стойки бара, стульчиками, величаво всплыла разодетая в яркие наряды краса. Минут через пять от этих нарядов осталась лишь узенькая полоска кружевных трусиков. Переходя вдоль стола от никелированного шеста к перекладине и обратно, используя их для выполнения своих довольно сложных гимнастических упражнений, девушка то гладила кого-то по щеке, то прижималась обнаженным телом, то гладила себя по грудям, животу и бедрам и тут же шлепала по протянутым к ней потным от возбуждения ладоням. Потом в самом конце стола она медленно стянула легкий кружевной лепесток, изящно уселась попкой на лысину мужчины средних лет, порхнула в другой конец стола и перед лицом одного из зрителей сделала мостик, широко расставив ноги. Тот буквально ошалел и долго еще растерянно хлопал глазами, провожая жадным взглядом сразу же убежавшую за кулисы стриптизершу.

За наш столик подсели две молодки явно не юного возраста, причем на лице одной даже под толстым слоем грима угадывались изрядно потрепавшие ее годы. Мы, принципиально не обращая на них внимания, продолжали свой разговор. Через несколько минут одна из подсевших заговорила сама, причем по-русски:

— Ребята, я слышу, вы русские, а почему вы с нами не хотите разговаривать?

— А откуда ж мы могли знать, что вы тоже наши землячки?

— Ой, да тут девочки почти все русские. Из Питера и Нарвы.

— И танцовщицы?

— Из них половина наших. Их же и объявляют русскими именами. Но тут еще есть мулатка, есть негр. Кстати, много народу приходит именно на его выступление.

— А вы здесь живете или наездом?

— Нет, мы пять дней работаем, потом дома отдыхаем, потом снова сюда.

— Так сказать, вахтовым методом?

- Вроде как... А вы как насчет расслабиться?
- Спасибо, еще не созрели.
- Ну, отдыхайте пока. Привет! Еще увидимся.

Народ все прибывал, а после одиннадцати свободных мест уже не было, хотя девушки то и дело уводили расслабляться уже созревших клиентов. Цена такой секс-услуги была равна подаваемым неприкосновенной официанткой трем кружкам пива. Стоит ли говорить, что желающих получить удовольствие по цене трех кружек пива было достаточно, и конвейер по доставке за кулисы возбужденных эстрадным действием мужичков работал вовсю.

За столиком неподалеку сидели двое мужчин под шестьдесят. Один пришел в темном костюме, в белой рубашке с галстуком и своим строгим видом явно выдавал русского делового человека старой закваски, которые не умеют подбирать одежду в соответствии с обстановкой. Этого соотечественника привел сюда его демократично одетый деловой партнер финн, почти сразу же позвавший для своего гостя девочку, скрасить за столом их мужское общество.

Утверждают, что во время своей поездки в Финляндию это заведение посетил и Владимир Вольфович, которому ничто мужское не чуждо. Если учесть, что почти весь персонал заведения состоит из граждан России, то почему бы нашим высокопоставленным чиновникам и парламентариям, действительно, и не посетить его для ознакомления с условиями труда и отдыха своих сограждан на иностранной территории?

Пока мы с ехидцей обсуждали эту тему, зал набился битком. В основном благодаря зашедшей многочисленной группе ряженых. Таким маскарадным шествием, иногда с посещением разного рода значных мест, проводят в Финляндии свой девичник подруги выдаваемой замуж невесты. Многие толпились стоя, выбирая место, откуда бы было видно небольшое пространство для танцев, но поскольку видно из толпы плохо, некоторые девушки усаживались возле столиков прямо на пол. Предвкушение чего-то очень ожидаемого нарастало с каждой минутой, и вот под звуки какой-то дикой мелодии из-за занавеса выскочил молодой худосочный негр и начал бешеную пляску, не забывая, впрочем, тоже срывать с себя одежду.

Оставшись в трусиках, он подскакивал то к одной зрительнице, то к другой, гладил им плечи и бедра, выскакивал снова на середину круга, опять выбирал кого-то из женщин и одаривал ласковыми поглаживаниями. И вот зал охнул, когда танцор сорвал плавки и предстал перед публикой во всей красе. Бешено вращая низом живота, он раскачивал свой приличных раз-

меров детородный орган, заставляя его тоже плясать, чем одних женщин приводил в смущение, взгляд других завороченно приковал к своему обнаженному «танцору». Музыка резко оборвалась, негр исчез, и толпа начала расходиться. Объявили антракт. Впереди оставалось еще два часа представлений, но нам они уже успели наскучить, и мы тоже вышли на свежий воздух ночного Хельсинки, без сожаления оставив вполне освоенную русскими проститутками небольшую территорию бара с экзотическим и совсем не русским названием, полученным, может быть, благодаря только что выступившему танцору.

А! Вас наверняка интересует, а что происходило там, за кулисами, куда уводили «созревших» клиентов? Не знаю. Мы на соблазн не поддались. Как сказал один из наших: да на хрена было ехать за четыре тысячи километров, чтобы трахнуть там свою землячку. Русскую проститутку я могу и дома поиметь. Вот если бы что-то иностранное попробовать...»

Но иностранное в Финляндии оказалось недоступно, и бонемногочисленных из-за высокой нравственности и возможности иметь заработки, не торгуя собственным телом, местных падших девиц давно и полностью вытеснили с рынка сексуальных услуг наши неразборчивые в заработках соотечественницы.

Я вовсе не хочу сказать, что все русские девушки ведут себя вдали от дома распутно. Более того, многие из них не могут избавиться «от комплексов» даже там, где излишняя скромность просто неуместна.

На следующий день, в воскресенье, поехали мы отдыхать в построенный километрах в сорока от столицы аквапарк. Самый большой, кстати сказать, в Европе. Едут в него любители водных процедур круглый год, потому что значительная часть аттракционов находится в закрытом, застекленном громадном помещении, где все время поддерживается приятная для купания температура.

Помимо различных слаломных горок, водопадов, быстрых, с искусственным течением порожистых рек, возвращающих тебя к месту отплытия, есть в парке, конечно же, сауны, расположенные в одной из пещер утеса. Они тоже на разные вкусы: есть парные, по типу русских бань, есть финские сауны, есть турецкие бани. И мы решили испытать все подряд. Переходя с промежутками для отдыха и восстановления нормального дыхания и пульса из одной парилки в другую, оказались в конце концов и в турецкой.

На двери ее тоже надпись, что в одежде, а вся она состоит из выданных напрокат плавок, входить в парилку запрещено.

Снимаешь плавки, вешаешь их возле входной двери, распахиваешь дверь, делаешь шаг внутрь и из-за густого, как молоко,

пара некоторое время не видишь абсолютно ничего. Минуты через две глаза начинают понемногу привыкать, и начинаешь различать справа и слева от входа полукругом сидящих людей. При чем видишь пока только светлые пятна, почти на ощупь пробираешься к свободному месту, садишься на довольно горячую мраморную скамью, из-под которой клубами валит густой пар, и начинаешь осматриваться, благо глаза за это время еще больше прозрели, и видишь уже не просто размытые белые контуры. Уже начинаешь различать более конкретно очертания рядом с тобой сидящих.

Так... Это уже интересно: оказывается, левым своим бедром на тесной горячей скамье прижимаешься к симпатичной, с красивыми формами девушке. Она зашла раньше, ее глаза уже привыкли к густому туману, она хорошо видит тебя совершенно голого, как ты усаживаешься рядом, но не обращает на твою обнаженность абсолютно никакого внимания — вы в бане, где этот внешний вид является нормой.

Но вот с противоположной стороны, где вход в парилку из женской раздевалки, появляются две девушки в закрытых купальных костюмах. Они останавливаются, слепо начинают шарить руками в пространстве в поисках свободного места.

— Да ты что, дура, что ли? Не толкайся, я же ни фига не вижу.

Эта фраза в дополнение к не снятому купальнику красноречиво указывает на страну проживания скромниц из захавшей в аквапарк туристической группы. Эти соотечественницы в отличие от встреченных субботним вечером в баре «Какаду» совершенно из другого теста.

АВТО ИЗ-ЗА МОРЯ

Еще несколько лет назад туристические фирмы Тюмени наперебой зазывали в страну Суоми желающих купить авто. И люди ехали, и машины везли десятками. Сегодня ни одно турагентство такого вида услуг уже не оказывает.

— У нас теперь в Финляндию практически никто не едет: очень дорогая страна. Предпочтение отдается Турции, Арабским Эмиратам, Испании, Италии. Популярны туры по Европе. За машиной? Так ведь пошлины сумасшедшие. Но если настаиваете, можем организовать индивидуальный тур, хотя за машинами едут в основном в Германию, там они дешевле...

Примерно таким однотипным был ответ везде, куда я звонил, интересуясь возможностью организованно поехать за автомобилем в страну северного соседа, откуда еще совсем недавно шли потоком к нам и наши подержанные и совсем новые

«Лады», и престижные и не очень иномарки. Да и сам я этот маршрут уже опробовал, пригнав в свое время малоизвестный в кругах автолюбителей «Талбот». Проделав по российским дорогам и кошмарным дачным проселкам 100 тысяч километров без единой серьезной поломки, без должного обслуживания, которое не мог ему дать нынешний хозяин-«чайник» и слишком дорогой для иномарок автосервис, автомобиль еще обладал немалым запасом прочности и, по моим расчетам, должен был от его продажи дать необходимую для таможенной пошлины сумму.

Но прежде чем ехать за другой машиной, решил проконсультироваться в таможене, во что обойдется ее оформление.

— Если деньги есть, можете ехать, — напутствовал сотрудник Тюменской таможни. — Люди гонят. Хотя лучше купить новую в любом автосалоне. Там и кредиты оформляют, и предпродажную подготовку по всем правилам делают, и гарантию дают.

В отделе, который занимается таможенным оформлением автомобилей, уточнили, что все зависит от марки машины, ее возраста и кубатуры двигателя.

Вдохновленный полученными расчетами, без проблем оформил в Генеральном консульстве Финляндии в Москве визу и поехал за машиной.

Вечером в Хельсинки начал изучать рынок предложений.

В свежем номере самой крупной газеты страны «Хельсинкин саномат» рекламе автомобилей, как новых, так и подержанных, было отведено аж целых четыре страницы большого формата.

Наутро мой давний приятель Тапса, бывший автогонщик, теперь владелец автомастерской, с которым мы поехали знакомиться с автомобильным рынком воочию, а не по газетным объявлениям, пояснил ситуацию с дикими, на мой взгляд, ценами.

— Все заключается в маленькой хитрости завышения в рекламе реальной цены, чтобы выгодно представить свой товар. Смело можешь торговаться и сбивать третью часть. Иногда продают и за половину объявленной стоимости.

Несколько крупных фирм по продаже подержанных автомобилей расположились за столичной чертой впритык одна к другой, даже не разделяя территорию забором, что для русского человека не укладывается ни в какие рамки понятия торговой площади. С территории одной фирмы мы переходили на территорию другой, шли вдоль рядов выставленных на продажу автомобилей, изучали по таблицам на лобовом стекле возраст, пробег, дату последнего техосмотра, цены, заглядывали в салон — у многих дверки были не заперты на замок, давая возможность посидеть за рулем.

Часть машин, несмотря на возраст и пробег, была как с иглолки, отличаясь от новых лишь в несколько раз меньшей ценой, другие выдавали наспех сделанную предпродажную подготовку, не скрывающую под свежим слоем краски бугорки готовой вылезти наружу ржавчины, третьи вообще как бы говорили за себя: «Вот так я выгляжу на самом деле, как девушка утром еще без румян и помады. Коли глянусь своей неброской простотой, бери, накладывай макияж на свой вкус».

Мы неспешно ходили среди автомобильного изобилия часа три. Ни в одной фирме к нам никто не подошел, навязчиво предлагая представленный товар. Здесь давали людям возможность определиться в выборе самостоятельно, как бы боясь отпугнуть своей настойчивостью.

На пятой или шестой территории мы сами подошли к одному из работников. Познакомились. Паули, небрежно одетый, с косматой шевелюрой и отсутствующим передним зубом крепкий мужичок лет пятидесяти пяти, охотно разговорился.

— А, так ты, говоришь, из России? У нас раньше с русскими был хороший бизнес. Мы даже приняли дополнительно одного парня со знанием русского языка. А теперь у вас такие пошлины введены, что рынок резко сократился. Правда, по радио вчера что-то говорили, будто или таможенные пошлины у вас снизили, или собираются снизить. Не расслышал, врать не стану. Но русские все равно у нас почти каждый день бывают. В основном теперь берут джипы и микроавтобусы. У нас они дешевые, а у вас, говорят, ценятся. Вон стоит дешевый микроавтобус в отличном состоянии, бери.

— Да зачем мне микроавтобус на семью в четыре человека?

— Так какие твои годы, еще детей наделаешь, чтобы на каждое сиденье посадить! Или джип бери. Правда, сегодня у нас ничего подходящего нет, но если хочешь, могу за пару дней подыскать. У нас тут один приятель их из Германии, Дании, Голландии на продажу гоняет, там они дешевле, вот он бизнес и делает.

Зная, как наши предприниматели делают бизнес, накручивая цену вдвое, я тут же поделился своими опасениями.

— Не волнуйся, — успокоил он. — У меня если прибыль составляет пять процентов, это нормально. Вдвое я могу цену поднять только за какую-нибудь мелочь ценой в один евро. Восемь процентов прибыли у нас считается очень хорошо. Конечно, он закладывает сюда стоимость перевозки на пароме, свой билет, оплату гостиницы, ну, и свою прибыль. Все равно это намного дешевле, чем стоят наши финские машины.

Мы обменялись с радушным, непрестижного вида, Паули координатами, пожали друг другу руки и расстались. Заехали

с Тапсой еще в пару фирм, но так ни на чем и не остановили свой выбор.

Паули дал о себе знать в тот же вечер. Он позвонил и сказал, что есть два джипа: «Патроль» и «Паджеро», что я могу их посмотреть и опробовать завтра же, если мне удобно, часов в десять, лучше бы на окраине, чтобы мог испытать ходовые качества не в условиях переполненных городских улиц, а в приближенных к российским. Он сразу же оговорился, что одна из них выглядит лучше, но лоск может быть обманчивым, потому что недавно двигателю сделан капитальный ремонт, а ручаться за качество он не может, не зная, как его проводили. Бывает, что и халтурят. Вторую он сам уже испытал и потому дает гарантию.

Сразу скажу, что в окрестностях Хельсинки найти приближенные к нашим дорожные условия практически невозможно. Любая малозначительная дорога покрыта асфальтом, а проселочный тупичок — щебенкой. Грязь и кодобины — только на специальных полигонах.

Дизель работал чисто, машина прекрасно шла на подъем, быстро набирала разрешенные в Финляндии 90, была легка в управлении, но смущала большими по сравнению с моей прежней машиной размерами, имела более жесткую рессорную подвеску, компенсируемую, впрочем, комфортабельным креслом с подкачкой и подогревом, гидроусилителем руля, делавшим управление посильным даже трехлетнему ребенку.

Оформление документов купли-продажи с учетом необходимых таможенных бумаг заняло от силы пятнадцать минут. Паули пересчитал полученные деньги, и мы ударили по рукам.

Мой путь из Хельсинки в Тюмень должен был лежать через Эстонию, где отдыхали на каникулах у бабушки наши дети. Я позвонил в порт, заказал билет на паром. У меня спросили фамилию, марку и номер автомобиля, просили прибыть не позднее чем за два часа до отправления, чтобы успеть пройти таможенные формальности. Если по каким-то причинам мне придется изменить время выезда, попросили заранее предупредить и перенести заказ на нужный рейс. Билет вместе с машиной обошелся в три с половиной сотни рублей, причем эта сумма была бы почти точно такой же, будь я не один, а вдвоем или втроем.

На въезде в порт дежурный охранник спросил, на какой рейс мне надо, куплен ли билет, и поднял шлагбаум. Через сто метров, не выходя из машины, подал в окно таможенного офиса улыбчивой милостивой девушке документы, она поставила штамп, пожелала счастливого путешествия. Все формальности заняли от силы минуты полторы. Столько же ушло на паспорт-

ный контроль, где отметили мой выезд из страны, и вот я уже на борту эстонского парома.

Так же, не больше пяти минут, ушло на оформление таможенного и паспортного контроля на таллинском причале, куда через три с половиной часа доставил нас вместительный теплоход, основными пассажирами которого были ехавшие на отдых в Эстонию финны. Причем и здесь, во многом следуя примеру заморского соседа, не потребовалось выходить из машины, открывать багажник и капот, демонстрировать содержимое чемодана. Все это, как оказалось позднее, присуще лишь нашим родным стражам порядка.

Больше тысячи километров наездил я по дорогам Эстонии, ни разу нигде не остановленный для проверки документов. Но и пребывание в этой в недалеком еще прошлом нашей суверенной республике было омрачено последними минутами в нескольких сотнях метров от границы ранним субботним утром. Остановив в Нарве машину для проверки документов, эстонские работники дорожной полиции с явным украинским выговором углядели в моих документах грубейшее нарушение — отсутствие эстонской страховки стоимостью примерно в шестьдесят российских рублей.

— Что делать будем, Петро? — вопрошал усатого, казацкого вида напарника страж порядка с лоснящимся от жира румяным лицом и хитрющими бегающими глазенками.

— Сам решай, — не захотел тот разделять ответственность за имеющееся грубейшее, по их словам, нарушение. Возражения и ссылки на впустившую меня на территорию страны таможню, на финский страховой полис, который действует при покупке машины еще в течение десяти дней, не убеждали.

— Жди до понедельника, начальство разберется. Если мы не правы, нас накажут.

— Ребята, вы прекрасно понимаете, что я вряд ли стану ждать двое суток. Так что уж отпустите с миром, тем более что и крон в моем кошельке уже нет. Только рубли.

— Да вообще-то и рубли сгодятся, — молвил тот, который не Петро. Сам же Петро, чтобы не мешать деликатной беседе, отошел в сторону.

— Сколько?

— Ну, сам понимаешь, со смены сейчас домой приду, надо что-то ребятишкам купить. Чтобы хватило.

Ребятишкам автоинспекторов хватило по сто рублей, положенных в лежащую на сиденье патрульной машины форменную фуражку, от чего она сразу стала выглядеть, как замусоленные кепки нищих попрошайек с мелкими купюрами. Эта отличалась

от тех своей новизной, форменной кокардой и достоинством денежных знаков, да еще тем, что деньги в нее ложились не по велению щедрой души, а по принуждению бесправного водителя.

Пока я радовался тому, что в эстонских патрульных машинах не додумались довести число экипажа до пяти человек, что позволило мне отделаться всего двумястами рублей, Петро договорился с таможенниками и поставил мою машину на контроль, минуя длиннющую очередь. Так что мои двести можно отнести и как плату за дополнительные услуги, не предусмотренные уставом полицейской службы.

Эстонский таможенный и паспортный контроль для покидающих страну тоже занял не более трех минут. И вот я медленно съезжаю с высокого эстонского берега Наровы на длинный мост и встаю в очередь на родной российской территории. За полтора часа мы не продвинулись ни на метр. Лишь в восемь утра очередь начала медленно таять.

В будке у первого шлагбаума молодая женщина молча выдавала разрешение на въезд на территорию таможенного контроля, расположенного в сотне метров, с таким ответственным видом, будто на мост можно было въехать посреди реки еще откуда-нибудь, кроме Эстонии.

— А разве таможня работает не круглые сутки? — наивно вопрошал я, получив клочок бумажки, дарующий мне право на проезд первых ста метров российской дороги.

— Конечно, круглые сутки, — сурово отвечала мне женщина. — Но люди ведь не железные. За ночь сто тридцать машин пропустили. Вот и закончили пораньше. А вам куда торопиться? Что здесь стоите, что там стоять будете — никакой разницы.

Стоять, действительно, пришлось еще почти пять часов. Сначала паспортный контроль, потом досмотр машины и груза, при котором двое одетых в пятнистую униформу то ли пограничников, то ли таможенников заглядывают в салон, изучают содержимое бардачка, кармашков на сиденьях, личные вещи. А поскольку смотровой ямы нет, то весь этот осмотр носит чисто формальный характер, потому что на днище машины можно укрепить целый арсенал оружия и боеприпасов или сотню килограммов наркотиков. Но формальность соблюдается свято. Только ради чего?

Недозволенного для ввоза у меня не оказалось, проезжаю еще несколько метров, останавливаюсь напротив окошка таможни. Здесь, уже в третий раз на отрезке в полтора десятка метров, тоже надо выйти из машины, предъявить документы. Их изучают и ставят меня в конец другой очереди, составленной

из обладателей машин, купленных в Эстонии или следующих через нее транзитом.

Оформление документов четырех машин заняло четыре часа. Четыре долгих часа томительного изнуряющего ожидания в машине под палящим солнцем. Выходить из автомобиля пограничники не разрешают, чтобы не мешать их работе, не отвлекать от дела государственной важности.

— Я не могу вас пропустить через границу, — вежливо заявил мне молодой с длинными волосами инспектор таможи. — У вас нет отметки эстонской таможи, что вы проследовали транзитом. Придется возвращаться.

— Но я уже использовал эстонскую визу. Дети — тоже.

— Ничего, мы ее аннулируем, — успокоил парень с лычкой и звездочкой на погоне. — Сегодня, правда, суббота. Вам придется ехать в Таллинн, там в понедельник в таможенном управлении поставят штампы и — милости просим! А то наш начальник ругается, если мы без эстонской отметки машины пропускаем. Но вообще-то это будет стоить пятьдесят долларов, так что идите в машину, подумайте.

Ждать до понедельника опять же не хотелось, как не хотелось и расставаться ни за что с полусотней долларов. И я, каюсь, что называется, злоупотребил служебным положением. Подал инспектору свою визитную карточку и сознался, что готовлю материал на тему, какие проблемы возникают на границе у купившего машину.

Минут через десять я выехал на последний шлагбаум и взял курс на Москву.

Я оставлял границу с неприятным чувством брезгливости и удивления, с какой откровенностью и уверенностью в безнаказанности вымогают деньги у проезжего люда эстонские «гаишники» и российские таможенники. Уверен, что мои наблюдения хорошо известны высшим и средним руководителям по обе стороны границы. Между прочим, когда я гнал свою предыдущую машину, на ее таможенное оформление в Торфяновке под Выборгом тоже ушло минут десять, и никто не рылся в салоне, не осматривал личные вещи. Правда, тогда за один только день меня восемнадцать раз остановили для проверки документов работники ГАИ, на этот раз за три с лишним тысячи километров — только дважды ночью на территории Татарии, да еще дважды в Курганской области: за превышение скорости и неправильный, по мнению инспектора, проезд кольца на перекрестке двух дорог.

Главный сюрприз ждал меня в Тюмени при постановке машины на таможенный учет. Оказалось, что за растаможку нужно за-

платить почти в четыре раза больше, чем заплатил за саму машину в Финляндии. И это при минимальном с учетом возраста автомобиля размере акцизного сбора!

И сразу стало понятно, почему в объявлениях местных газет о продаже автомобиля нередко фигурируют такие баснословные суммы. Хотя и они зачастую ниже стоимости машин в Финляндии. Что тому причиной: высокая стоимость авто в Суоми или возможность обходить таможенные пошлины через разного рода оффшорные зоны и тому подобное?

— Значительное количество продаваемых на рынке иномарок с «липовыми» таможенными документами, — пояснил ситуацию сотрудник отдела Тюменской таможни. — За год наш отдел при постановке на учет выявляет сотни автомобилей с поддельными документами. Зачастую откровенно жаль введенных в заблуждение горе-покупателей, но что делать? Остается только советовать им быть впредь осторожнее. А вообще, будь у нас налоги разумными, меньше было бы и разного рода злоупотреблений, попыток обмана государства.

В моем случае пословица «За морем телушка полушка, да рубль перевоз» лишний раз подтвердила свою актуальность.

Для чего придуман такой налог, если как не на ограничение ввоза импортных автомобилей, чтобы рядовой россиянин покупал «Ниву» и другие модификации давно морально устаревших «Жигулей»? Или глянувшиеся нынешнему правительству «Приоры»?

— Я на своем веку всяких машин повидал, — говорил мне потом приятель Виктор, водитель с многолетним стажем, директор и совладелец автомастерской. — Наши машины никакой критике не поддаются. Все равно тот, кто поездил на иномарке, никогда на «Жигу» или «уазик» не пересядет.

НА РОДИНЕ ШТРАУСА

ЧТО НАС УДИВЛЯЛО

Все мы, а это группа тюменских журналистов, были в этой стране впервые. И хотя некоторые до того успели объехать чуть не полмира, удивляться приходилось всем и чуть ли не на каждом шагу. Ну, например, тому, что на окраине столицы с ее более полутора миллионами жителей красуется, сверкая листами нержавеющей стали в подсветке ярких огней, гигантский нефтеперерабатывающий завод. И нет над его трубами густого облака черного дыма, что так привычен для российских аналогичных предприятий. Или тому, что по сути в центре города находится завод по переработке твердых бытовых отходов. То есть, грубо говоря, свалка. Идеальная чистота вокруг и почти полное отсутствие над ней дыма скорее склоняют предположить, что тут пекут пироги, а не уничтожают мусор. Выбросы в атмосферу с этого непопулярного у нас предприятия в десяток раз меньше допустимых строгими европейскими нормами пределов. Этот завод дает, между прочим, около трети тепловой энергии, необходимой городу.

Немалое удивление вызвал больничный комплекс, в котором ежедневно врачи принимают около 10 тысяч пациентов, но при этом ни в одном из коридоров мы не увидели даже небольшой очереди. А разве привычно для нас, что из водопроводных кранов течет кристально чистая альпийская вода, а именно так это происходит в столице Австрии. Воду из-под крана даже в ресторанах наливают посетителям прямо из-под крана.

Не могли не удивлять прекрасные дворцы, старинные здания, яркое оформление украшенной к Рождеству вечерней Вены. Но на этом праздничном фоне поражало и наличие бичей и попрошаек, в чем-то похожих на наших, только одетых вполне прилично. Их хоть и было не очень много, но зато бросались они в глаза на станциях метро, на новогодних ярмарках и возле крупных магазинов. А на пешеходных улицах попрошайками выступали козлы и пони, фанерные щитки на боках которых взывали к милосердным прохожим помочь им пережить зиму в голодающем цирке.

ПО СТОПАМ ШТРАУСА

Кроме оперного театра славится столица, как все помнят, знаменитым Венским лесом. Этот лес на площади 70 на 40 километров действительно показался сказкой, когда самые неутомон-

ные и любознательные из нас поехали туда самостоятельно, потратив час на дорогу на трамвае и 5 евро на билет в обе стороны.

Неудивительно, что такой зимний пейзаж вдохновлял великого австрийского короля вальсов Иоганна Штрауса на написание знаменитых «Сказок Венского леса». И не прогулки ли по аллеям этого ухоженного леса придавали композитору новые творческие импульсы и любовные силы? Известно, что его семья из-за громких звуков рояля, за который в любое время суток во время творческого озарения садился автор вальсов, практически каждый год меняла квартиру. И в каждой новой квартире рождался очередной ребенок. А еще за эти годы семеро детей родились у любовницы Штрауса, связь с которой он не только не таил, а, наоборот, подчеркивал.

В настоящее время, как утверждают знатоки подобного дела, любовную силу придает не только ошеломляющая чистотой природа Венского леса, но и расположенные на его окраине в небольшом городке Баден известные на всю Европу термы. Разовый вход в оздоровительный центр с доступом к бассейнам, баням, огромному тренажерному залу и еще много чему, что за недостатком времени не удалось посетить, стоит 12 евро на целый день. К слову сказать, это примерно в три раза дешевле, чем посещение аквапарка в Екатеринбурге.

ТЕРМЫ

О термах несколько подробнее. Бассейн источника с целебной минеральной водой привлекает очень многих жителей столицы и окрестных городов. Искупаться и посетить бани непременно желают и многие приезжающие в Австрию туристы. По возможности искупаться в минеральной горячей воде с Баденом может поспорить и Тюмень с ее горячими источниками на Верхнем Бору, если не брать во внимание огромную разницу в уровне сервиса и чистоты.

Но помимо бассейна приезжих завлекают бани. Их более десяти, и посетить можно любую, ибо это включено в общую стоимость услуги. Слева от входа в банный зал расположены сауны с температурой в 110 градусов. Их три: финская сухая, парная и с ароматизатором. Перед входом в сауну посетитель обязан снять с себя купальник, постелить на полок свое полотенце или простынку и расположиться на нем для релаксации. Кто-то предпочитает сидеть, кто-то сразу же вытягивается на жаре во весь рост.

Прокалив тело на жаре, посетитель выходит из парилки, принимает душ и располагается в зале на лежаках. Тут уже принято прикрывать причинное место, но многие женщины остаются топлесс. Не стесняются своих бывших стройными и подтянутыми полвека назад тел и дамы в возрасте далеко за 80. Сау-

на — это место, где воспитанные многолетними традициями европейцы не стыдятся своего голого тела. К слову сказать, наши соотечественницы, еще на входе в банный отсек увидев голых мужчин, тут же чуть ли не с визгом ринулись в противоположную сторону и не вылезали из бассейна все время нашего в термах пребывания. Менталитет у нас другой.

Такие же правила установлены и в секции турецких бань. Они отличаются от финских вдвое меньшей температурой, наличием густого пара, в котором все равно не видно — одетый человек вошел или без ничего, да прогревается там тело не раскаленным воздухом, а в меру горячими мраморными плитами, на которых можно также вытянуться во весь рост. Таких терм тоже несколько, каждая имеет свое название и отличается ароматизаторами, из которых узнать удалось только эвкалипт, да и то больше по надписи у входа, чем по запаху.

В этой части банного отделения тоже народ разгуливает в чем мать родила без всякого стеснения, видимо, мысленно окунаясь в глубину веков, когда в подобных местах прикрывать тело считалось дурной манерой. Особенно во времена правления Калигулы с его попираньем прежних, и без того не очень целомудренных, общественных нравов.

У КОЛЛЕГ

Много открытий как для нас, так и для принимающей стороны приносили деловые встречи. Например, визит в редакцию одной из самых тиражных газет Австрии «Neute», что в переводе с немецкого значит «Сегодня». Этот таблоид выходит ежедневно на 32 страницах, существует исключительно за счет рекламы, бесплатно распространяется на станциях столичного метро и в крупных торговых центрах, а потому печатается в удобном для прочтения в дороге журнальном формате. Издание, в котором до позднего вечера работают 17 журналистов, оперативно размещает на своих полосах информацию о самых интересных и значимых событиях в мире и стране за последние сутки. Исключительно все материалы сотрудники берут с Интернет-сайтов, и собственной информацией в номере, что вышел на следующий после нашего посещения редакции, было только сообщение о визите в Вену делегации сибирских журналистов. Несколько строчек текста сопровождалась фотографией размером чуть больше спичечного коробка.

Но наша встреча с руководством редакции была полезной хотя бы тем, что австрийские коллеги открыли для себя Сибирь. Редактор «Neute» Ричард Шмитт признался, что был в Москве два дня двадцать лет назад и о происходящих у нас событиях знает исключительно из Интернет-новостей. Даже для него, че-

ловека по профессии и должности просто обязанного быть широко эрудированным, откровением стало то, что есть в Сибири Тюменская область, которая дает больше 60 процентов российской нефти, свыше 90 процентов газа, которым пользуется и Австрия, что область имеет машиностроительную, судостроительную, деревообрабатывающую, легкую, перерабатывающую и другие отрасли экономики, что у нас с каждым годом ширятся связи с Австрией и что следом за известными австрийскими фирмами в регион пошли банки. В частности, один из крупнейших в мире — «Раффайзенбанк» незадолго до нашего визита открыл в Тюмени свой филиал.

ВЗГЛЯДЫ БУДУЩЕГО КАНЦЛЕРА

Информация о Тюменской области и ее экономическом, научном, культурном и политическом потенциале стала открытием и для лидера одной из партий Австрии, имеющей в парламенте около 30 процентов голосов. Ее руководитель Хайнц-Кристиан Штрахе на встрече в зале пресс-конференций законодательного органа страны говорил о том, что их партия, как и большинство австрийцев, из двух великих мировых держав — России и США — предпочитает развитие отношений с Россией, потому что мы ближе географически, ближе по менталитету и потому что мы, в отличие от США, не берем на себя роль опекуна всего мира, диктуя свою политику и называя это проявлением демократии.

Для многих из нас большим откровением стали прогнозы господина Штрахе о скором распаде Евросоюза, в который так стремятся попасть многие страны, особенно из бывших союзных республик. Хайнц-Кристиан назвал этот союз большой авантюрой, затеянной европейскими финансовыми и промышленными магнатами, или, иначе говоря, — олигархами. Союз приносит им огромную выгоду, снижая уровень жизни простых людей из вошедших в содружество стран. В понимании большинства наших соотечественников европейцы купаются в роскоши и не знают никаких проблем. Из беседы с господином Штрахе выяснилось, что и австрийцы, и немцы, и финны, и другие народы стран Евросоюза живут с каждым годом хуже, что очень многие из них едва сводят свой семейный бюджет, имея огромные суммы долгов по кредитам на жилье, автомобили, мебель.

Штрахе готов к сотрудничеству с любой из российских партий, но до сих пор диалога такого ни с «Единой Россией», ни с другими политическими движениями не получается. А, между прочим, Штрахе — человек очень амбициозный и, не скрывая этого, заявляет, что через какое-то время он будет канцлером Австрии, что для достижения своей цели он постоянно встречается

с избирателями, делая упор не только на молодежь, а даже на детей, которые через какое-то время вырастут и тоже станут избирателями. Он ходит в школы, высшие учебные заведения, на дискотеки, выступает там с короткими речами, поет песни, недавно записал диск, который подарил и каждому из нашей делегации.

ДЕЛОВЫЕ КОНТАКТЫ

Полезной для обеих сторон была и поездка на фирму «Vamed». Это одна из лидирующих инженерно-технических и подрядных компаний в сфере здравоохранения в Европе. Около 6 тысяч ее специалистов в сети из шести десятков компаний работают по всему миру в сфере функционального планирования, архитектуры, инжиниринга, медицинского оборудования, информационных технологий, управления медицинскими учреждениями. «Vamed» реализовал 450 проектов в 47 странах мира. В том числе и в России. В Краснодаре один проект уже осуществлен, на очереди — второй, не менее крупный. Не исключено, что фирма заинтересует и власти Тюменской области, где идет интенсивное развитие сети медицинских учреждений и учреждений социальной сферы, таких, к примеру, как дома престарелых.

А еще было посещение пресс-службы мэра города Вены, куда бы следовало на пару дней отправить пресс-секретарей наших городов, чтобы поняли, «почем там фунт лиха» и как надо взаимодействовать с прессой и общественностью. Была поездка на государственную телерадиокомпанию, которая вещает на трех телеканалах страны (десятки других заняты частными компаниями). В телецентре работает чуть ли не 4 тысячи человек, и по сути это город в городе со своим энергообеспечением на случай форс-мажорных обстоятельств, своим театром и своей фабрикой декораций, множеством информационных и концертных студий, откуда транслируются новости, ток-шоу и музыкальные программы.

Была поездка в Зальцбург — на родину Моцарта, были коллективные и индивидуальные посещения музеев, познакомиться с которыми не хватило бы целого отпуска. Наш широко эрудированный гид Гарри Саганенко, в прошлом корреспондент одного из российских журналов в Вене, а теперь владелец собственной фирмы в Австрии, рассказал столько интересного об этой стране, ее истории, достопримечательностях, что «переварить» все это сразу не было никакой возможности. Гарри советовал нам, в какой музей сходить в свободное время, а его жена Елена инструктировала женщин, где лучше выбирать подарки, где самые высокие рождественские скидки. Она же нередко выступала и в роли добровольного переводчика, торгуясь с местными продавцами о дополнительных дисконтах.

ФОТОГРАФИРОВАТЬ РАЗРЕШЕНО

В запланированной заранее и утвержденной в Москве программе у нас значилось и посещение государственного музея Австрии. Там Гарри долго водил нас по залам с гербами, парадными нарядами и коронами правителей страны из прошлых веков, о каждом из них рассказывая интересные подробности. Затем подвел к чаше Грааля, которая многими христианами ошибочно считается утраченной. А между тем она находится на виду у посетителей музея и каждый может ее сфотографировать для семейного альбома как один из самых почитаемых и привлекательных экспонатов.

Единственный запрет на фото существует в отношении людей. Их снимать можно только с согласия самого персонажа. Так в стране соблюдаются права человека на частную жизнь. И когда я в метро сфотографировал сидящего на полу пьяного, ко мне тут же подошла одна из спешащих по своим делам женщин и сказала, что для Австрии эта картинка не характерна и ее из камеры лучше удалить. Успокоилась она только после того, как я объяснил, что я из России, а у нас таких «картинок» предостаточно.

Вполне естественно, что все мы без исключения побывали и в знаменитой Венской опере. Этот театр славится на весь мир как своим убранством и величием, своей историей, так и репертуаром, в котором чуть ли не все ведущие партии исполняют россияне. И в балете, и в опере. Правда, те из наших, кто не пожалел 130 евро на билет в партере, чтобы посмотреть «Бориса Годунова», были разочарованы, а половина вообще покинула зал во время антракта. Нет, пели российские артисты хорошо, но вот режиссерская работа просто шокировала ценителей классики. Уже хотя бы тем, что некоторые персонажи появлялись на сцене в джинсах и пуховиках. Таким образом постановщик провел параллель между прошлым и настоящим.

ЭПИЛОГ

Но время делового визита пролетело как один миг. На память и для работы остались исписанные листки блокнотов, сотни сделанных фотографий, десяток визиток нужных для будущих контактов людей, неизгладимые впечатления.

СТРАНА, ГДЕ ВСЕ НАОБОРОТ

Сегодня, в жаркие летние дни, когда город укутан ярко-зеленой листвой деревьев, я в который уже раз показываю своим гостям альбом с фотографиями из Австралии, виды этого сказочного континента уже не производят того ошеломляющего впечатления, какое охватило меня, будто во сне из морозного сибирского декабря попавшего в страну, где все наоборот...

Я мечтал об Австралии всю свою жизнь. И чем взрослее становился, тем отчетливее понимал, что навеянные в детстве прочитанными книгами мечты так никогда и не смогут превратиться в реальность, — слишком уж далеко находится эта сказочная страна посреди океана, созданная по причудам природы и ухаживаемая руками людей, оказавшихся изгоями общества чуть ли не всех стран мира. В эти края ссылали в назидание другим в качестве наказания, отправляли служить строптивых и вольномыслящих, в Австралию ехали искать счастья романтики, ехали обрести одиночество потерпевшие в свете крушение больших надежд.

Ничего не сказал я еще о тех, кто тысячелетиями жил на этой земле, описаниями быта которых полны книги великих путешественников. Увы, я не могу добавить к описанному в книгах ни слова, потому что мне не довелось встретиться ни с одним из аборигенов. Вообще, как говорила сотрудница одного из местных туристических агентств, в Сиднее и окрестностях столицы аборигенов встретить удастся крайне редко, и потому даже здешние постоянные жители считают, что такая случайная встреча приносит удачу, и потому при удавшейся возможности многие спешат запечатлеть себя с коренными обитателями материка на фото.

Сколько аборигенов живет в Австралии, затрудняются сказать даже специалисты-демографы. Удалившись от цивилизации, которая принесла с собой для них вместе с благами множество неведомых ранее болезней, племена удаляются в глухие дебри, где стараются спрятаться от бледнолицых пришельцев не только для проведения ими очередной переписи, но и попыток оказать медицинскую помощь.

Зато животный мир континента от людей не прячется. Волнистые попугайчики, те самые, которых у нас сейчас модно разводить и держать дома в клетках, ведут себя так же нагло и бесстрашно, как наши воробьи, косолапо разгуливая прямо под ногами вместе с длинноклювыми ибисами, своей беспардонно-

стью напоминающими наших прикормленных городских голубей. Громадные, величавые красавцы-ары тоже людей не боятся — сидят на ветках, прихорашиваются и разглядывают туристов с неменьшим, чем они, интересом, что-то гортанно произнося на непонятном языке.

Кенгуру, конечно, по улицам и скверам не бродят. Их сколько угодно в национальном парке, где каждый может зайти в вольеры и познакомиться с диковинными животными поближе. Любопытные, они тут же окружают тебя со всех сторон и вовсе не против, чтобы их погладили, в обнимку сфотографировались.

Ничуть не боятся и страусы. Пожалуй, даже наоборот, это их опасаются сами туристы. Впечатление не самое приятное, когда в громадном вольере, куда большем по площади, чем наши дачные участки, со всех ног бежит к тебе на длинных ногах здоровенная птица с тебя ростом. Клюнет такая прямо в лоб — мало не покажется. Но за несколько шагов страус замедляет бег и останавливается прямо перед тобой: «Ну, чем угостишь-попотчуеть?» Дети, не рискуя заходить за ограждение, протягивают длинноногим крылатым исполинам специально продаваемое тут же птичье лакомство. Те охотно принимают угощение, иногда даже не дожидаясь, когда турист сам догадается протянуть его, без зазрения совести начинают отнимать.

Как я мечтал потрогать коалу, этого ленивого засоню-медвежонка, который большую часть суток спит и просыпается только для того, чтобы поест эвкалиптовых листьев и, одурманенному их снотворным воздействием, поудобнее устроиться на ветке и впасть в дрему до нового приступа голода! Эти увальни всю жизнь живут на деревьях, никогда не ступая на землю. Мне рассказали интересную легенду, что таким образом Бог наказал коалу за то, что во время страшной засухи выпил медвежонок последнюю воду, оставив других зверей умирать от жажды. Так с тех пор и не пьет никогда австралийский медведь, потому что заказано ему спускаться на землю к водопою.

Мне повезло: чуть позднее в Австралии вступал в силу закон, запрещающий в целях защиты редких животных трогать коалу. Я был в национальном парке чуть раньше и потому имел возможность подержать забавного полусонного медведя на руках.

Вообще, как мне показалось, запретов для людей в Австралии не так уж много. Но те, что введены законодательно, послушные австралийцы соблюдают неукоснительно. Такие же требования предъявляются здесь к туристам. Например, в страну запрещено ввозить любые продукты питания даже в небольших количествах, чтобы вместе с ними не завезти случайно какую-нибудь заразу. Прямо в аэропорту на пограничном и таможенном контроле, где пассажиры составляют небольшую очередь, вдоль чемо-

данов и сумок проходит с крохотной собачкой человек в форме. Собачка деловито обнюхивает поклажу и возле некоторой смешно встает на задние лапки, вытягивая вверх мордочку и будто говоря: «Тут надо проверить». Остановилась она и возле моей сумки, в которую я в Москве по нашему русскому «авось» положил небольшой кусочек сервелата. И полетела моя вкусно пахнущая колбаска в мусорный бак. У другой женщины собачка унюхала с сумке два яблока. Они отправились вслед за моей колбасой.

Нас заранее предупредили, что в Австралию запрещен ввоз даже в небольших количествах жевательной резинки. Той самой, что рекламируется у нас для сохранения кислотно-щелочного баланса. В Австралии зубы сохраняют другим способом, а резинка запрещена, чтобы не выплевывали ее туристы куда попало и не загрязняли блистающие чистотой тротуары.

В стране помимо запретов есть нормы, которые ни один уважающий себя человек не станет нарушать. Нет, здесь не введены ханжеские принципы морали. Уже несколько лет подряд проводится в стране международный фестиваль сексуальных меньшинств, на который съезжаются делегации гомосексуалистов и лесбиянок чуть не со всего мира. В том числе — из России.

Мне показалось, что в стране терпимо относятся к человеческим слабостям и готовы всегда прийти на помощь. Может быть, мы у себя в России просто очерствели душой из-за практически ежедневных убийств, трагических происшествий и несчастных случаев. Здесь же мне с искренней скорбью рассказывали, как пять лет назад волна унесла в океан несколько серфингистов. Этот трагический случай до сих пор неизгладим в памяти жителей Сиднея.

Есть неподалеку от города на берегу океана скалистый утес. Он примечателен не только тем, что отсюда открываются диковинные красоты, но и тем, что в разные годы здесь произошло несколько самоубийств. С тех пор непреложным правилом для всех проезжающих мимо стало обязательно остановиться при виде одиноко стоящего на скале человека, подойти к нему и просто поговорить о красоте пейзажа или погоде — может быть, человек страдает от одиночества и, не дай Бог, решил покончить с жизнью. Разговор с незнакомцем позволит ему высказаться, облегчить душу и отказаться от страшного намерения.

Очень бережно относятся в Австралии и к окружающей среде. Такой чистоты и такого трепетного отношения к природе мне не доводилось видеть нигде. В свое время поразило в Финляндии, когда в одном из скверов чуть ли не в центре Хельсинки довелось ранним утром увидеть мирно завтракающего свежей травкой зайца, как в городе-спутнике Вантаа метрах в трех-четырех от дороги гуляла семья фазанов. Австралийцы жи-

вую природу не просто берегут, они ее, по-моему, просто боготворят. Может быть, это чувство развито у них потому, что многое здесь, особенно в столице страны, не просто дано природой (нате вам, пользуйтесь), а создано тяжелым трудом, выращено на камнях, на привозном грунте.

В одном из громадных парков, куда привезли меня мои случайные знакомые из Сиднея, плодородная земля, на которой растут диковинные цветы и раскидистые деревья, доставлена была самолетами. Услышав это фантастическое сообщение, я еще раз окинул взглядом громадное пространство чудесной территории парка и никак не мог поверить, что такое количество земли можно было откуда-то издалека навозить по воздуху. Это какие же надо было иметь средства и как полюбить облюбованный для жилья скалистый уголок чужой страны, чтобы так преобразить его, сделать поистине сказочным?!

Но и тут, говорят, не обошлось без любви. Безответной любви богатого, но отвергнутого гордой женщиной человека. Уехав из Европы на край земли в надежде забыть там возлюбленную, стереть расстоянием свои пылкие чувства, состоятельный барон все же не смог от них избавиться и решил создать на голых камнях райский уголок, в надежде рано или поздно заманить к себе ту, ради которой он все это делал.

Легенда не ведает, была ли эта романтическая история со счастливым концом. Скорее всего — да, потому что, увидев этот рукотворный парк, нельзя не оценить по достоинству чувства, питавшие его создателя!

С таким трудом по деревцу, по кустику, по травинке формируя свое сказочное царство, жители Сиднея вправе ожидать, что и приезжие будут относиться ко всему так же трепетно, в такой же степени уважительно, но из боязни нашествия искателей легкой жизни и безмятежного счастья разного рода ограничениями лимитируют приток эмигрантов. И тем не менее здесь можно встретить переселенцев практически со всего мира, забравшихся в эти далекие края за последние годы. Здесь я лишний раз убедился, насколько тесен наш необъятный мир.

В громадной гостинице больше никого из россиян не было, но, как потом оказалось, встретить Новый год приехали в Австралию хорошие знакомые, правда, поселились они в соседнем отеле. Довелось познакомиться на краю земли и с девушкой из Тюмени. Она приехала сюда учиться, а в свободное от занятий время устроилась подрабатывать официанткой в кафе, чтобы оплачивать жилье и свои повседневные расходы.

И еще посчастливилось мне познакомиться с одной эмигранткой из России — Милой Мильгрем. Посчастливилось, потому что без ее помощи, без ее участия было бы не узнать об

Австралии почти ничего. Московская турфирма, через которую оформлялась поездка, получив деньги, свела все заботы о заброшенном на другой конец света клиенте к минимуму. Все выданные в Москве бумажки на экскурсионное обслуживание оказались действительно бумажками, которые ничего не значили. И если бы не Мила, тоже работник одной из туристических фирм, пришлось бы очень трудно. Но даже после множества телефонных звонков в представительства мне организовали экскурсионное обслуживание на английском языке, который я знаю лишь в той мере, чтобы не умереть в чужой стране с голоду.

Мила познакомила меня с одним своим знакомым, тоже русским эмигрантом, который несколько часов подряд возил меня по окрестностям австралийской столицы, показывая местные достопримечательности, а Мила рассказывала о жизни и обычаях страны, показывая знакомые по многочисленным телесериалам дворцы и особняки, уговорила одну из приятельниц взять меня на экскурсию с другой небольшой группой, состоящей из «новых русских».

Этот день я бы без всякого сожаления вычеркнул из своей жизни — столько стыда и горечи за соотечественников мне пришлось пережить. Пренебрежение их, всемогущих благодаря толщине кошелька, к не богатому нефтянику, а простому журналисту можно было пережить без особого труда. Мне было стыдно за то высокомерие, которое они проявляли к окружающим, всем своим видом и поведением откровенно унижая гида и водителя, за безразличие, которое они откровенно демонстрировали ко всему, что им хотели показать гостеприимные сотрудники турагентства. Они приехали не посмотреть страну, а показать себя, величественного, запечатлеть на фоне чего-нибудь экзотического, чтобы потом хвастать перед своими приятелями заокеанской поездкой. Их интересовали магазины с алмазами, бриллиантами и золотом, в которых драгоценности приобретались на сувениры. Экскурсию они начали с опоздания почти на час, поскольку накануне провели бурную ночь в одном из многочисленных ресторанов.

Во время всей поездки они во весь голос обсуждали какие-то московские пустышки, даже не пытаясь внимать голосу гида, рассказывающего удивительные вещи о своей сказочной стране и своем любимом городе на берегу океана. Гид потом сокрушалась, насколько русские отличаются, к примеру, от японцев, молча часами неподвижно сидящих на берегу в ожидании появления пугливых пингвинов, которые вылезают на гальку погреться на теплом солнышке. И мне пришлось успокаивать крайне расстроенную женщину, пытаясь доказать, что у нас в России не все такие бескультурные, что и среди богатых немало людей об-

разованных, интеллигентных и уважительных, что эти «новые» лишь малюсенькая часть нашего прекрасного общества.

Я прилетел в Австралию, когда Рождество уже отметили, но праздники еще продолжались. Странно было видеть при температуре под тридцать градусов тепла среди утопающего в зелени города ростом с шестиэтажный дом Деда Мороза, которого там тоже знают больше под именем Санта Клаус. Залы магазинов и ресторанов украшали новогодние гирлянды, фонарики, а в ночь на 1 января в городе был устроен красочный фейерверк, огни которого распадались на тысячи разноцветных вспышек. Гостиница устроила в ресторане бесплатный праздничный ужин, но большого праздника как-то не чувствовалось — видимо, отшумели и отплясали люди уже на Рождество, истратив на него свой пыл и силы.

А первого января мне захотелось искупаться в Тихом океане и таким образом необычно отметить наступление Нового года. И хотя в это время в Австралии самый разгар лета, вода показалась мне холодной, и я не отважился окунуться.

Еще через три дня я покидал удивительную страну, где все наоборот. Стояла чудесная солнечная погода, и в иллюминатор самолета опять было отлично видно, как на многие сотни километров без конца и края простирается знойная пустыня с потрескавшейся от жары землей. Внизу были видны совершенно высохшие русла рек и выгоревшее на беспощадном солнце пространство без единого кустика растительности. Этот унылый пейзаж проплыл внизу целых пять часов, и уже не верилось, что совсем недавно ты был в утопающем в зелени городе и что почти через сутки полета с остановками для заправки и пересадками под крылом самолета окажется такая же безжизненная равнина, только уже покрытая толстым слоем снега, что жара австралийского лета сменится морозом нашей сибирской зимы.

Еще через пару часов мы достигнем экватора, пересядем в Сингапуре на самолет московского рейса. И прощай, далекая страна мечты моего детства, страна, где все наоборот, где зимой стоит жаркое лето, где можно увидеть пингвинов и страусов, погладить кенгуру и засоню-коалу, где вместо воробьев путаются под ногами волнистые попугайчики и ибисы, а на деревьях вместо ворон восседают крикливые большущие ары. И где живут удивительно трудолюбивые и добрые люди.

ВЕТВЬ ИЗ СТРАНЫ СУОМИ

В Финляндии отыскались потомки декабриста Василия Карловича фон Тизенгаузена.

Наше знакомство произошло более чем случайно. Во время недавней поездки в Финляндию выкроил время пообщаться с живущими там родственниками. Первые два дня часами отвечал на расспросы двоюродного брата, на третий вечер пошли в гости к его старшей дочери. И снова начались расспросы о жизни в неведомой и веками пугающей европейцев Сибири. Интересовались, не выпал ли уже снег, и долго удивлялись тридцатиградусной жарой нашего нынешнего лета. И как раз во время этих охов да ахов вернулась домой с прогулки их школьница-дочь в сопровождении двух девочек.

— Кстати, — говорит моя племянница, — это дети наших новых соседей. Они, между прочим, имеют русские корни. Тизенгаузены их фамилия.

Я тут же изъявил желание познакомиться с этими соседями, чтобы выяснить, не родственники ли они декабриста Тизенгаузена, и через несколько минут в дверь вошел высокий молодой мужчина.

— Бьерн, — представился он. И, будто упреждая мой вопрос, сразу же продолжил: — Я по-русски не говорю, но понимаю почти все, потому что моя мама и бабушка дома говорили только по-русски.

Оказалось, что Бьерн (имя ему давал отец — финн шведского происхождения, от которого пошла и новая фамилия, прекратив по этой ветви фамилию Тизенгаузенев) хорошо знает историю своей родословной только за последние сто с небольшим лет. И это при том, что совсем недавно они с братом закончили работать над книгой об истории рода Тизенгаузенев и докопались до корней, берущих начало аж с 1180 года. Благодаря Интернету отыскали фотографии родовых замков во многих странах Европы, но вот о своих российских родственниках найти ничего не смогли, потому что ни тот, ни другой не знают русского.

Бьерн сразу же сказал, что ничего не знает о декабристах, кратко пересказал, какими путями его предки после революции оказались за границей, как морем из Одессы, где жили в канун большевистского переворота, бежали в Константино-

поль, как их брошенная буксиром баржа попала в шторм и чуть не утонула. Спасли итальянские моряки, доставили в Константинополь, где его бабушка Маргарита Альфредовна устроилась работать в детский сад, а ее отец — барон, потомственный дворянин, офицер Альфред Тизенгаузен стал грузчиком в порту. Впрочем, в то время, бежав от революции, в эмиграции люди из высшего света не кичились своим происхождением и брались за любую работу. Известно, что даже генерал Деникин многие годы был таксистом.

Но Альфреду не повезло. Однажды во время погрузки судна он поранил руку и через некоторое время умер в госпитале от гангрены. Бабушка хорошо говорила на нескольких языках, прекрасно владела французским и хотела переехать в Париж, но добралась лишь до Брюсселя. Там же осели ее брат Константин и сестра Ольга. Там они и прожили до самой своей смерти. А Маргарита встретила финна польского происхождения Романа Лавински, который был в Бельгии на работе, вышла за него замуж. Незадолго до Второй мировой родила двух дочерей — Галину и Марию. Во время войны семья переехала из Брюсселя в Финляндию, где офицер финской армии Роман и погиб под Ханко — хорошо укрепленной военно-морской базой на небольшом острове в Финском заливе.

Мария в 1960 году вышла замуж за финна шведского происхождения Оле Андерссона, с которым вместе училась. Так уж случилось, что Оле — отец Бьерна — умер как раз за два дня до нашего знакомства, но с похоронами пришлось задержаться, потому что скончался он во время поездки в Италию. Несколько дней ушло на оформление необходимых документов и доставку тела на родину. В эти скорбные дни Мария все же нашла силы встретиться с журналистом из России, поскольку мне уже надо было возвращаться домой.

Познакомились мы дома у Бьерна, неподалеку от которого и живет его семидесятилетняя мать. На вид ей можно было дать не больше шестидесяти, о чем я в качестве комплимента и сказал своей собеседнице. Она вежливо поблагодарила и, время от времени украдкой вытирая слезы, согласилась поговорить. Просто эта интеллигентная женщина, знающая несколько языков, из уважения к журналисту из России не могла поступить иначе. Она всегда помнила о своем дворянском происхождении, передавала это достоинство рода своим детям, воспитывала в них высокую внутреннюю культуру. Мария почти всю жизнь проработала в картинной галерее Хельсинки, рисует сама, но свое увлечение не считает серьезным, хотя на этот год

был издан перекидной календарь, оформленный ее рисунками для детей по мотивам известных сказок.

Наша беседа длилась недолго — мне было неудобно пользоваться добротой женщины, накануне похорон мужа согласившейся на расспросы о предках. Мария пересказала еще раз то, что я уже знал от Бьерна, показала мне сделанную стараниями многих родственников книгу своей родословной и пояснила, что ее основанием стали записи многих ее предков. Что у одного из родственников есть старинная книга рода Тизенгаузенов, написанная на немецком языке старинным готическим шрифтом. Есть и печать, а в старом Таллине на алтаре церкви имеется фамильный герб Тизенгаузенов, и есть обелиск флигель-адъютанту Тизенгаузену, героически погибшему в битве при Аустерлице в 1805 году.

Мария, не прожив ни одного дня в России, прекрасно владеет русским и предпочла говорить со мной не по-фински, а именно по-русски, чтобы насладиться мелодией языка, на котором всегда говорила с матерью. Мария почти без акцента рассказала, что есть у них родственники и в России, но связь с ними была утрачена еще до Второй мировой войны. На советской стороне осталась родная сестра ее мамы — Маня. Какими-то путями на Запад от нее пришло несколько писем, в которых она сообщала, что дети растут хорошими, намекая на то, что они не стали красными, а сохраняют дворянские традиции, верность монархизму. Но как в таком случае они пережили, да и пережили ли, сталинский террор, ей ничего не известно. Впрочем, Мария ничего не знала и о том, что не все в их роду были верноподданными российских императоров. Что один из родственников — Василий Карлович (Вильгельм Сигизмунд) Тизенгаузен, сын титулярного советника Карла Ивановича Тизенгаузена, воспитывался в Первом кадетском корпусе, откуда выпущен подпоручиком в 3-й егерский полк. В 1825 году, во время восстания декабристов, ратовавших за реформу власти, отмену крепостного права и ограничение царского правления, уже в чине полковника командовал Полтавским пехотным полком, являлся членом Южного общества, а потому был арестован за выступление против царя, доставлен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. Осужден по VII разряду и приговорен в каторжную работу на 2 года. Два года был узником Читинского острога, затем сослан на поселение в Сургут, откуда переведен в Тобольск, а затем в Ялуторовск. В 1853-м, почти через тридцать лет скитаний, получил разрешение вернуться на родину в Нарву. По амнистии 1856 был восстановлен в прежних правах и умер в Нарве.

Такое пятно на светлом героическом прошлом верной монархическому режиму династии не очень огорчило Марию и ее сына Бьерна. Зато нескрываемой гордостью за своего далекого предка, сосланного в Сибирь, светились их глаза, когда стала рассказывать о том, что ссылка не сломала этих людей, что в изгнании они оставили заметный след, за который и сегодня им поклоняются жители этих городов.

Я рассказал потомкам Тизенгаузенов, что в Ялуторовске, где Василий Карлович провел немало лет, есть музей декабристов, в котором посетителям обязательно рассказывают, что барон Тизенгаузен в этом тогда захолустном городке разбил и вырастил первый в Сибири яблоневый сад, собрал уникальную коллекцию древних статуй и картин. Вместе с Якушкиным и другими декабристами при поддержке местных купцов и протоиерея Степана Знаменского активно участвовал в открытии первой в Сибири школы для мальчиков из простого сословия, а через четыре года и школы для девочек, что в те времена стало настоящим прорывом в сфере народного образования.

Во время рассказа я вдруг вспомнил, что у ялуторовского музея в Интернете есть свой сайт. Мы зашли на него, я открыл страничку о декабристах, и мы все ахнули, когда на мониторе появился портрет Василия Тизенгаузена — настолько Бьерн оказался похож на своего предка из позапрошлого века. То же худощавое лицо, та же горбинка на переносице и даже уже наметившиеся, несмотря на молодость, залысины.

— А почему бы вам не съездить в Сибирь и не побывать в этом музее? — спросил я своих новых знакомых. Бьерн переглянулся с женой Тер, защитившей в этом году докторскую диссертацию, и они тут же загорелись идеей. Мария промолчала, ей накануне похорон мужа было не до планов на следующее лето.

Вернувшись в Тюмень, я в первый же день позвонил директору Ялуторовского музейного комплекса Павлу Белоглазову и рассказал о неожиданном знакомстве.

— А зачем тянуть до лета? — тут же спросил Павел Калистратович. — Мы им вышлем приглашение на традиционные декабристские вечера. Может, не испугаются сибирских морозов? Тем более что мы отыскали в Москве других потомков Тизенгаузена. Нынешним летом они приезжали к нам в гости. Уверен, что всем им было бы интересно встретиться и познакомиться.

Я тут же отправил Бьерну по электронке письмо о реакции работников музея и приглашении их в гости уже в декабре. Ответ пришел через пару часов, что они с женой зимой приехать

не могут, поскольку не на кого оставить детей, работу (у него своя небольшая типография), а мать ехать в такую даль одна просто не решается. Так что сибирский вояж, который теперь занимает все их мысли, придется отложить до лета.

А пока я по просьбе своих новых финских знакомых передал ялutorовскому музею электронный вариант книги о родословной фон Тизенгаузенoв. Уверен, что авторы из страны Суоми сумеют найти время приехать в Сибирь, посадить в парке декабристов свое дерево и вписать в свою фамильную книгу еще несколько интересных страниц, а также добавить в генеалогическое древо сведения о потерянных после революции российских родственниках.

*СУДЕБНЫЕ
ОЧЕРКИ*

БРАТ НА БРАТА

*И сказа Каин Авелю,
брату своему: «Пойдем в поле».
И когда были они в поле,
восстал Каин на Авеля,
брата своего, и убил его.*

Это было первое в библейской истории убийство. Так же из зависти брат убил брата и в этой нашей истории, что произошла в Исетском районе Тюменской области, где точку в споре между братьями по разделу имущества поставил выстрел. После него одному из них, кроме панихиды, не требовалось больше ничего, а второму обеспечивалось казенное содержание на долгие годы.

А начиналось все, как доброй сказке. Жили-были старик со старухой, и было у них три сына. Только вот родительская любовь все больше доставалась не старшему или младшему, как это чаще всего случается, а среднему — Алексею. Да и было за что! Нарядоваться не могли, что он как-то незаметно повзрослел, был рассудительным и хозяйственным, сизмальства помогал по дому. А когда под стать себе и жену нашел, родители за его семью и свою старость были спокойны. Справили свадьбу, помогли поставить добротную избу, в которой вскоре один за другим появились двое детей.

Не умея сидеть без дела, Алексей с Тосей задумали создать крестьянское хозяйство. Себе он выбрал роль пахаря, которому недосуг просиживать в конторских очередях с разными бумагами, поэтому документы все оформили на жену. Взяли льготный кредит, благо в те годы деньги еще можно было получить без излишних проволочек, купили технику и начали работать без праздников и выходных. А когда хозяйство встало на ноги и потребовались дополнительные рабочие руки, на семейном совете у родителей было решено, что в крестьянское хозяйство перейдут и братья — Виктор и Семен.

У старшего Виктора к тому времени тоже была своя фирма, названная под стать неукротимому характеру хозяина «Барсом». Только была в той фирме одна-единственная, то и дело требующая ремонта, грузовая машина да штат — сам себе начальник, сам себе подчиненный.

А младший, Семен, вообще хоть и семью имел, а все не мог себе дело найти, мотаясь с одной работы на другую, а нередко

и просто просиживая на диване перед телевизором — в ожидании вакансии.

Времена начинались непонятные — власть на все рукой махнула, и выдюжить можно было только сообща. Алексей к тому времени еще один «КамАЗ» прикупил и присматривал на него хорошего шофера. У Семена хоть и ветер в голове, а права водительские имелись. Собрались однажды у родителей жизнь обсудить, и отец благословил всех работать вместе..

Нанял Алексей еще двух мужиков в помощь. Грузить-разгружать, да и в дальней дороге веселее, ибо зимой, когда в поле делать практически нечего, деньги зарабатывали извозом: в Казахстан да Москву пиломатериал, оттуда, чтобы не воздух в кузове гонять, попутным товаром затаривались. Деньги в общую кассу шли, из нее же и на необходимое для семей брали.

И вот начались разногласия.

Теперь, по прошествии времени, когда все на сотню раз передумано, старый отец главную причину раздора видит в своих снохах Инне и Людмиле. Это им все миллионы снились, это они все своих мужей подбивали: незачем, мол, «на кого-то» работать. А тут еще у Алексея двойня родилась, после которой Тося долго не могла выздороветь. И стал он в командировки реже ездить, потому что четверых детей да хозяйство на произвол судьбы не бросишь, когда жена в больнице лежит.

И зашипели невестки мужьям своим, что на их горбу средний брат богатство себе делает, а им только крохи достаются. Другие вон женам шубы дорогие купили, «Жигули» новые приобрели, машины стиральные импортные поставили, телевизоры японские, а они производственную базу чужого хозяйства расширяют. И в конце концов решили Виктор с Семеном уйти от брата.

Только своим умом жить непросто. Семен это быстро понял и тут же обратно вернулся. Виктор по этому поводу сильно напился, пообещал не простить предательства, да только через некоторое время, видя, что в одиночку дела не идут, тоже пришел к Алексею виноватиться.

Так опять начали вместе работать, но уже не было прежнего доверия, уже по любому поводу случались вспышки раздора. Так постепенно дело дошло до кулаков.

Мало того что невестки против Алексея ополчились, они и между собой уже не ладили. В некогда большом и дружном роду Бессоновых прочно поселились вражда и злоба. Дело дошло до того, что Виктор, до предела заведенный женой и падчерицей, однажды даже пригрозил, что может пролиться кровь. И вскоре действительно дело от угроз дошло до откровенного мордобоя, когда вставшего было в позу Алексея на глазах его сына и жены отвалтузили до крови.

Доведенный до отчаяния, он не придумал лучшего, как написать заявление. Только милиция до отвращения не любит влезать в семейные разборки. Будь то ссора между мужем и женой или, того непонятнее, — между родными братьями... Пока протоколы оформляются, братья, глядишь, помирятся — зачем лишнюю работу делать? Так и оставили жалобу без внимания.

Вскоре выяснилось, что братья каким-то образом переоформили на себя всю технику крестьянского хозяйства, к покупке которой не имели ни малейшего отношения. И снова милиция на это не прореагировала. Тогда Алексей решил взывать к совести и в качестве третейского судьи попросил выступить родителей.

И опять собрались все в родительском доме на семейный совет. И приняли решение делиться. И хотя Алексей с Тосей хозяйство то создавали, кредиты брали и технику покупали, поделить все решили без претензий.

— Руки и здоровье есть — заработаю, — говорил Алексей домашним. — С протянутой рукой не пойдём. Мир и покой в доме важнее ржавых железяк.

Дележ проходил по весне, когда вот-вот надо было ехать в поле, поэтому братья глаз положили на то, что в ту пору было нужнее. Алексею оставили зерноуборочный комбайн да стоящую на приколе неисправную автомашину. Себе в качестве отступного взяли трактор и всю почвообрабатывающую технику, а вместе с «железяками» — и арендованную землю крестьянского хозяйства.

Надо ли говорить, что внешне спокойный Алексей переживал откровенное разграбление его хозяйства, в которое вместе с женой вложил столько сил и денег? Нет, он не запил с горя, как это нередко случается с русским мужиком, а приводил в порядок то, что осталось, надеялся наняться на уборочную со своим комбайном, заработать зерно и деньги, чтобы к зиме восстановить грузовик и начать приносящие реальный доход дальние перевозки.

Только наступила, видимо, полоса невезения. Сначала положили на операцию Тосю, потом мать слегла в больницу. Там однажды его и нашли братья для крутого, бескомпромиссного разговора.

А «разговор» заключался в том, что потребовался им на уборочную страду его комбайн. И никакие увещевания, что ему тоже семью кормить надо, вошедших в раж «бывших батраков» пронять не могли. Что им до его семьи, когда у них свои собственные в деньгах нуждаются? Деньги же можно получить, убрав поля и продав выросшее зерно, к которому уже на корню прицениваются и тюменские, и курганские заготовители.

Разговор под окнами больницы начал переходить на тональность, под окнами больничных палат недопустимую, и братья предложили выехать для выяснения отношений за околицу. Алексей согласился и полез было в кабину, но увидел на сиденье ружье.

Он и помыслить себе не мог, что родные братья станут в него стрелять, но даже то, что в качестве веского аргумента его, и без того чрезмерно покладистого, будут стращать оружием, возмутило до предела. Он хлопнул дверцей и пошел домой, прочь подалее от ненасытно алчных братьев.

Пока добирался пешком, Виктор уже успел позвонить Тосе по телефону и потребовал отдать комбайн подобра-поздорову. Та тут же пожаловалась имевшим в семье непререкаемый авторитет родителям Алексея, рассказала о требовании братьев мужу. Доведенный до отчаяния наглостью родственников, тот от безысходности только устало махнул рукой и впервые за многие годы напился.

...За комбайном братья приехали на следующий день к вечеру аж на двух грузовиках с ватагой мужиков на случай сопротивления. Время выбрали, воспользовавшись отлучкой Алексея. Тося безучастно смотрела в окно, как младший деверь Семен по-хозяйски ходит по их подворью, отдает мужикам распоряжения. Один из них вскоре взобрался на комбайн и стал дергать пускач, который никак не хотел заводиться. Остальные закурили в сторонке, громко давая советы подкачать бензинчику, проверить свечу...

И тут Тося заметила, что вместе со всеми приехал и второй деверь, Виктор, только он почему-то не вышел из кабины, а остался сидеть в кабине у приоткрытой дверки с ружьем в руках.

— Только бы Алексей не вернулся, — молила Бога в общем-то ненабожная Тося. — Только бы без греха обошлось...

Но греху в этот день суждено было случиться. Алексей появился как раз в момент, когда двигатель комбайна начал откашливаться, пуская через трубу черные сгустки дыма.

Хозяин издали поздоровался с непрошеными гостями, не заходя в дом, пошел по двору и разом заметил старшего брата, сидящего в кабине одной из машин с ружьем в руках, и младшего, цепляющего буксирным тросом неисправный «КамАЗ» — его последнюю надежду на восстановление порушенного и разграбленного хозяйства.

Алексей заскочил в гараж, где в металлическом ящике хранил ружье, схватил первые же попавшие под руку патроны, вогнал в стволы и вышел на двор.

— Всем стоять! — раздался его враз осипший голос. — Вон все отсюда! Стрелять буду!

И, подсознательно понимая, что опасность для него, теперь уже вооруженного, может исходить от машины, в кабине которой с ружьем в руках сидит его старший брат, с потемневшими от гнева глазами, видя двор, технику и людей будто сквозь густую пелену тумана, выстрелил (как потом объяснял, для острастки) в ту сторону.

...Если бы он даже пытался трясушимися от волнения руками целиться, ему бы не удалось попасть так метко. Заряд угодил брату точно в глаз, разmozжив голову.

Спрятавшийся на чердаке дома сын Мишка видел все происходящее от начала до самого рокового конца и потом в суде давал показания в качестве свидетеля...

История эта трагична и характерна одновременно. В ней — вечный, библейский мотив братоубийства (Каин и Авель), отягощенный особенностями современного российского быта и бытия.

Увы, сама тема братоубийства для народа, пережившего страшную гражданскую войну, не нова. «Отречение от старого мира» проходило страшной бедой и по земле, и по семье. Едва ли не в каждой хате того времени жили под одной крышей российские каины и авели. Но пропасть, разделявшая тогда и землю, и семью, была еще и идейной: не только собственность, сенокосы и комбайны делили — мир разламывался, способы жизни, уклады сшибались, в смертельной схватке схлестывались несовместимые представления о будущем Отечества. Жена доносила на мужа, сын — на отца...

Нынче братоубийство в России происходит не на основе «передела миропонимания», а на весьма прагматичных основах передела собственности. В этом смысле Россия возвратилась в «лоно мировой цивилизации». Впрочем, как всегда, оставив за собой право национальной самобытности, смысл которой не перестает оставаться диким и печальным: чем бы оно ни мотивировалось, но, как и многие десятилетия назад, братоубийство остается братоубийством. Пожалуй, только одно осталось неизменным на российском подворье за прошедшие десятилетия — это почти повсеместное отсутствие традиционной христианской морали, регулирующей повседневную жизнь, это бесшабашное безбожие, тяжелый урожай которого нам, судя по всему, еще долго собирать в виде детей, предающих отцов, братьев, убивающих братьев, матерей, отрекающихся от собственных младенцев... Или, может, я стущаю краски? Оглянитесь вокруг в поисках ответа на этот вопрос.

ДЕВОЧКА ДЛЯ БИЧА

Женщины Витьке всегда нравились. Но судьба не баловала его в этом отношении. Образование четыре класса, статью, внешностью не вышел, руки тоже не золотые. Короче, ничего такого, что могло бы вывести его в разряд пусть не первосортных, однако перспективных женихов. Но было в нем, в его характере еще что-то такое, даже им самим до конца неосознанное, что отпугивало от него женщин, даже обделенных вниманием и лаской дурнушек, готовых выскочить замуж абы за кого.

Так и жил Витька один. Годы серыми буднями летели незаметно, но стремительно, как литерный поезд Москва — Пекин по расположенной неподалеку Транссибирской магистрали. Вот уже и на пенсию вышел, а что заимел от этой бестолковой жизни, кроме комнатухи в четырехквартирном деревянном доме рядом с кладбищем?

Правда, мужская сила, несмотря на недалекое уже семидесятилетие, в нем не иссякла и даже нередко будоражила. Особенно с похмелья. Не зря говорят, малое дерево в сук растет. И тех своих собутыльниц, что приводил на старую скрипучую кровать, изводил за ночь до полного бессилия. Но что это за подружки?! Так, безнадежно спившиеся бичевки, которых на ишимском вокзале в любое время дня и ночи можно было найти за стакан дешевой выпивки.

А ему хотелось быть с красивой женщиной, которую бы он любил и которая бы отдавалась ему не за стакан самопальной водки, а от полноты чувств, и изнывала бы в его объятиях, дарила бы ему свои ласки... О, сколько таких молодых, знойных, в самом соку женщин, богато разодетых и благоухающих ароматами дорогих духов, видел он вокруг! Да вот и хотя бы в той же бухгалтерии предприятия, куда устроился он работать сторожем.

Являясь на дежурство к концу конторского рабочего дня, он приносил большущие букеты цветов, дарил гвоздики и розы, иногда по зиме немножко прихваченные морозом, пригоршнями высыпал из карманов на стол дорогие конфеты. Женщины поражались этой щедрости, которая никак не соответствовала его пенсии и небогатой зарплате. Они вежливо благодарили, приветливо улыбались, но дальше этого их расположенность к нему не распространялась.

Секрет его щедрости и богатства раскрылся очень скоро, когда кто-то из бухгалтеров обратил внимание на домашний

адрес старого ловеласа. Открытие было настоящим громом среди ясного зимнего неба. И цветы, и конфеты приносил этот живчик-жених с могил кладбища, неподалеку от которого жил!

И когда на следующее свое дежурство он опять заявился с цветами, одна из оскорбленных кладбищенскими цветами дам отхлестала поклонника по его наглой роже вежливо возложенными на ее стол розами и заявила, чтобы его ноги в бухгалтерии больше не было. Хотя, если честно, ему давно уже нравились не расфуфыренные конторские фифочки. Витьке нравились девочки совсем молоденькие, в коротеньких платьицах, с большими белыми бантами, этакие бесхитростные, чистенькие ясноглазые ангелочки.

Проходя мимо играющих неподалеку от дома девочек лет шести — семи, он угощал их кладбищенскими конфетами, оставленными на крестах и могилах усопших. Дети радостно благодарили и совсем его не боялись. А когда «безобидный дедушка Витя» стал у них уже совсем своим, он начал их зазывать к себе домой. После угощения чаем и конфетами уговаривал раздеться, гладил их нежные тельца, строго-настрого наказывая ничего не говорить мамам. Выпроваживал, давая пригоршню гостинцев. Одна из них все-таки рассказала о добром дедушке своей бабуле.

Скандал родители решили не поднимать, но отцы двух девочек, накотив для отваги по стакану, пришли к Витьке домой, стукнули ему для порядка пару раз пониже живота и предупредили, что если еще раз увидят возле детей, разберутся с ним всерьез.

И Витька присмирел. Точнее, затаился. К лету пристроился помощником в пункт приема стеклопосуды. Однажды жарким июльским днем к приемному пункту пришла его давняя подружка Людка, спившаяся сорокалетняя бичевка, Витька сидел в тени и скучал, о чем-то глубоко задумавшись.

Он набулькал ей полстакана мутного крепленого вина и, когда гостья похмелилась, завел разговор:

— Слушай, Людка, нашла бы ты мне девку.

— Так у тебя же Светка есть, чо тебе, мало?

— Да она такая же профура, как и ты. Мне ваши пьяные морды уже вот как надоели! Я тебе, Людка, сто рублей дам. Только приведи девчонку. Малолетку.

Через два дня Людка появилась у приемного пункта гастронома «Центральный», ведя за руку хорошенькую черноглазую с короткой стрижкой девочку лет шести. Витька сразу понял, что прибыл его «заказ», сказал приемщице, что уходит по делам, сбросил драный брезентовый передник и повесил его на гвоздь у входа. Втроем они пошли на автобусную остановку, сели в пятый автобус, проехали несколько остановок и вышли на окраине, где жили какие-то знакомые.

С собой у престарелого развратника было спиртное, поэтому гости с хозяевами без промедления сели за стол, девочке дали конфет и старую куклу и начали бражничать. Остатки дня пролетели быстро, ночевать все остались тут же, девочку хозяева покормили нехитрой снедью и уложили на маленький диванчик. С утра пьянка продолжилась, а вечером, поскольку выпивка кончилась, а денег ни у кого больше не было, хозяева прямо намекнули, что пора гостям и честь знать.

Витька, Людка и девочка Наташа, в поиски которой кроме родителей включилась уже вся городская милиция, не привлекая ничего внимания, проехали на автобусе до кладбища, зашли домой. Выпроводив женщину на улицу, хозяин остался с Наташей наедине. Людка устроилась в тенечке на присыпанной к полустгнившей стене завалинке, куда доносились из дома крик девочки, успокаивающие уговоры Витьки, детский плач, опять крики. Потом Витька вышел на улицу, держа девочку за руку, кивнул Людке: «Пошли!» — и в ступившихся сумерках направился в сторону кладбища.

Примерно через час в небольшом лесочке возле аэропорта остановился, сел на землю, привлек к себе девочку и начал ее раздевать. Наташа опять громко заплакала.

— Заткнись, а то пришибу! — неожиданно свирепо взревел еще недавно такой добрый, угощавший конфетами и не очень страшный вроде бы дедушка. Девочка испуганно замолчала, а когда он стянул с нее платице, опять зарыдала и начала отбиваться.

— Ну ты, шалава! Чего сидишь? Помогай!

Людка суетливо подскочила, ухватила девочку за голову, прижала ее к земле...

Потом...

Потом старый маньяк решил, что оставленная в живых девочка опишет своего истязателя и ему в этом маленьком городе некуда будет скрыться. И чтобы избежать возможных проблем, стиснул крепкие еще руки на худенькой шейке. Поднялся с колен, аккуратно расправил и положил рядом с трупом девочки платице, отряхнул с колен прилипшие травинки, достал из кармана деньги, отсчитал несколько сторублевок, подал их ошалевшей Людке.

— Расскажешь кому — убью! Так и запомни до конца дней своих...

В первом же ларьке Людка взяла бутылку водки, тут же из горлышка ополовинила ее, чтобы унять нервную дрожь и охвативший животный страх... Когда немножко полегчало, поехала к себе на вокзал.

Потом она не помнила, как пропивала с такими же бичами кошмарно заработанные деньги, как из-за-чего-то подралась с собутыльниками, как попала в милицию, как там буянила, как оказалась в камере. В этой камере, желая поскорее избавиться

от гнетущего страха, облегчить свою многогрешную душу, рассказала бабам о своем преступлении, а те надоумили покаяться дежурному. В эту же ночь, еще не протрезвев, Людка давала показания, не утаивая ни своей гнусной роли, ни всей жестокости совершенного преступления.

Утром, когда яркое июльское солнце уже успело подняться высоко над лесом, она не без труда отыскала место преступления. Вечером арестовали и Витьку, уже успевшего убраться из города в расположенный неподалеку совхоз.

Он отрицал абсолютно все как на следствии, так и в суде. Но оказалось, что многие заметили, как уводила Людка Наташу от ее родительского дома, где она играла в ожидании матери, которая вот-вот должна была прийти с работы. Люди видели, как отъезжали трое от центрального гастронома, дали показания хозяева дома, куда привозили девочку и где она провела с куклой в обнимку последнюю в своей жизни ночь. Соседи показали, что слышали из комнаты Виктора крики ребенка, которого вечером куда-то увели. Веские аргументы дала и экспертиза.

Когда после закрытого заседания в зал суда на оглашение приговора впустили жителей города, их набралось столько, что даже стоять было негде. И не будь прочной металлической решетки, надежно защищавшей подсудимых, собравшиеся в своем праведном гневе разорвали бы их на части прямо на глазах судей и стражей порядка.

Витька приговор выслушал спокойно. Внутренне он был готов к пожизненному заключению, но и 15 лет означали в принципе то же самое. Он прекрасно понимал, что вряд ли в свои шестьдесят восемь сможет вынести десять лет тюрьмы и еще пять лет лагерей, в которых насильников, да еще таких изуверов, никогда не жаловали.

А Людка кричала, что ей дали мало, что она заслуживает не двенадцать лет, а куда больше. Лагерь ее, впрочем, привлекал и тем, что там она всегда будет накормлена, помыта, одета. А то, что лишена свободы, так на что она ей, эта свобода, которая и так хуже неволи. А за новую жизнь, в которой о ней всегда позаботятся, заплатила она жизнью чужого ребенка, еще и получив приплату в несколько сотен рублей...

КРУТОЙ ПЕДАГОГ МИХАЛЫЧ

*С каникул Валерка вернулся
в школу калекой.
Его изуродовал учитель.*

В отличие от отца, у которого грудь колесом и рост под два метра, Валерка вырос довольно щупленьким — видно, в мать — и к тому же был робким и стеснительным. Зато отлично разбирался в технике, широко, не по возрасту, эрудирован, и в учебе все схватывал буквально на лету. И потому был любимчиком учителей и одноклассников. Вокруг него постоянно крутились ребята, хотя по натуре своей был он больше затворником и не любил шумных дворовых компаний, а на дискотеках больше интересовался аппаратурой.

В деревне, в соседней Курганской области, у бабушки, его тоже знали многие — он приезжал сюда часто и был знаком с большинством ребят этого села. И все же был он здесь чужаком, гостем, тогда как местные все в какой-то степени связаны между собой либо родственными узами, либо совместной работой, либо долголетним соседством. Именно это обстоятельство, желание показать ему, чужаку, кто здесь хозяин, и было, по сути, причиной преступления. А круговая порука стала впоследствии определяющим фактором в затянувшемся следствии.

Неприятности начались еще днем — с небольшой стычки Валерки с деревенским сверстником. Ребята поговорили, ткнули друг друга кулаками в грудь и разошлись. Однако местный пригрозил: «Вот скажу Михалычу — он с тобой разберется».

Михалыч — центральная фигура в этом деле, и на нем следует остановиться особо. Это не пацан-подросток, а двадцатипятилетний детина — учитель местной школы Андрей Угрюмов, признанный предводитель местного пацанья. Авторитет ему придавали не только крепкие кулаки и физическая тренировка, но и солидное родство: папа — председатель колхоза, единственный в селе работодатель, от которого зависит материальное благополучие всех без исключения его жителей, мама — директор местной школы. От армии его освободили медики, усмотрев некую невидимую хворь. Однако своей силой, как и безнаказанностью, он бравировал открыто. Даже в представленной в суд характеристике, написанной учителями, работающими под началом его матери, сказано: «Вспыльчив, может потерять над собой контроль».

Случаи, когда он «терял над собой контроль», были, прямо скажем, нередки. Но большинство из тех, на кого Михалыч «вспылил», сносили обиды и побои безропотно, понимая, что связываться с властью имущими (или пользующимися покровительством власти) и в городе-то себе дорожке выйдет, а уж в деревне — тем более. Так что угроза «вот скажу Михалычу» представляла собой вполне реальную опасность.

Однако Валерка не придавал ей особого значения и вечером того же дня пришел со своей сестрой в Дом культуры. Уже на крыльце его встретил Михалыч. Он взял парня за руку, завел в клуб, где дружки праздновали день рождения его приятеля Владимира Лебедева — младшего лейтенанта милиции и слушателя Тюменского юридического института. Видимо, чтобы покуражиться над своей жертвой, Михалыч, прежде, чем вывести его на улицу для расправы, подошел к своей компании, неспешно и со вкусом выпил стопку водки (явно уже не первую) и только тогда вывел парня снова на крыльцо — «поговорить». «Разговор» начал с резкого удара по лицу, а когда мальчик упал, стал бить его ногами по голове. Тут, почуввав недоброе, на крыльцо выскочила Валеркина сестра Таня и испуганно закричала: «Михалыч! Ты что? Перестань сейчас же, отпусти его, а то я родителей позову!»

Михалыч оттолкнул девчущку: «Иди отсюда! Не твое дело!» — и, наклонившись к Валерке, поднял его на ноги и потащил за клуб — «чтобы не мешали». Увидев это, Таня бросилась за Валеркиным отцом. И хотя бежать было не так уж далеко, но время шло, отсчитывая роковые для мальчика минуты — самые страшные в его короткой жизни.

Прежде чем к Валерке подоспела подмога, у истязателя появился «помощник» — тот самый изрядно подвыпивший именинник-милиционер. Валерка не успевал закрываться руками — удары ногами обрушивались на него и справа, и слева. Подушав, потребовали: «Встань на колени!» — но мальчик подняться не смог, за что получил от работника милиции очередной удар. «Видишь, кто перед тобой?» — «Вижу», — прошептал Валерка разбитыми губами. — «Запомни и впредь не рыпайся! Ладно, Андрюха, пойдем, мы его и так опустили... Надолго запомнит...» Но Михалычу все еще было мало. Прежде чем уйти, он еще раз изо всей силы ударил ногой по голове. Удар пришелся в висок, и Валерка потерял сознание.

Очнулся подросток уже в комнате участкового, расположенной там же, в Доме культуры. Каким образом экзекуция над подростком прошла мимо внимания участкового, призванного следить за порядком, остается загадкой. Зато, составляя протокол, он, по сути, только и сделал, что спросил у пришедшего в себя

мальчика, кто его избил, — будто это было так уж трудно установить и без него. Валерка назвал обоих своих истязателей, но дать дальнейшие показания не смог, потому что снова потерял сознание. Отец отвез его в Шатровскую больницу. Медицинская экспертиза установила тяжелейшие травмы: перелом шейного отдела позвоночника, повреждение спинного мозга, сотрясение головного, множественные раны и ушибы на лице, на голове, на руках.

Позже врачи сказали, что при таких тяжелых травмах без срочной медицинской помощи парень смог бы прожить не более получаса.

И началась для Валерки бесконечно долгая больничная жизнь. Несколько дней он не приходил в сознание, потом стараниями врачей его поставили на ноги, однако в Тюмени ему снова пришлось лечь в больницу. Менялись лечебницы, менялись врачи, но не возвращалось здоровье. Парень не мог ходить в школу. Жалея способного ученика, учителя стали приходить к нему на дом. Но из-за страшной головной боли от учебы пришлось отказаться.

Пока Валерка с помощью врачей изо всех сил цеплялся за жизнь, парни, искалечившие его, суетились, подключая родственников и влиятельных знакомых, чтобы замять дело или, по крайней мере, подвести его под квалификацию мелкого хулиганства. Сделать это было не так уж и сложно, потому что в тот роковой вечер в том Доме культуры оказались четыре офицера милиции, готовые дать нужные «свидетельские показания». Первый — младший лейтенант Владимир Лебедев, помогавший другу Михалычу расправиться с беззащитным подростком. Забегая вперед, скажу, что, несмотря на показания потерпевшего, обвинения против него были сняты. Он выступал в суде лишь в качестве свидетеля. Второй — Евгений Прокин, был и вовсе двоюродным братом Михалыча. Третий — Валерий Пушкарев, следователь местной районной прокуратуры, учился в Тюмени вместе с Лебедевым и несколько лет жил с ним на одной квартире. У четвертого — участкового инспектора, майора Владимира Гавриловского — жена работала в школе вместе с Михалычем, где директором его мать. Вот такой тесный круг «бесстрастных свидетелей». Впрочем, остальные так или иначе тоже оказались непосредственно связаны или находились в прямой зависимости от отца или матери обвиняемого.

Для начала участковый сразу же попытался опровергнуть тот факт, что Угрюмов (Михалыч) и Лебедев были пьяны — никто, дескать, этого не проверял, и сам он не видел. Давая показания в суде, он все повторял, что вообще «ничего не помнит» — будто подобные преступления совершаются в селе

каждую неделю. И следователь Чистяков, довольствуясь показаниями умело подобранных свидетелей, прекратил уголовное преследование в отношении Угрюмова. Возмущенные родители Валеры стали обращаться в вышестоящие инстанции, и прокурор в конце концов отменил решение своего подчиненного. Следствие вынуждены были продолжить. Угрюмова оставили на свободе, взяв с него подписку о невыезде, и до конца учебного года он... продолжал учительствовать. Насколько же эти люди — и сам Угрюмов, и его родители, должны были привыкнуть к тому, что все сходит им с рук, чтобы и после такого безобразного поступка, несмотря на возбуждение уголовного дела, оставаться как ни в чем не бывало «в воспитательской» близости к детям!

Что же касается младшего лейтенанта милиции Владимира Лебедева, то тюменская милиция провела собственное «служебное расследование» и объявила ему неполное служебное соответствие. Однако диплом ему выдали, и назначение на работу по охране общественного порядка он получил. Собственно говоря, и решение о неполном служебном соответствии, хоть и не сыгравшее в его карьере видимой роли, он вполне может «из принципа» обжаловать: а за что, собственно, его наказали? Ведь в суде он проходил только как свидетель, который «ничего не видел и ничего не знает».

Со скрипом, несмотря на многочисленные препоны и широкомасштабное заступничество милицейских чинов различного ранга, уголовное дело все-таки дошло до суда. Угрюмов Андрей Михайлович, улыбающийся и источающий спокойствие, на скамье подсудимых, отгороженной от зала металлической решеткой, просидел недолго — покрасовавшись перед публикой, он вышел и сел в зале рядом с родственниками. А когда суд начался, секретарь вежливо попросил его пересесть на одну из передних скамеек...

Над головами судей знаменательные слова: «Судьи независимы и подчиняются ТОЛЬКО закону». Неуверенно накренившись, висит на одном гвозде российский двуглавый орел с зажатой в когтях и явно перевешивающей булавой. Невольно подумалось: а сохранит ли равновесие чаша весов богини Фемиды или у нее тоже одна чаша перетянет другую? Прокурор — представитель обвинения — в зале вообще не появился, сославшись на занятость, а адвокат обвиняемого по большей части сидел молча, видимо, настолько уверенный в успехе, что не счел даже нужным вмешаться.

Судья Олег Мамонтов все-таки признал Андрея Угрюмова виновным в совершении преступления и приговорил его к четырем годам лишения свободы в колонии общего режима, постановив взыскать с него в пользу потерпевшего Валерия Жигалова

в качестве возмещения морального ущерба смехотворную сумму — 5 тысяч рублей. Положите на весы правосудия изломанную судьбу подростка, искалеченного на всю оставшуюся жизнь, разбитые вдребезги мечты и планы — и вы поймете, почему люди, не причастные к «лагерю» Угрюмовых и Лебедевых, не считают этот приговор справедливым.

Не согласна с приговором и адвокат потерпевшего Надежда Ячменева. Ее доводы вполне убедительны. Почему ни следствие, ни суд не приняли во внимание показания ее подзащитного и свидетелей, что избивали его двое, а значит, преступление совершено группой лиц по предварительному сговору, что существенно меняет дело и влечет за собой куда более жесткое наказание. Не потому ли и вывели Лебедева за пределы дела, оставив его лишь как свидетеля, притом явно необъективного? Нельзя не удивиться и тому, что такая безнаказанность позволила ему — фактически соучастнику преступления, чья вина убедительно подтверждается материалами дела, и дальше носить милицейскую форму, подвергая риску тех, кто, не дай Бог, попадет под его тяжелую руку. Впрочем, чему удивляться, если и сам обвиняемый продолжал работать в школе?

Можно ли представить себе более кошмарную сцену: учитель, забивающий чуть ли не до смерти ученика? Человек, которому дано «сеять разумное, доброе, вечное», чинит жестокий самосуд над мальчишкой, спокойно и осознанно калечит его. И помогает ему в этом не кто иной, как офицер, блюститель закона и страж порядка!

Есть профессии, которые уже по определению, по сути своей несовместимы с рукоприкладством, — священнослужители, учителя, врачи, сестры милосердия. Но, видимо, времена и нравы изменились настолько, что образ учителя-«пахана» уже не удивляет, хотя и вызывает у большинства людей возмущение. Какую же революцию в обратную сторону совершило за последние годы наше общество, чтобы прийти к этому...

Вывод из этого дела, увы, привычен и потому особенно горек: нет у нас зачастую равенства граждан перед законом — прав тот, у кого больше прав. И влиятельных родственников. И пока это правило будет довлеть над законом, будут то и дело происходить расправы над безвинными людьми, подобные той, что произошла в далеком сибирском селе.

ОТМЩЕНИЕ

Стоял знойный август. Самая его середина с коротким передыхом между заканчивающимся сенокосом и началом жатвы. Солнце будто торопилось отдать сэкономленное за дождливое начало лета тепло и потому жарило немилосердно. Настоявшийся за ночь густой воздух плотным туманом покрывал низины, обещая продолжение жары.

Сенька проснулся от сухости во рту. Казалось, что от жажды язык вспух и не ворочался. Правда, у сухости той была причина никоим образом не зависящая от погоды — вчера к ночи опять набрался до невменяемости. Такое случалось чуть не ежедневно, благо самогон был в каждом доме. Им рассчитывались за работу, за мелкие услуги, а если не было праздника или повода, пили просто так. С горя. Ну, вообще-то у Сеньки горя особого и не было, равно как и радости в этой треклятой жизни.

Закончил восемь классов. Тройки наполовину были «липовыми», поставленными не столько за знания, сколько из сострадания к матери, давно уже утратившей всякое влияние на оболтус-сына. А с такими оценками куда податься? Один путь — оставаться в своем колхозе, на ферме которого вот уже больше двадцати лет проработала и мать.

Так по специальности «сходи-подай» проработал до армии, служил в стройбате, где из всего оружия за два года не видел ничего другого, кроме БСЛ, как называли большую совковую лопату, два года рыл траншеи для каких-то кабелей да фундаментов, таскал на стройке кирпичи, замешивал вручную бетон. Так что никакой толковой специальности не получил и вернулся домой снова крутить коровам хвосты.

Конечно, не один он такой был в их большой деревне на две параллельные улицы, уважительно именуемой в документах селом. Только ребята побашковитее и посерьезнее отучились в ПТУ и работали трактористами, шоферами, или, лишенные за пьянку прав, возились слесарями возле техники в мастерской да на ферме. Сенька же был вольным стрелком, и жизнь без романтических мечтаний обещала ему до конца оставаться на побегушках.

Из-за пьянки, лени, вздорного характера, без специальности и перспектив и женихом был он в деревне в свои двадцать три года самым незавидным. Нравились ему две сестры Тань-

ка и Светка, одна нынче десятилетку закончила, другая — два года назад. Обеим предлагал идти за него замуж, к матери их, Ньюшере, сволочной такой бабе, официально с ребятами приходил за дочек свататься. Мало что на улицу выставила, зараза такая козленка в его честь Сенькой назвала. Ну, не обидно ли?

Ладно, это все мысли, от которых, не от самогонки, на душе легче не становится. Семен потянулся, встал и, зная, что мать так рано с фермы еще не приходит, пошел в кладовку похмеляться.

Сто граммов взбудрили, подняли настроение. Прошла сухость во рту, снова захотелось жить. Сел к столу, съел две сваренных вчера картошины нового урожая с малосольными огурцами, запил молоком и пошел к семи часам к конторе получать наряд на работу.

Как и ожидалось, до обеда — ремонтировать стайки в телятнике, готовить двор к стойловому периоду, после обеда — съездить на лошади проверить сохранность сена на дальних покосах. Получив такой расклад, Семен по пути на ферму завернул домой, принял на душу еще полстакана, закусил огурцом и отправился заколачивать гвозди.

Колотился часа два. Хотя что там колотился, больше времени ушло на разговоры да перекуры. А когда часам к одиннадцати снова заболела голова, вскинул топор на плечо и направился домой лечиться.

Очередные сто граммов живительной влаги снова немного взбудрили. Вспомнил, что мать давно наказывала сходить за черникой, но одному идти не было никакого желания, и Семен отправился искать попутчиков.

Светка Ньюшерина, одна из его несостоявшихся невест, пасла телят сразу же за околицей на высоком берегу реки. Она вполне могла бы оставить стадо на соседскую девчонку, что крутилась тут же в помощниках, но идти с пьяным Семеном в лес просто не хотела. Он уж вроде и начал по-хорошему, по-доброму, а она, отвратная мамина порода, с ним даже разговаривать не захотела.

Тогда Семен достал из кармана большой нож, который давно уже зачем-то всегда носил при себе, раскрыл его и стал лезвием водить по спине девушки. Острый кончик лезвия скользнул по тонкой ткани наброшенного на голое тело платья от шеи вниз, остановился между лопатками, но ничуть не испугал девушку.

— Да иди ты отсюда, козел вонючий, — сердито отмахнулась она от таких настойчивых приглашений в лес по ягоды. Подо-

шла и соседская девчонка с вопросом: «Ты чо тут к Светке пристаешь? Я ведь папке все расскажу — мало не будет!»

Сенька, раздосадованный холодным неласковым приемом, вернулся домой, еще два раза налил по полстакана самогонки и пошел ловить лошадь ехать на покосы. По дороге встретил трех пацанят. Соседского восьмилетнего Кольку да Ньюшериных пятилетнего Гриньку и шестилетнюю Наташку.

Те с удовольствием забрались на коня. Одного Семен посадил спереди, двое ухватились за его рубашку сзади.

Лошадь была старой, спокойной и медлительной, шла почти не раскачиваясь, и ехать было куда приятнее, чем идти по жаре пешком.

Запасенное на зиму колхозное сено оказалось на месте, не тронутым нечистыми на руку людьми, не разметанным шаловливым ветром, и Семен повернул лошадь с седоками в сторону недалекого леса.

Ребятишки стали лениво есть еще не до конца созревшие ягоды, носиться между деревьями. Сенька с полчаса побросал в лукошко черных черничных, мелких от жары горошин, но дело это ему быстро надоело. Ягода, конечно, полезная, быстро начинает бродить, и вино получается красивое и вкусное, хотя главное в понятии Семена, в вине, не цвет и букет, а убойная сила. Лишь бы с ног валило да голова наутро не болела. А голова, между прочим, опять начинала о себе напоминать и звала к заветной кладовке.

«Да ну ее, эту чернику! — нетерпеливо подумал Семен и стал звать лошадь. Но та, видимо, не собиралась ждать в лесу седоков и самостоятельно направилась в сторону дома. — Теперь придется километра три идти пешком. А тут еще эта ребятня! И черт же дернул взять их с собой. Тоже мне, компаньоны!»

А компаньоны уже в досталь набегались и притомились. Младшего, пятилетнего Гриньку, пришлось взять на кокорки. Был он не тяжелым, но от восседавшего на плечах ребенка стало еще жарче, и по спине побежали противные струйки липкого пота.

Из леса вышли к кукурузному полю. Любимая хрущевская культура вымахала на два метра, в обход идти далеко, а напрямую до дороги придется ребятишек переносить на себе. Семен оставил старших на опушке и пошел с Гринькой проламываться через толстые стебли.

— А ты хороший, — неожиданно обронил похвалу ребенок.
— А мамка все тебя ругает.

— И как она ругает? — заинтересовался парень.

— А-а, по-всякому. Пьяницей называет, козлом, каким-то отребьем, да я всех и слов-то не знаю.

«Ах, ты, стервоза, — мысленно вскинулся Семен. — А я еще породниться хотел, к дочкам сватался». И вспомнились сразу все обиды, накопившиеся и на дочек, и на несостоявшуюся тещу, в насмешку назвавшую его именем козленка, и вообще на всех и вся.

— Да не крутись ты там! — прикрикнул Семен на ребенка, который именно в это время начал устраиваться поудобнее, чтобы не упасть со спины на землю. Тонкая его ручонка перехватила горло, и стало невмоготу душно. И вспышка ярости, от удушья ли, от требующей ли добавки спиртного головной боли, привели парня в ярость. Он скинул Гриньку с плеч, рукой зажал ему рот, второй вытащил из кармана нож, раскрыл его и со всего маху вонзил в живот ребенка.

Этим ударом Сенька выместил всю свою злобу, накопившуюся на мать ребенка, которая в глаза и за глаза обзывает его всякими нехорошими словами, которая не ставит его ни во что, которая не отдала за него замуж ни одну из своих дочерей.

Распоров живот, Семен несколькими движениями перерезал ребенку шею. Клокоча, хлынула из распоротой гортани кровь, ручейком стала стекать на серый песок кукурузного поля и тут же свертываться, запекаясь на горячем воздухе.

Сенька встал, равнодушно посмотрел на трупик и, удовлетворенный совершенным актом возмездия мамаше за нанесенные ему обиды, направился к оставленным на опушке детям.

Пообещав вскоре вернуться за Колькой, Семен вскинул Наташку на плечо и пошел по уже проторенной среди кукурузных зарослей дороге. Метров через двести взрослый парень вдруг почувствовал возбуждение от прикосновения к нему тела девочки, и тут же возникла шальная мысль — раз не уступают ему старшие, поиметь им назло младшую.

Семен снял Наташку с плеч, сдернул с нее трусики. Ребенок, ничего не понимая, не сопротивлялся. От охватившего возбуждения уже плохо контролирующей свои действия, парень повалил ребенка на землю и по-звериному быстро овладел не сопротивляющимся из-за непонимания ситуации телом. Потом повернул девочку на живот и вошел в нее сзади.

Наташка не заплакала. От страха ли, от боли ли, от неожиданности случившегося с ней она лишь молча смотрела на насильника широко открытыми глазами. А когда тот быстро удовлетворил свою похоть, спросила:

— А Гринька где?

Испугавшись, что девочка расскажет о насилии, будет спрашивать о брате и сообщит, что именно он, Семен, унес через поле ее братишку, изверг достал нож и вонзил его в горло ребенка.

Завершив второе за час убийство, снова равнодушно посмотрел на жертву и пошел за соседским Колькой. Того на опушке уже не было. «Видно, не дождался, вокруг поля домой побежал», — равнодушно подумал Семен и отправился прятать трупы убитых детей.

Наташку забросал ветками на краю поля в болоте, потом без труда отыскал тело ее брата, привязал к ноге завалившийся в кармане обрывок синтетического шнура и поволок в сторону недалекого кладбища, где и заканчивалось кукурузное поле.

Дома сменил одежду, бросив запачканные грязью и кровью джинсы в стиральную машину, следом отправил пропотевшую, с пятнами крови рубашку, зашел в кладовку и налил очередные полстакана самогонки.

...Поиски пропавших детей и преступника были недолгими. Колька рассказал, что Гриньку с Наташкой через поле переносил Семен, показал место, от которого уходили в заросли ошалевшей в своем безудержном росте кукурузы следы Сенькиных драных кроссовок. По этим следам вышли и к спрятанным телам убитых детей.

Семен сидел дома, после очередной дозы из неиссякаемой бутылки тупо смотрел в пол ничего не выражающими глазами и заученно твердил: «Вот отомстил так отомстил. Ну, отомстил Нюшере за все обиды...»

Когда разъяренная толпа односельчан пришла в дом, он не сопротивлялся и молча сносил наносимые родственниками убитых удары, даже не пытаясь увернуться от побоев.

УПЫРИ

Иван закурил, сделал глубокую затяжку, задержал дыхание, как бы согреваясь, и затем шумно выдохнул в свежий утренний воздух ядовитое облачко дыма дешевенькой сигареты. Дешевой не потому, что не было денег на дорогие, с этим у него в последние годы проблем не наблюдалось, просто давно уже хотел бросить, а потому и смолил самое невкусное, чтобы организм сам скорее выработал отвращение к никотину.

Бросить курить он пытался уже не впервой, но всякий раз вскоре опять тянулся за сигаретами — кто-то придумал, будто они успокаивают нервы, а нервничать приходилось часто. Вот и сегодня предстояла встреча не из самых приятных.

Иван завел мотор своей «Нивы», минут пять дал поработать на малых оборотах, чтобы двигатель прогрелся. Так он делал всегда, даже в самую жаркую погоду, — машину жалел пуще собственного здоровья, на которое как раз никогда и не обращал внимания. Вышел, открыл ворота, выехал со двора на улицу. Машину он всегда ставил передом к дороге, чтобы только сесть и поехать без всяких там разворотов и маневров. Характер у него был такой — всегда вперед, всегда добиваться задуманного. Потому и хозяйство поставил крепко, жил на зависть многим, кто не любит работать, зато много говорит о хорошей жизни и о том, что ему эту жизнь сделать мешает.

Иван не говорил, а делал. Правда, не всегда и не все было по закону, да только кто их, эти законы, сегодня соблюдает? У него уже давно сложилось убеждение, что и пишут их специально для того, чтобы нарушать.

Ну, а на нажитое добро всегда находятся охотники прибрать. Вот и к нему не раз подкатывались, мол, мужик, не зарывайся, место свое знай, а не то укорот делать придется. Только кто ему тут окрест грозить может? Да он сам кого хошь укоротить может. Только вот не хочет по-худому дела делать. А на случай обороны ружье, по закону зарегистрированное, всегда с собой в машине. Не на случай стрельбы, а так, больше для остротки да для самоуспокоения, потому как всякое случается в наше время.

Вот и у них в районе мужики один за другим пропадать стали. А началось все с базы отдыха на озере Сингуль. Приглянулась

она кое-кому из местных после приватизации. Уж больно место хорошее, да и сама база добротная.

Слышал Иван, что наезжали чужаки на ее хозяев — Тимошко и Кулика — с предложением уступить базу. Сначала просили по-хорошему, только за бесценок, потом угрожать начали. Ялуторовск не Москва: тут все друг друга знают, все видят. На одном конце пернешь, на другом уже нос воротят и говорят, кто именно воздух испортил.

Потом вдруг ни с того ни с сего база сторела, а хозяев ее нашли мертвыми. Это был своего рода сигнал тревоги для местных предпринимателей. Это было и предупреждение, что с каждым неговорчивым может произойти то же самое.

И предупреждение не было пустой угрозой. В городе и районе стали пропадать молодые мужики, которых называли здесь новыми русскими. Хотя какие там, к чертовой матери, из них новые русские! Так, мелкие предприниматели, кто порасторопнее да кто делом заниматься хочет, а не к стакану с утра тянется, кто жить хочет получше, позажиточнее. А мелкие потому, что все крупное и денежное давно под свой контроль взяли тюменские воротилы, благо от Тюмени до Ялуторовска всего и езды — час на машине.

Пропавших предпринимателей вскоре находили в лесу под свежими холмиками земли. Их трупы особо и не старались прятать, вроде как остальным неговорчивым для острастки.

Мужики пропадали, милиция заводила уголовные дела, начинала шмон, а убийца не находился. Да и дела расследовались не так торопко, как следовало ожидать. Ну, какому следователю хочется иметь еще одно повешенное почти безнадежное убийство? Потому и начинали в ментовке волынить. Даже когда на берегу Тобола нашли зарытый труп убитого Докукина, местная прокуратура закрыла дело, поскольку «не установила причину смерти». Хорошо, что вмешались следователи из областной прокуратуры, настояли на эксгумации и при повторном вскрытии нашли в голове убитого пулю от пистолета Макарова. Вот тебе и неустановленная причина смерти.

Нет, на милицию, думал Иван, тоже особо пенять не стоит. Есть и там порядочные люди, которые и дело свое знают, и делать его стараются на совесть, да только и они по одной со всеми земле ходят, и у них свои семьи есть. Да и следователи тоже не всегда вольны в своих действиях.

Только ведь даже при всем этом местные следаки с помощью тюменских руоповцев (а чья в том заслуга больше, народу было неведомо) взяли-таки в Ялуторовске одну группировку. Арестовали тринадцать человек, изъяли, как потом было напи-

сано в газетах, большое количество разного оружия и боеприпасов, доказали причастность к грабежам на дорогах, к разбойным нападениям, вымогательствам.

Группу взяли, а убийства продолжались. И не просто людей жизни лишали бандиты, а глумились над ними. Уши отрезали, трупы расчленяли. Пострашнее все старались обставить, чтобы мороз по коже, чтобы почувствовали люди их силу и мощь, дрожали и повиновались.

А милиция еще одну группировку обезвредила. Но и эта оказалась неповинна в тех на шумевших убийствах. Члены банды тоже не ангелы, но почерк другой. Значит, есть еще одна группа. В этой уверенности пребывали руоповцы, так думал и Иван, имея, между прочим, не просто предположения, а почти твердую уверенность, кто в нее входит. С ними у него сегодня должен состояться очередной крутой разговор. Иван к нему морально подготовился и решил, что уступать ни в чем не будет. У него не ахти какие прегрешения перед законом, чтобы вот так, за здорово живешь, отдать дело другому или делиться нажитым собственным трудом, хозяйской сметкой и связями.

А жизни лишить, думал Иван, не решатся, потому что он сразу заявит, мол, надежные люди знают, с кем на встречу поехал, так что гарантия обеспечена. Ну, и на всякий случай ружье с предохранителя снимет.

На выезде увидел трех односельчан. Махнули рукой, мол, подвези. Остановился с радостью, все не одному ехать, за разговором от мрачных мыслей можно отвлечься, а то все бы думал о предстоящей встрече, хотя для себя о ней все решил уже давно и твердо.

Но поговорить с попутчиками не успели. Дорогу впереди перегородила знакомая машина тех, с кем на встречу как раз и собирался. Недоброе предчувствие враз нахлынуло на Ивана, но тут же сам себя и успокоил: «При свидетелях не тронут, а значит, поговорят и разъедутся».

Но только «Нива» мягко качнулась на тормозах и остановилась, в тишину леса врезался грохот автоматной очереди. Пули, звенькая, влетали в салон через лобовое стекло, мягко шлепались о тонкую жесть кузова и смятыми рыльцами врезались в тела сидящих в машине. Через несколько секунд все было кончено. «Жигуль» тронулся в лесок в сторону реки, тело Ивана вытащили с водительского сиденья, запихнули назад, и расстрелянная «Нива» двинулась следом за первой машиной.

Берег был рядом, машина неторопливо скатилась в воду, и река, брезгливо чмокнув, приняла в свое лоно отвратительное инородное тело с четырьмя трупами.

...Машину с убитыми нашли на удивление быстро. И так же быстро, как это принято говорить, по горячим следам, оперативники взяли убийц. Вообще, на них вышли уже давно, но все не хватало доказательств их прямого участия. Были зацепки, были предположения и отрывочные факты, но не было доказательств, а значит, и основания для ареста.

Уже когда была обезврежена первая в городе преступная группировка и шла отработка всех ее связей, всех предполагаемых мотивов нераскрытых убийств и связей убитых предпринимателей, появились первые подозрения о причастности к преступлениям кого-то из работников милиции. Версия о том, что кто-то из милиционеров вершит свой суд, возникала все чаще, потому что за каждым из убитых можно было проследить хоть какое-нибудь нарушение законодательства.

Эта версия укреплялась с каждым очередным убийством. Все предприниматели занимались своим бизнесом в разных сферах, поэтому конкуренция не могла быть причиной устранения. Также отпадали и гипотезы о невозвращенных долгах. И все больше укреплялось предположение, что нагнетается атмосфера страха для установления неограниченного контроля над местным предпринимательским рынком. Эту версию подкрепляло и то, что убийства совершались главным образом не ради наживы, не ради завладения материальными ценностями, зато с особой жестокостью.

Убийство четырех человек в «Ниве» поставило точку в деятельности преступной группировки, одним из руководителей которой оказался начальник оперативной части местного СИЗО. И именно из его пистолета были убиты восемь местных предпринимателей. Это он достаточно долго вынашивал замыслы взять под свой жесткий контроль всю округу и стать в ней главным, кому бы беспрекословно подчинялись все местные предприниматели и криминальные элементы, это он разрабатывал детали убийств, тонкости устрашения. Он, по заключению психиатров, — человек с уравновешенной психикой, вполне здоровый, нормальный человек, так же, как и остальные члены группировки.

Семь преступников арестованы, у двоих, по предварительным данным следствия, не имевших причастности к тяжким преступлениям, взяты подписки о невыезде. Группировке было доказано 12 эпизодов, в результате которых убито 15 человек. Но следствие не смогло открыть все страшные страницы совершенных бандитами преступлений, потому что почти полгода в ее деятельности остается сплошным пробелом.

За короткий промежуток времени благодаря совместной четко слаженной работе сотрудников Уральского регионально-

го управления по борьбе с организованной преступностью, Тюменской областной прокуратуры, тюменской областной и местной ялуторовской милиции на территории только одного района были обезврежены три бандитские группировки, на счету которых многие десятки совершенных преступлений.

Жители этого небольшого городка и его окрестностей свободно вздохнули. Люди перестали бояться, перестали опасаться за своих близких. Однако за это спокойствие заплачено дорогой ценой многих человеческих жизней.

Преступлений могло быть значительно меньше, если бы местная милиция и местная прокуратура долгое время оперативно реагировали на многочисленные заявления о пропаже людей, если бы раньше был начат их розыск, раньше стали устанавливать их связи.

УСЛОВНО — ЗА УБИЙСТВО

Марат вернулся из рейса премного довольный. Поездка оказалась на редкость удачной — едва разгрузил в Казахстане пиломатериалы, случайно подвернулся выгодный заказчик на доставку товара в обратную сторону. Заработанного теперь хватит на то, чтобы отдать долги и серьезно подлатать к зиме свой «КамАЗ», купленный чуть ли не со свалки и любовно восстановленный собственными руками, что вызвало у местных мужиков искреннее уважение.

До той поры, пока Марат не проехал по деревне на, казалось бы, не подлежащем ремонту грузовике, относились к нему, чужеземцу, с откровенным недоверием, несмотря на то, что жена у него была из этих мест. Она и переманила мужа в Сибирь, когда в Средней Азии из-за постоянных военных конфликтов, нестабильности и ни с того ни с сего нарастающего недружелюбия к ней, русской, жить стало невмоготу.

Не лучше оказалось и в родных краях. Ее, уехавшую из дома сразу после школы, еще хорошо помнили, встретили как родную, хотя близких родственников и не было уже в живых, десятилетнего сына тоже немногочисленная деревенская пацанва быстро приняла за своего, хотя во время неминуемых в этом возрасте ссор кое-кто и обзывал чуркой. Но делалось это больше по обычаю, потому что у каждого должно было быть хоть какое-то обидное прозвище. Такое загорелому под южным солнцем пацану-полукровке подходило как нельзя лучше. А вот к Марату настороженно присматривались — недолюбливали тут «черных», хотя, если по совести, было за что: дети гор, монополизировав всю рыночную торговлю области, фактически за бесценок скупали в деревнях мясо, картофель и постепенно прибирали к рукам окрестные фермерские хозяйства, всеми неправдами устанавливая для них собственные экономические отношения.

Марат с женой и сыном поселились в покосившемся, с протекающей крышей домике на краю деревни и с первого же дня принялись за ремонт. Стук топора и молотка разносился далеко окрест с раннего утра до позднего вечера, тревожа глухую тишину старинного сибирского селения. Обустроиваясь в доме, Марат присматривался, чем при такой массовой на селе безработице заняться для содержания семьи. Вот тогда и попался ему на глаза брошенный «КамАЗ» возле мастерских бывшего колхоза.

Вся небогатая выручка от продажи за гроши нажитого в Средней Азии имущества ушла на ремонт дома, покупку и восстановление этой машины, а на топливо для первого рейса деньги пришлось даже занимать у самой состоятельной части деревенских жителей — местных пенсионеров. Завершившийся рейс давал возможность отдать долги и начать нормальную жизнь, сделать первые после переезда в Сибирь покупки.

Едва Марат успел помыться и семья приготовилась ужинать, выставив на стол привезенные из города гостинцы, как в дом вошли два соседских парня. Обоим им было всего по семнадцать, но вымахали потомки истинных чалдонов ростом под два метра. Несмотря на завидную силушку, от работы увиливали, учиться не хотели и главным своим делом считали хорошо отдохнуть перед грядущей через год службой в армии. Правда, иногда их видели за каким-нибудь немудреным левым заработком, который тут же несли в магазин в обмен на водку. А чаще всего с ними за работу так водкой и рассчитывались. После выпивки парни становились буйными и неуправляемыми.

Так и проводили время, били баклуши, а нередко били и местных мужиков. Те, считая парней сопляками, предпочитали не связываться, да и сил у оборзевших подростков было вполне достаточно, чтобы вдвоем отметелить любого, кто осмелится противостоят. Постепенно они стали верховодить не только в своей деревне.

Несколько раз бабы жаловались на парней изредка приезжавшему участковому, тот проводил беседу, устраивал внушения, стращал, что испортит обалдуям биографию, но жалобщикам неизменно объяснял свое бездействие излишней гуманностью закона по отношению к несовершеннолетним. Да, собственно, и сами иногда даже официально оформлявшие заявление в милицию после слезной мольбы матерей хулиганистых односельчан бумаги забирали обратно, в очередной раз прощая оболтусов. Эти самые прощения вселяли в подростков чувство безнаказанности, собственного превосходства и поощряли на новые подвиги. С ними предпочитали не связываться, и если ребята приходили к кому в дом за выпивкой, соседи безропотно доставали припрятанную для дела бутылку водки или жбан браги.

К Марату до сих пор ребята не заходили. Знали, что сам он то ли по мусульманской вере, то ли по убеждениям — абсолютный трезвенник, ибо никто еще не видел, чтобы он хоть раз выпил с кем-нибудь стопочку. Да и вездесущие старушки, под разными предлогами заходя в дом новоселов, разнесли слух, что живут бедолаги в нищете — ни путной посуды, ни завидной одежды не имеют. Так что поживиться у беженцев алчущим бездель-

никам до сих пор было нечем. Но тут случай особый — хозяин вернулся из рейса, значит, привез деньги.

С денег вместо приветствия и был начат разговор. Марат попытался было по-хорошему объяснить, что часть выручки уже отдал, вернув долги, а на оставшиеся надо выкупить солярку и уже давно заказанный тент. Даже сыну на зимнюю одежду удастся выкроить только со следующего рейса.

Но что те робкие и малоправдоподобные оправдания для уже где-то хвативших браги ребят, душа которых требовала добавки?!

— Пойдем выйдем поговорить, — угрюмо пробурчал Колька и кивнул на дверь. Марат встал из-за стола и вышел за парнями следом. Едва успел прикрыть за собой дверь, как тут же свалился от удара кулаком в лицо. Даже не понял, который из парней «отоварил» — того и другого он, щупленький, был едва ли не на голову ниже. Не успел подняться, как несколько сильных ударов ногой припечатали к сырой после дождя траве.

На шум из дома на улицу выскочили жена и сын. Выражая полное пренебрежение к хлюпику, Сашка отхаркался и смачно плюнул на поверженного чужеземца, судьбой занесенного в их деревню в поисках счастья. Матерясь, парни пошли со двора, напомним, что это было только предупреждение.

И действительно, только Марат успел сменить промокшую и вывалянную в земле грязную одежду и смыть под рукомойником кровь с разбитого лица, парни снова ввалились в дом.

— Отвези нас в соседнюю деревню, — прозвучала приказом их просьба.

— Ребята, имейте совесть, он же с дороги устал, и мы еще даже не ужинали, — пыталась образумить ребят и защитить мужа Анна.

— Ну, смотри, чурка, хуже будет! Колеса вот порежем, вообще никуда не уедешь.

Угроза разрезать колеса была серьезной. На покупку новой резины потребуется дикая сумма. А угрозу свою ребята вполне могли осуществить, о чем красноречиво говорил нож в руке одного из них.

Положение было безвыходным, Марат взял ключи и, держась рукой за болевший от пинка бок (уж не ребро ли сломали?), пошел к машине.

В соседней деревне возле одного из домов парни приказали ждать. Через полчаса вернулись с раскрасневшимися от выпитого лицами, посоловелыми глазами и противным запахом перекисшей браги. Марат уже хорошо знал, что от нее люди не просто пьянеют, а дуреют, полностью переставая контролировать свои действия, поэтому беспрекословно подчинился, когда ему

приказали ехать не домой, а в следующую деревню за семь километров за какой-то Наташкой, чтобы потом с ней отправиться на дискотеку.

Девчонка с готовностью вспорхнула в кабину, но поехали не в родную деревню, а на противоположный конец села. За добавкой. Минут через десять ребята вернулись с пустыми руками и потребовали у Марата денег.

— Да откуда они у меня, — пытался отговориться Марат. — Я даже права и те с собой не взял.

И тут Колька заметил на пальце водителя обручальное золотое кольцо.

— Снимай!

— Ребята, оно у меня не снимается. Я его десять лет ни разу не снимал, оно уже почти вросло в палец.

— Снимай, блин! Чурбак с глазами! Кому, блин, сказано! — неожиданно взъярился Сашка. — В залог надо оставить за бутылку. Потом заберешь, дом только запомни, не перепутай.

Но Марат продолжал утверждать, что кольцо действительно не снимается, потому что, когда женился, был совсем худеньким, а потом окреп и пальцы распухли. Вмиг озверевшие ребята под хихиканье легкомысленной подружки набросились на Марата, несколькими короткими тычками свалили на землю и принялись стаскивать действительно неподдающееся золотое кольцо.

После невероятных манипуляций, в результате которых под только развеселивший парней неожиданно визгливый вскрик жертвы и хруст ломаемых костей обручальное кольцо было стянуто с обильно обслюнявленного и все же сломанного пальца и отдано в залог, лоботрясы вернулись в машину с банкой мутной браги и рыбным пирогом на закуску.

Тут же в кабине выпили по стакану дурманящего, с резким запахом, напитка. Притворно морща носик, сквозь зубы выцедила целый стакан и Наташка.

— На, закуси, ты же еще не ужинал, — Сашка отломил кусок корки от пирога и с хохотом припечатал его к лицу Марата. Прилипшая к пропеченному тесту рыбья кость больно уколола в щеку. Компания весело рассмеялась, а Марат лишь молча вытер лицо левой здоровой рукой и включил передачу.

На окраине своей деревни парни потребовали остановиться, чтобы допить брагу. Закусывая, под хихиканье Наташки, они щелкали кусочками корки и рыбы в лицо Марата, бросали в него рыбные кости, распаляясь в своих действиях от ощущения перед девчонкой собственного превосходства над вдвое старшим их мужиком. Но брага кончилась, успев между тем быстро ударить в захмелевшие головы подростков и побудить их к новым подвигам.

— Ладно, теперь мы без тебя обойдемся, — обратился Колька к Марату. — Вылезай на...

— Машину не отдам, — с неожиданной твердостью в голосе сказал Марат и прямо посмотрел в глаза не привыкших к возражению подростков.

— Ты чо, бл.., чурка е... — взорвался сидевший рядом Сашка и коротким тычком ударил кулаком в лицо. — Пошел на х..! Вылезай, бл... — И каждое нецензурное слово будто подхлестывало, распаляло, и вот еще несколько сильных ударов кулаком пришились в лицо Марата. Из разбитого носа хлынула кровь.

В один миг сложились в голове в единую цепь пережитые за вечер боль и унижение: избитый на глазах жены и сына, оплеванный, не смеющий возразить под угрозой поломки грузовика и вынужденный после дальней дороги ехать с пьяными, не знающими меры куража ребятами по сельскому бездорожью, лишившийся со сломанного пальца обручального кольца и снова донельзя униженный перед малолетней девчонкой, опять избитый... И в конце концов вынужденный отдать в чужие пьяные руки с таким трудом восстановленную машину? Когда-то в этой череде надругательств и безропотного подчинения надо было ставить точку!

Марат открыл дверцу машины, соскочил на землю, в один миг вытащил из-под сиденья заряженное дробью ружье, припрятанное на случай встречи в дальней дороге с лихоимцами, и в упор сделал два выстрела. Только что весело хохотавшая над проделками приятелей девчонка истошно закричала и зашлась в истерике, зажатая с двух сторон телами убитых подростков.

...Когда судья огласил приговор, по которому Марату вменялось превышение необходимых пределов обороны и за убийство двух несовершеннолетних односельчан давалось два года условно, кто-то из мужиков даже было заплодировал, но под укоризненным взглядом сердобольных соседей, переживающих за убитых горем матерей погибших парней, неловко опустил руки и стал пробираться к выходу. Если бы на такой способ защиты чести и собственного имущества решился кто-то из местных, избавив деревню от озверевших подонков, ему бы жали руки и радовались освобождению. Марат в деревне все же был чужаком.

ЧОКНУТЫЙ

Чокнутым Игоря считали многие: ровесники, педагоги, соседи, милиция. Учителя в школе не просто сомневались в его умственных способностях, но и отмечали неуравновешенность психики, из-за чего этому нерадивому ученику сходило с рук многое из того, за что других ждало бы неминуемое наказание. Впрочем, в школе парень не задержался, без сожаления бросив ее после пятого класса.

Ровесники, как и большинство взрослых, предпочитали с ним не связываться, милиция, которая неоднократно привлекала его к ответственности за различные правонарушения, уже закрепила за хулиганистым подростком снисходительное клеймо и всякий раз после очередного «подвига» направляла в психдиспансер, откуда он вскоре выписывался. Определением же своей неуравновешенности даже гордился. Все знали, что он чокнутый, и потому мог делать что угодно, со временем не без основания уверовав в свою безнаказанность.

Те многочисленные преступления, в основном — кражи и разбои, которые милиция раскрыла и прокуратура представила в суд в качестве обвинения, были элементарно просты по замыслу и исполнению. Даже убийства совершались обыденно, хладнокровно и без хитроумных попыток «замести» следы, заставить оперов поломать голову или направить их по ложному следу.

Первой жертвой Игоря, а на момент убийства ему едва исполнилось девятнадцать лет, была несовершеннолетняя симпатичная девчушка. В тот вечер она очень хотела отпраздновать день рождения в кругу таких же подростков без строгого надзора старших, где можно было говорить и делать все, что вздумается. Родителям сказала, что поедет с подружками на базу отдыха, возможно с ночевкой, поэтому из гостей домой можно было не спешить. А когда около двух часов ночи все же стали расходиться, Ольгу вызвался проводить парень, явно питавший к ней симпатии. Вечер обещал романтическое продолжение.

При выходе из подъезда встретили двух парней примерно своего возраста, постояли, поговорили. Потом провожатый Ольги вдруг куда-то заторопился, пообещав через несколько минут вернуться, и оставил девушку с двумя незнакомцами наедине. Незнакомцами теми были Игорь и его семнадцатилетний сродный брат Саша.

Знать бы Ольге, что эти ребята только за последний месяц перед их случайной встречей обчистили и подпалили несколько квартир, а за несколько дней до этого только за один час ограбили двух девушек. Одну сразу после закрытия ресторана «Восток», почти на глазах у наводившего возле выхода «шмон» омоновского наряда, оттеснили от компании, брызнули в лицо из газового баллончика, отвели за угол здания, несколько раз ударили, еще брызнули газом и избавили от немалого количества золотых украшений.

А час спустя встретили неподалеку в переулке двух девушек и нанали на них. Теперь в ход был пущен нож. Гена приставил его к горлу одной из девушек и приказал снимать приглянувшуюся ему кожаную куртку. Подруги опешили, но одна тут же пришла в себя и громко закричала. Удары кулаком по голове водворили на пустынной улочке тишину — девушка потеряла сознание. Сняв куртку и украшения, парни не спеша скрылись.

В этот роковой вечер ребята в очередной раз вышли на промысел. Им нужны были деньги, поскольку вырученные от прежних грабежей и краж катастрофически быстро кончались. Знать бы все это Ольге да бежать обратно в квартиру, где еще оставалась часть ее компании. Но она бездумно приняла от незнакомцев предложение проводить ее домой по пустынному ночному городу, через большой сквер возле школы.

Едва троица поровнялась с лазом в заборе возле школьного сквера, галантный кавалер Игорь с ножом в руке напал на не подозревающую ничего плохого девушку, заставил ее пройти на территорию двора и потребовал золотые украшения.

Обнаженные облетевшей листвой корявые деревья мрачного сквера, освещаемого лишь неяркой лампочкой над крыльцом школы да тусклым светом нескольких зашторенных окон ближайших домов, вдруг ясно дали девушке понять ее беззащитность перед двумя вооруженными ножом парнями. Но страх еще не успел парализовать ее тело, и она отрицательно замотала головой, не находя убедительных слов отказа. Тогда Игорь протянул руку и сорвал с ее шеи золотую цепочку. Та легко порвалась и осталась в ладони грабителя.

И тут Ольга увидела мигающие огни милицейской машины на соседней улице. Девушка закричала, но крик от волнения получился сдавленный и едва ли кем-то мог быть услышан. Но протест девушки да страх, что негромкий крик в тишине ночи может привлечь свидетелей, привели Игоря в ярость, и он начал колотить девушку ножом в шею, спину, живот. После нескольких ударов жертва упала на землю. Грабитель снял с мертвого тела серьги и

кольцо, положил в карман и пошел из сквера. Брат, до этого оцепенело стоявший в нескольких метрах, поплелся следом.

Дома Игорь тщательно замыл одежду и обувь от попавших на нее капель крови, заставил брата на всякий случай тоже вымыть свои ботинки, внимательно осмотрел добычу и спокойно лег спать.

Так в деле Игоря Курина появилась первая кровавая жертва. Не планированное заранее убийство не только не смутило, а заставило серьезно задуматься о приобретении более солидного арсенала.

Через пару дней Игорь купил на толкучке самодельный малокалиберный револьвер и боеприпасы. Вооружившись, в компании с братом и еще одним ровесником Денисом отправились на дело в Казань. Там в гостинице познакомились с местными наводчиками, узнали от них адрес богатой квартиры. Ребят даже не смутило, что в отсутствие старших в доме находился подросток.

Мальчик бездумно открыл непрошеным гостям входную дверь и ворвавшимися грабителями сразу же был отброшен в сторону. Ребенка посадили на диван и, угрожая револьвером и приставленным к горлу ножом, стали спрашивать, где родители хранят деньги и ценности. Парнишка молчал как партизан. То ли был до смерти перепуган, то ли не знал, где хранятся ценные вещи, то ли решил проявить характер.

Несколько неглубоких ранений ножом в шею мальчонки не заставили его говорить. Тогда Игорь выстрелил подростку из револьвера в голову, а когда увидел, что тот еще подает признаки жизни, несколько раз уларил ножом в шею.

После расправы над ребенком троица приступила к экспроприации ценностей. В доме действительно нашлось немало богатства. Частью награбленного ребята поделились с наводчиками и уехали домой.

В Тюмени Курин первым же делом избавился от вещей, а заодно продал и прошедший боевое крещение револьвер. Но без оружия своих дальнейших подвигов уже не мыслил и вскоре спланировал с двумя новыми подельниками очередной разбой. На убийство на этот раз пошли уже осознанно, вооружившись обычным молотком. Этот молоток позднее не раз падет на голову и одного из тех, с кем пошел «на дело».

...Когда старушка из-за двери осторожно осведомилась: «Кто там?», Курин потребовал: «Открывайте. Милиция!». Но едва открыв дверь, женщина поняла свою оплошность и попыталась ее захлопнуть, Игорь уже ворвался в квартиру. Правда, его сообщники замешкались, и дверь все же защелкнулась. Игорь остался с намеченной жертвой один на один и стал бить старушку мо-

лотком по голове и по рукам, которыми та пыталась закрыться. Потом патологоанатомы насчитают на голове несчастной тринадцать ран.

Лишив женщину жизни, парень вышел на балкон позвать подельников помочь унести вещи. Тех, что называется, и след простыл. Тогда Игорь стал складывать в сумку все, что можно было сбыть, но первым делом отыскал ружье, из-за которого и было затеяно ограбление. Кроме ружья сложил в найденную тут же сумку шубу, деньги, десять боевых медалей ветерана — мужа убитой.

Из ружья на следующий день сделал обреза, а еще через день одного из струсивших подельников решил наказать уже испытанным молотком. В доме у своей двадцатитрехлетней, имеющей ребенка подружки Дины, знавшей о всех его предыдущих убийствах и помогавшей сбывать награбленное, устроили пьянку. Во время ее Игорь и стал одного из собутыльников бить молотком по голове. Елена, чтобы не запачкать кровью диван и пол, подставила таз.

Потом избитому парню надели на голову зимнюю шапку и раздетым бросили неподалеку в канаву, присыпали снегом. На удивление всех тот выжил и вскоре выписался из больницы, храня о происшедшем гробовое молчание. Скорее всего, понимал, что именно такое молчание спасет его от гроба настоящего.

Вообще разношерстная многонациональная компания бездельников, в которой вращался Игорь Курин, все время жила на разного рода случайные заработки. Кража и торговля краденым были в ней делом обычным. Страшно сознавать, но и убийства тут не воспринимались с присущей им трагичностью. Рассказы Игоря о своих «геройствах» никого не настораживали и уж тем более не наводили на мысль сообщить куда следует. Хотя, как показало время, каждого из окружения могла ждать трагическая участь. Первый пример, когда от смерти из-за разбитого черепа и проведенной в снегу ночи одного из дружков спасло лишь его удивительное здоровье, никого не насторожил. А зря.

Игорь уже вынашивал мысль разжиться за счет имущества одной из приятельниц. О том, что ее надо убить, Игорь сказал своей подружке Дине. Ту такое предложение ничуть не ужаснуло. Более того, она даже согласилась принять участие в предваряющей убийство пирушке.

В гости к намеченной жертве пошли втроем в католическое Рождество. Запаслись спиртным и лошадиной дозой клофелина. Та встретила гостей радушно, накрыла стол, приготовила закуски, но то и дело выбегала на кухню принести то ложку для салата, то соль, то специи. Во время этих ее отлучек друзья подливали в спиртное препарат.

В доме кроме молодой хозяйки была еще и ее восьмидесятилетняя бабушка. Та, чтобы не смущать молодежь своим присутствием, ушла в соседнюю комнату, затопила печь и села напротив. Юркие языки пламени завораживали, навевали приятные воспоминания, заглушая голоса компании.

Но гулянка, на удивление старушки, быстро угомонилась. Игорь с Диной ушли, внучка прикорнула на диване, Семен уселся у нее в ногах и уставился в телевизор. Но Игорь вскоре вернулся. Он лишь чуть проводил подружку и пошел обратно, довершать задуманное. Та напутствовала, что дом после убийства надо поджечь, чтобы скрыть следы преступления.

И снова пригодился молоток, этот бесхитростный столярный инструмент. Геннадий дважды ударил им по голове спящую женщину, рот которой на всякий случай зажимал диванной подушкой Семен, и пошел к старушке. Та настолько глубоко задумалась, что даже не слышала, как подошел сзади убийца и несколько раз ударил ее по голове молотком, а потом ножом полоснул по горлу, но безжизненное тело уже начало оседать на пол, парень промахнулся, и лезвие прошло по щеке к виску.

Собрав золотые вещи, меха и то, что можно было потом продать, разбойники положили тела убитых возле газового баллона, забросали тряпьем, бросили в эту же кучу нож и молоток и подожгли так, чтобы можно было подумать, будто огонь занялся от неисправности печной трубы.

Потом вернулись в дом к Дине и вместе с ней вышли на улицу смотреть на разгорающийся пожар...

Через некоторое время у группы была поездка в Москву, стычка со столичным криминалом, в результате которой тюменские вояжеры остались не только без денег, но и без обреза. И пришлось снова добывать оружие. Гладкоствольный пистолет с патронами купили уже дома, сразу же по приезде. Но в деле его успели применить лишь один раз, и то для запугивания. Пострелять по живым мишеням грабители не успели. Милиция и прокуратура, возбудив больше десятка уголовных дел по совершенным за три месяца преступлениям, буквально шла по пятам. И вскоре все семь участников были арестованы. Но потребовалось еще почти два года скрупулезной работы, чтобы доказать в суде причастность молодых бездельников к совершенным преступлениям.

Кстати, крупные специалисты чокнутым Игоря Курина не признали.

A decorative border consisting of three repeating floral motifs, each enclosed in a semi-circular frame with ornate scrollwork. The motifs are arranged horizontally across the top and bottom of the text.

*ЧУДЕСА
ВОКРУГ НАС*

В КОСМОС — С РЕЦЕПТОМ ШАМАНА

БУБЕН У ДОКТОРА В СПАЛЬНЕ

По заказу российских космонавтов на основе многовекового опыта выживания коренных жителей Тюменского Севера в экстремальных условиях ученые Тюменского государственного университета разработали целую серию иммуностимуляторов и адаптогенов, которые являются специальными добавками в рационе астронавтов.

Помимо внедрения таких добавок официальная медицинская наука в последнее время активно включилась и в изучение древних рецептов лечения, которыми пользовались ханты и манси. С одним из таких ученых, Екатериной Петровной Поворознюк, хантыйкой с полученной от мужа украинской фамилией, мне удалось познакомиться во время командировки в Ханты-Мансийский автономный округ. Екатерина Петровна занимается своей темой уже довольно давно, позднее получила официальный статус заведующей лабораторией научно-исследовательского института обско-угорских народов.

— В отличие от большинства своих коллег я смотрю на народную медицину с позиции мировоззрения жизнеобеспечения, традиционного образа жизни, питания, включающего естественные биологические добавки, травы, которые у нас использовали издревле.

Екатерина объехала все районы, знает родной язык, общалась с очень большим количеством жителей и пришла к выводу, что эффективность народной медицины зависит в большей степени от психологического настроения пациента.

— Мы записали более ста различных рецептов, — продолжает доктор, — но отобрали из них только тридцать. Все наши национальные рецепты основаны на разговорном языке, и только истинное знание его позволяет повторять то, что применялось веками. Народные рецепты ханты и манси носят по большей части ритуальный характер, хотя используют и такие высокоэффективные компоненты, как медвежий жир, медвежья желчь, внутренности других жертвенных животных. Ни один рецепт не был даже близким аналогом аптечному, мол, возьми это или то, прими внутрь или натри и

вылечишься. Исцеление больного происходило в большей степени через его подсознание.

Народной медициной занимались шаманы. Именно они были носителями и духовной культуры, и очень многих знаний, в том числе и медицинских рецептов. И хотя среди шаманов было несколько, если так можно выразиться, специализаций, все они исполняли ритуалы в состоянии транса, которое вводило в особое психическое состояние и пациента.

Сама Екатерина Петровна из вогульских ханты, как называют манси, ставших в результате ассимиляции ханты. Истинных носителей той культуры уже не осталось в живых, все знания, тысячелетиями передававшиеся из поколения в поколение, дошли до наших дней лишь отрывочно, да и то благодаря возникшему в последние годы интересу к традиционным народным обрядам, культуре, традициям, благодаря помощи, в том числе и финансовой, со стороны местных властей автономного округа по возрождению и развитию обско-угорских народов.

В это дело включились специалисты, большинство которых просто продолжили уже на научном уровне дело своих предков. Вот и у Екатерины Поворознюк мать была шаманкой, из тех, что больше лечили не тело, а душу. И ее матери эти знания переданы были от своей матери, той — от своей... И так из поколения в поколение.

Екатерина рассказывает о своих давних детских воспоминаниях, когда в случае заболевания ребенка приглашали в дом бабушку, и та начинала лечение одними лишь словами. Как правило, результат приходил на третий день, и в этом сказывалась особенность человеческого организма, требующего для реакции именно столько времени. И это, по словам врача Поворознюк, тоже закон природы, жизни, веры, которому древние следовали интуитивно, но неукоснительно.

Чтобы лучше понять принципы излечивания тела и души своих сородичей, проникнуть в тайны рецептов своего народа, Екатерина немало времени посвятила изучению других религий, в том числе кришнаитов, буддистов, и пришла к выводу, что в корне многие из них основаны на одних и тех же принципах, и что прав ее земляк, знаменитый писатель, лауреат Государственной премии Юван Шесталов, утверждающий в последние годы свое учение о космическом и межпланетарном сознании.

— Вера ханты основана на том, что человека всегда кто-то охраняет. Я сама это знала сызмальства, — рассказывает Екатерина Поворознюк. — Я знала, что меня в случае невзгоды защитит мама, бабушка, а еще какие-то невидимые и неве-

домые силы. И каждый ханты это точно знает. На одной из научных конференций известный философ Леонтий Тарагубта утверждал, что мы находимся в беззнаковой системе. И я задалась целью хотя бы для себя лично уяснить, действительно ли у нашего народа существовало язычество, или та вера являла собой нечто большее. Ведь сколько веков уничтожали наших идолов, наших богов, которым поклонялись предки. Как идет уничтожение даже в наши дни святых ритуальных, реликтовых мест! А поклонение ханты своим богам остается. Может, потому, что народная мудрость наших предков советует не тратить силы на сопротивление, а сохранять в душе свои убеждения, свою религию, передавая эти убеждения из поколения в поколение.

Мать Екатерины, умирая, просила дочь сохранить ее шаманский бубен. «Пусть он будет в твоём доме на стене», — говорила умирающая. — Кушать не просит. Ты врач, это больше, чем шаман, но ты иногда побей в бубен, хотя бы в память обо мне.» Как только этот бубен появился в доме молодого врача, ее жизнь в корне изменилась к лучшему, пошла настоящая полоса удач. Что это? Загадка, которую тоже пытается отгадать ученый Екатерина Поворознюк, имеющая взрослую дочь и внуков.

В конце нашей беседы я все же попросил Екатерину Петровну дать читателям газеты какой-нибудь рецепт, не требующий особого ритуала для возвращения человеку бодрости духа и здоровья.

— Морошка, — не задумываясь, ответила она. — Просто удивительная ягода. Ешьте морошку, и ваш организм будет иметь достаточно витаминов на долгую зиму. Именно морошка спасала всегда коренных жителей Севера от туберкулеза. В этой ягоде есть химические соединения, которые очень активно действуют, как антибактериальная терапия.

А при глазных заболеваниях очень полезна черника. Ее же необходимо употреблять при сахарном диабете. Ханты не имели привычки делать заготовки, поэтому питались ягодами прямо с куста, витаминизируясь таким образом на долгую зиму, до нового урожая. И каждая ягода использовалась как определенный вид лекарства.

Природа дала ханты рецепты и от множества различных болезней. К примеру, при заболевании у ребенка уха в него закапывался небольшими дозами жир окуня, более прозрачный и чистый, чем другой рыбий жир.

Зубы щуки, точнее, челюсть с острыми щучьими зубами, служила для массажа ног, поясницы, применялась как пияв-

ки при высоком давлении. Этот же эффект использовал потом доктор Кузнецов, придумав свой ипликатор.

Эти и многие другие рецепты собраны и описаны учеными Ханты-Мансийска. Правда, на хантыйском языке. Так что для их применения надо совсем немного — выучить древний язык обских ханты. И — будьте здоровы! Как космонавты, которые этими рецептами частично уже пользуются!

ПАМПЕРС ПРИДУМАЛИ ХАНТЫ

Это широко рекламируемое по телевидению изделие, сохраняющее кожу младенца сухой и нежной, как утверждают работники Ханты-Мансийского краеведческого музея, изобретено многие сотни, а то и тысячи лет назад.

Пусть не обижаются коренные жители Чукотки, Ямала, Таймыра или Аляски, что авторство этого изобретения я отдал в заголовке ханты. Никто из работников Ханты-Мансийского музея или местного института возрождения обско-угорских народов так не утверждает. Просто все, с кем доводилось мне беседовать на эту тему, убеждены, что идея пришла в голову много-много лет назад представителям северных народов, ведущих кочевой образ жизни.

Кто не знает, какое количество намоченных и запачканных пеленок приходится стирать ежедневно? Даже в благоустроенной квартире при наличии горячей воды и стиральной машины это доставляет родителям малыша немало хлопот. А если представить, что малыш растет в чуме, за меховым пологом которого сорокаградусный мороз, а воду получают, растапливая снег?! Тут уж не до стирки, купания и других водных процедур! Вот такой суровый быт и заставил кочующих предков коренных северян искать выход из положения.

Эти люди в отличие от нас, изнеженных благами цивилизации, были и остаются одним целым с окружающей их природой. И сама природа подсказала им рецепты, как во время длинного перехода в морозы и метели, когда нет никакой возможности перепеленать младенца, сохранить его постельку сухой, как женщине в «критические дни чувствовать себя комфортно».

В одном из залов музея есть малоприметный экспонат, на котором, если не обратит внимание посетителей экскурсовод, взгляд не задерживается, равнодушно скользнув дальше. Да и на чем там концентрировать внимание! Ну, лежит себе деревяшка с каким-то подобием мочалки на конце. А между тем именно эта мочалка и таит в себе немаловажное практическое значение, хотя деревяшка — это просто кусок ствола ивы-тальника.

Ива — дерево мягкое. Специальным скребком или просто ножом соскабливают с полена очень тонкую стружку, удиви-

тельно мягкую и хорошо впитывающую влагу. Многие коренные жители называют ее полотенцем, потому что готовят ее именно для этих целей. Такими, изобретенными столетия назад полотенцами широко пользуются ханты и сегодня. Те, разумеется, кто ведет традиционный образ жизни.

Изобретения предков сохраняются в быту не потому, что не дошла в эти края цивилизация. И махровые полотенца, и пеленки, и ползунки с распашонками, и импортные памперсы, так же, как и «крылатые кефри», есть практически в каждом магазине. Только заработок рыбаков или оленеводов не позволяет им покупать эти вещи — доходы от традиционных промыслов уходили бы целиком на одни только памперсы. Вот и используют люди по-прежнему древние рецепты предков.

— Да что говорить, — рассказывает мне доцент Ханты-Мансийского окружного института повышения квалификации и развития регионального образования Евдокия Немысова. — Не только я сама, но и мои дети выросли без всяких там опрелостей при помощи таких вот старинных народных рецептов и изобретений. В наших краях, правда, не ивовую стружку для этих целей используют, а кладут на дно люльки специальные древесные шишушки, волос с шеи оленя, покрывают это пеленкой, потом одеяльцем из заячьего меха. Кстати, заячий мех очень полезен для здоровья не только в младенческом возрасте, а, например, для профилактики радикулита.

Помимо того, что ребенок на такой подстилке долгое время остается сухим, а заменить ее не стоит большого труда, эти компоненты, в том числе заячий и олений мех, имеют еще и антисептическое воздействие, предупреждают кожные заболевания, которые так часто встречаются сегодня у детей цивилизации, применяющей различные химические соединения.

Кстати, в последнее время специалисты института возрождения обско-угорских народов начали основательно изучать не только предметы быта и одежды с многовековым опытом предупреждения различных болезней, но и многие народные рецепты исцеления от недугов. Таких собрано уже более ста, тридцать из них основательно изучены и рекомендованы наряду с известными сегодняшней медицине лекарствами. Их, между прочим, начали применять даже в космической медицине. Но эта тема требует отдельного разговора.

ПО ЗАТЕРЯННЫМ СЛЕДАМ ЕРМАКА

Среди таежных болот в нескольких сотнях километров от Тюмени есть рукотворный холм, который археологи не без оснований считают могилой завоевателя Сибири — Ермака.

Рамай Сунгатулин, глава администрации Вагайского района, на территории которого четыре сотни лет назад сложил голову лихой атаман Ермак, долго убеждал нас в неосуществимости поездки:

— Да вы на своем японском внедорожнике и ста метров по нашим хлябям не проедете. Туда только на тракторе можно добраться. Ну да хоть издали на остров посмотрите, коли уж так хочется приобщиться к нашей истории.

В авантюрную поездку напросилась и директор местного краеведческого музея Галина Глухих, а показать дорогу вызвался охотовед Геннадий Юферов. На своем расхристанном за долгие годы нелегкой службы по бездорожью «уазике» он пропылил полтора десятка километров по шоссе, а потом свернул на проселочную дорогу и, с размаху ныряя в глубокие лужи и заполненные водой колдобины, лихо понесся мимо стоящей на пригорке деревушки куда-то в сторону далекого леса.

Несколько километров мой импортный внедорожник, никогда в своей прежней заграничной жизни не выдавший подобного бездорожья, гневно рокотал мотором на своего ошалевшего хозяина-авантюриста, возмущенно швырял всеми четырьмя колесами на себя и по сторонам комья липкой грязи и упорно лез вперед за своим российским собратом, для которого подобное путешествие было делом заурядным. Однако в таких условиях главным является не престижность модели, а водительский опыт. Вскоре пророческие предсказания Рамаи сбылись, когда мой джип с ходу влетел в старую тракторную колею и сел «на брюхо». Около часа тщетно пытались мы при помощи второй машины выбраться из грязевого плена, но в конце концов Геннадий вынужден был поехать в деревню за подмогой.

Оставшуюся часть маршрута мы добирались, пересев в одну машину, тросом прицепленную к трактору.

Место, где по легенде захоронен Ермак, действительно похоже на большой остров среди многокилометровой равнины, может быть, в доисторическую пору бывшую дном какого-то моря. И только четко очерченная правильная геометрическая форма холма подтверждает, что он действительно может быть рукотворным. Легенд о Ермаке ходило среди местного населения великое множество. И, как утверждают, связано это было во многом в связи с тем, что после смерти завоевателя Сибири начали происходить странные вещи.

Когда Ермак еще не был погребен, по округе поползли упорные слухи, что летающие стаями над телом погибшего атамана птицы не смели его коснуться. Ордынцев по ночам мучили кошмары. Одному из татар будто бы привиделось, что он купался в крови, к другому во сне приходил русский бог и грозил страшной карой.

Советники хана пришли к выводу, что все это не к добру, что Ермаку, видимо, следовало бы устроить уход в мир иной с почестями, как святому. Завоевателя похоронили, за несколько дней натаскав в полах своих халатов огромный холм земли для погребального кургана, именуемого теперь в простонародье островом, а в официальных бумагах — Старопогостовским холмом.

Без малого тридцать лет назад побывавшая здесь экспедиция орловского клуба «Русь» установила сложенный из камней памятный знак, после их второго приезда появилась на знаке памятная доска из нержавеющей стали. Другой памятный знак в виде семиметрового креста из лиственницы установили ребята из клуба юных моряков Новосибирского детского дома. И только местные жители не проявляют к этому кургану должного почтения.

Даже через несколько десятилетий после того сражения и захоронения казацкого атамана местные жители предпочитали избегать разговоров на эту тему, а в последние годы умело раздуваемого национализма имя Ермака у многих татар, составляющих около половины здешнего населения, стало восприниматься чуть ли не как личное оскорбление. И чтобы хоть как-то смягчить ситуацию, директор музея Галина Глухих решила параллельно вплотную заняться изучением биографии хана Кучума, правившего огромной территорией Сибири до прихода посланников Ивана Грозного.

Может быть, отчасти по причине сформировавшегося у некоторой части коренных жителей негативного отношения к легендарной личности атамана, может быть, в силу скудно-

сти финансирования, а может, и по причине невысокого профессионализма местных исследователей музеев при всех своих немалых площадях больше походит на любительский музей какой-нибудь сельской школы. О походе Ермака, сложившего в этих местах свою буйную голову, рассказывает более чем скромный стенд с фоторепродукцией известной картины русского классицизма с изображением последнего боя атамана за овладение рекой Вагай — единственной в те годы транспортной магистралью на здешних необъятных болотистых просторах.

Одна из легенд утверждает, что Ермак в том своем последнем бою был смертельно ранен и утонул. Очевидно, река Вагай приняла тогда в свои воды тело не одного лишь атамана. В музее хранится кольчуга, разрубленная мечом в области живота и имеющая несколько повреждений на груди. Скорее всего, от ударов копьем. Ту кольчугу около двадцати лет назад во время рыбалки вытащил из воды вместе со стерлядкой один местный житель. Историческую реликвию три года хранил дома, показывая при случае друзьям и знакомым, а потом передал музею. С тех пор музей неоднократно пытался привлечь внимание исследователей к этому своему экспонату, отсылал в Москву фотографии и образцы колец, но столичные историки почему-то так и не удосужились прислать хоть какой-нибудь ответ.

Понимая всю финансовую сложность, в которой живет дотируемый на 87 процентов район, все же складывается впечатление, что не только отсутствие денег стало причиной забвения героев прошлого. Тот же выручивший нас тракторист, когда-то один из лучших механизаторов района Григорий Картыш о заросшем березами кургане знает не меньше сотрудников музея. Мы стоим с ним на вершине поросшего столетними деревьями холма, с которого километров на десять-пятнадцать окрест видна удивительной красоты равнина, и Григорий рассказывает:

— Когда студенты Тобольского пединститута вели раскопки, мы тут работали неподалеку и, конечно, приходили посмотреть. Интересно ведь знать, на какой земле живем, что тут до нас происходило. Археологи тогда обломки сабель находили, утварь всякую, про Ермака интересно рассказывали.

Теперь о тех далеких событиях можно узнать лишь по летописям русского исследователя семнадцатого века Семена Ремезова, что выпущены отдельной книгой. Но и в них много белых пятен, даже сам бой описан неполно. И если не удалось восстановить историю во времена, когда еще были живы дети

и внуки участников событий, то теперь нам остается лишь довольствоваться легендами и тем, что было достоверно установлено в те годы. Да еще тем, что дадут раскопки, если они в силу скудного финансирования когда-нибудь смогут возобновиться.

Получив у подножия холма пятьдесят рублей на топливо, Григорий хитро улыбнулся: «Используем по назначению», отцепил трос, и, пока мы фотографировались на память, его трактор был уже далеко. Даже выбираясь по проложенной колее, мы еще несколько раз буксовали, откапывали лопатой увязшие колеса, вытаскивали машины из вязкой грязи, прежде чем выбрались на большак и потом полтора часа отмывали свои автомобили от липкой глины, убеждаясь, что туристические маршруты в эти края пролягут еще не скоро.

ЗОЛОТАЯ БАБА

Поиски легендарного идола язычников Западной Сибири — Золотой Бабы идут уже не одно столетие. И как обычно бывает в таких случаях, одни утверждают, что это не более чем передаваемая из поколения в поколение легенда, другие упрямо продолжают верить в существование надежно упрятанного в глухой тайге золотого идола, точное местонахождение которого хранят в строжайшей тайне всего несколько посвященных в нее человек.

Одной из таких посвященных в тайну местонахождения божества называет людская молва шестидесятилетнюю жительницу Ханты-Мансийского автономного округа Ульяну Пендыхову. Об этой удивительной женщине «Труд» уже писал три года назад, не упоминая, впрочем, о ее возможной причастности к многовековой тайне.

Ульяна прославилась тем, что за свою жизнь, будучи с ранней юности охотником-промысловиком, убила шестнадцать медведей, что одного из них зарубила топором, другого в рукопашной схватке заколола ножом. И это при ее-то росте в полтора метра!

Указывая на Ульяну как на возможную хранительницу тайны, люди аргументируют свои предположения не только завидной отвагой этой женщины, не пасовавшей даже перед грозным зверем, прежде чем убить которого, ханты должны согласно поверию с ним поговорить, объяснить, почему лишают жизни священное животное, в честь которого ежегодно устраиваются самые большие праздники. Загадочности придает Ульяне и то, что всю жизнь она прожила отшельником, не выходила замуж, не имеет детей и близких родственников. Не очень хорошо владея русским языком, от расспросов на эту тему только отмахивается:

— Неграмотная я, ничего ни про какую Золотую Бабу не знаю.

Среди хранителей тайны называет молва и главу администрации одного из районов Ханты-Мансийского автономного округа Андрея Киприянова. И тоже имея на то веские основания. Андрей — сын последнего действующего хантыйского шамана из некогда большого рода Киприяновых. Отец его, Кирилл, получив в наследство вместе с бубном шаманские знания,

вынужден был многие годы вести двойную жизнь. Будучи шаманом, он в то же время был членом окружкома партии. Тайно поклонялся своим языческим богам и официально проводил в жизнь идеологию партии.

Андрей в качестве носителя духовного наследия предков, как показало время, отцом был выбран будто с подсказкой свыше. Его старших братьев уже нет в живых, а он преуспел в учебе, закончил институт, потом — Высшую партийную школу в Свердловске, длительное время руководит районом, делая все возможное для сохранения традиций и культуры своего вымирающего народа.

На вопрос одного из нас о Золотой Бабе хитро шурит и без того узковатые глаза и с улыбкой переводит разговор на другую тему. Понимай, как знаешь. То ли действительно знает какую-то тайну, то ли просто придает себе образ загадочного вождя племени.

Называют в округе и еще несколько человек. Но никому из исследователей узнать от кого бы то ни было хоть что-то вразумительное не удастся. Сложилось мнение, что эти бесхитростные дети природы очень наивны и совсем не умеют врать. Однако такого рода заключения чересчур наивны. Этим людям не смогли насадить мусульманство получавшие с них дань в течение нескольких веков татары, с древности владевшие территорией Западной Сибири. Не смогли заставить их отказаться от язычества и пришедшие вслед за Ермаком четыреста лет назад русские. Остяки и вогулы, под давлением приняв христианство, продолжали сохранять и язычество, даже в условиях жесткого его искоренения как сначала церковью, так и затем большевистской идеологией. Так что известные на Руси не одно столетие легенды о Золотой Бабе могут иметь и реальное их воплощение.

Первые описания Золотой Бабы в книгах сделаны иностранцами — авантюристами и путешественниками, привлеченными в Россию славой о ее богатстве или политических интересами. Англичанин Дженкинсон в XVI в. писал: «Золотая старуха пользуется почитанием у обдорцев и югры (предки современных ханты и манси). Жрец спрашивает у этого идола о том, что им следует делать, и сам (удивительное дело!) дает вопрошающим верные ответы, и его предсказания сбываются». Итальянец Гваньини также в XVI в. записал, что жрецы во время жертвоприношений Золотой Бабе предсказывали судьбу людей. Однако наиболее широко стали известны эти легенды благодаря знаменитой книге личного друга Петра I голландца Николааса Витзена, которая, хотя и называлась «Северная и Восточная Татария», стала первой подробной и почти достоверной книгой о России и ее восточных окраинах — Урале и Сибири.

Позже сюжет о Золотой Бабе, став хрестоматийным, переключивался из книги в книгу на протяжении многих лет.

Разумеется, никто из иностранцев не смог побывать в глухих пермских лесах, а тем более в Сибири, поэтому им приходилось пользоваться сведениями, полученными от «бывалых людей», те слышали о золотом идоле от других, а конец цепочки терялся в никому не известных далях. Не удивительно, что рассказы о Золотой Бабе обрастали слухами и домыслами, в зависимости от фантазии рассказчиков. Поэтому в разных источниках она описывается зачастую противоположно — размеры варьируют от 30 см до величины в человеческий рост, изображение описывается одетым в свободные одежды или обнаженным, сидящим или стоящим, с младенцем на руках или без такового. Так же различаются описания местонахождения идола — от земли пермской до Уральских гор и тайги Западной Сибири.

По наиболее широко распространенному варианту легенды Золотая Баба была одним из самых почитаемых божеств предков современных коми — пермяков и зырян. Во время обращения последних в христианство известным церковным деятелем XIV в. Стефанием Великопермским, которое не всегда проводилось мирными средствами, приверженцы языческих верований, спасая от уничтожения, перевезли идола на Урал, к вогулам (современные манси), а затем дальше — в Сибирь, к остякам (современные ханты), где она, согласно легенде, и хранилась в глухих таежных стойбищах. Так или иначе, легенды о Золотой Бабе получили широкую известность — авантюристов привлекало солидное количество драгоценного металла, ученых и краеведов интересовала заманчивая возможность восстановить весьма любопытную частичку истории, поскольку активно муссировались предположения о сходстве идола с античными скульптурами. Уже в начале XX в. известный сибирский краевед К.Д. Носилов получил информацию от престарелого вогула (манси), что на р. Конде в глухом стойбище на болотах хранится точная копия Золотой Бабы, отлитая по ее форме из серебра. Несмотря на то, что Носилов находился в нескольких километрах от стойбища, он не смог из-за половодья добраться туда и осмотреть идола. Очередная, на первый взгляд, реальная возможность была упущена, как произошло и во всех других подобных случаях. Как бы ни казалась близка цель, Золотая Баба всегда ускользала от непрошенных гостей.

Поиски ее превратились в неотступную идею для многих поколений и привели, надо думать, к затратам, во много раз превышающим возможные дивиденды. Казалось бы, за четыре сотни лет подспудно или явно продолжающихся поисков за-

тея должна была себя полностью дискредитировать, но этого не произошло. До сих пор в наших краях появляются время от времени «совершенно достоверные сведения» очевидцев, точно знающих, где хранится Золотая Баба, а некоторые даже видели ее воочию. Сведения разнятся от вполне серьезных рассказов уверенных в своей правоте людей до анекдотических баек.

Такая вера постоянно подпитывается и традиционными верованиями, во многом сохранившими свои языческие основы, коренных народов Западной Сибири (ханты, манси, ненцев), для которых Золотая Богиня продолжает оставаться одним из весьма почитаемых существ. Однако в данном случае наличие собственно золота в изображении богини никакой роли не играет. Слово «золотая, золотой» является обязательным эпитетом любого высокого (небесного) божества в традиционном пантеоне. Сам идол при этом может быть изготовлен из любого материала — бронзы, дерева или тканей, золото, разумеется, тоже не исключается, но встречается крайне редко — в виде немногочисленных украшений на идоле. Золотая Богиня, именуемая ханты и манси Калтащ, почитается как покровительница женщин и материнства, хранительница судеб людей. Женщины обращаются к ней во время родов, прося легкого разрешения от бремени, под ее опекой находятся маленькие дети в первые годы жизни, которых богиня хранит от злых духов. Это вполне соответствует старинным описаниям Золотой Бабы. Более того, у специалистов, занимающихся изучением культуры коренных народов Западной Сибири, сформировалось достаточно четкое мнение, что именно представления о богине-жизнеподательнице у финно-угорских народов и связанные с ней мифы послужили основой для появления легенд о Золотой Бабе. Вполне возможно, что положенный для ее высокого ранга эпитет «золотая», передаваясь из уст в уста, обрел образ золотого идола величиной с человека. Хотя нельзя абсолютно исключить вероятность того, что небольшие золотые идолы, изображающие эту богиню, действительно могли быть изготовлены. Но маленькие сибирские народы, даже на истерзанной буровыми и бульдозерами земле, умеют хранить свои тайны, скрывая их от чужих глаз. И дороговизна этих тайн — в духовном смысле, а не в том мизерном количестве драгметаллов, которые могут украшать некоторых идолов.

Тем не менее наверняка еще не раз будут появляться «достоверные» свидетельства очевидцев, точно знающих местонахождение Золотой Бабы, ее вид и вес. А наряду с этим сами ханты продолжают утверждать обратное. К примеру, доцент

окружного института повышения квалификации и развития регионального образования Евдокия Немысова, ее ученые-коллеги из института возрождения обско-угрских народов, сами по национальности ханты и манси, много лет посвятившие изучению и возрождению культуры, языка и традиций своего народа, утверждают, что никакой Золотой Бабы в ее материальном воплощении не существует, что это не более как духовный образ священной женщины по имени Сорни Най.

А между тем десятки ученых продолжают упорные поиски хоть какой-то зацепки к разгадке местонахождения золотого идола, не в силах поверить, что это всего-навсего красивая легенда, передаваемая веками из поколения в поколение.

ЙЕТИ-МАТЬ И ЕЕ СОРОДИЧИ

БОСИКОМ ПО СНЕГУ

«**Д**а там вообще не поймешь, кто и был. Будто сам леший!» — слышал я сквозь сон разговор родителей, но утренняя нега была еще настолько сильна, что поборола мое детское любопытство. Зато потом, когда меня уже разбудили и рассказали, что к нашему дому приходил леший, я, как и все деревенские ребятишки, без малейшего страха пошел смотреть диковинные следы. Их было много за стоящим чуть поодаль от дома стогом сена. На неглубоком по осени снегу четко отпечаталась босая ступня, таких же размеров, как след отцовского подшитого валенка.

Жили мы тогда на кордоне в глухих вологодских краях, куда мать сослали в 1936-м подальше от финской границы, за которой обитали практически все ее ближайшие родственники. На зиму, на время лесозаготовок, приезжали к нам многочисленные вербованные из безлесых южных краев России, селились в пустующих большую часть времени года бараках, а на весну, лето и осень оставались мы, всего несколько семей, среди дикой незлобивой природы.

Водились в тех местах волки, даже, бывало, утаскивали овец, забредали непуганые лоси, подходили к изгороди и молча смотрели на нашу корову, не обращая на них никакого внимания. Где-то неподалеку обитали медведи, и мы постоянно находили даже на самой опушке леса, расположенного от нашего домика в сотне моих детских шагов, развороченные ими муравейники и гнилые пни, видели оставленные на песке или грязи четкие отпечатки круглых следов, но таких, как эти, человеческие, только громадных размеров, видеть мне дотоле не приходилось.

Да что мне! Эти следы привели в замешательство даже отца, всю жизнь свою проработавшего лесником да лесничим и знавшего отпечатки всех лесных обитателей этих мест. Летом через наши края нередко проходили беглые заключенные из расположенных неподалеку колоний. Мы видели иногда следы их кирзовых сапог, но зэки всегда сторонились селений, предпочитая добираться до больших дорог скрытно. А тут босые отпечатки на снегу, у самого дома, вырытая в стоге сена нора для ночевки и наглое игнорирование беснующейся всю ночь запертой в сен-

цах собаки. Кстати, собака близко к стогу наутро так и не подошла, стояла, принюхиваясь, поодаль, рычала и топорщила на загривке шерсть.

Через пару дней, когда зашли к нам потолковать охотники из соседней деревни, отец рассказал им о диковинном госте, которого он, пойдя посмотреть, на кого лаяла собака, успел-таки увидеть, но не поверил своим глазам, потому что существо это было похожим на человека, только полностью покрыто шерстью. Мужики, в свою очередь, рассказали, что кто-то видел такие же следы босой человеческой ступни громадных размеров несколько дней назад и в одной из соседних деревень, только всерьез этого никто не воспринял, потому что слишком уж все было невероятно.

Тот случай постепенно всеми забылся, но в моей детской памяти отпечатался ярко, скорее всего, потому, что как раз тогда читал я про Робинзона, и еще потому, что в отличие от современных детей, страдающих больше от избытка информации, чем от ее недостатка, наша жизнь в лесу была небогата на разного рода приключения.

Потом, много лет спустя, попадались мне на глаза публикации о «снежном человеке», освежали в памяти мои детские воспоминания, не давая им стать забвением. И вот совершенно неожиданно за тысячи километров от родной Вологодчины, в Западной Сибири, снова напал на сообщения о неизвестном существе.

ВСТРЕЧА НА БЕРЕГУ

Странное существо увидели юные жители деревни Азовы на Приполярном Урале Вова Качин и Саша Захаров. Они пошли на речку по своим мальчишеским делам, и вдруг из зарослей высокой травы поднялось лохматое чудовище. Разгребая руками воду, где глубина достигает больше двух метров, оно направилось к берегу.

Пацаны от ужаса хором вскрикнули. Но последующая их реакция на встречу с кошмарным видением была уже более индивидуальной. Сашка развернулся на пятках и дал деру в деревню, а Вовка так и остался сидеть, не в силах подняться на ставших от страха ватными ноги. Зато он смог более детально разглядеть невиданное существо. И дома без особого труда нарисовал по памяти человекоподобное животное, покрытое густой длинной шерстью. На том рисунке особенно выделяется треугольник более темного волосяного покрова спереди. То ли борода такая окладистая, то ли просто шерсть на груди длиннее.

Встреча ребятишек с диковинным обитателем леса переполошила все селение. И на следующий день, осмеяв отчасти оробевших, но в массе скептически настроенных мужиков, женщины шумной ватагой отправились на берег речки, где произошла у пацанов встреча с чудищем.

От указанного подростками места действительно в лес уходили странные следы. На твердом грунте четко отпечатались отпечатки босой ступни. Длина ее составляла 62 сантиметра, а шаг превышал два метра, хотя, по утверждению ребят, ноги незнакомец имел короткие.

Когда женщины подтвердили рассказ пацанов, местные охотники тоже решили осмотреть место. Увиденные следы заставили их вспомнить, что нечто подобное попадалось им в окрестностях и раньше, но тогда никто не придавал этому значения. Одни думали, что отпечатки оставил огромный медведь, другие просто удалялись, предпочитая не забивать себе голову всякими страшилками.

Потом слух дошел до ученых международной экспедиции, которые были заняты неподалеку подготовкой к перелету на юг стерхов, обитающих в этой практически безлюдной местности. С учеными находилась в то время съемочная группа ОРТ — Наталья Астафьева и Сергей Исаков. Профессиональное любопытство ученых и журналистов привело их в деревню Азовы. После встречи ребят с диковинным существом прошло к тому времени уже две недели, но дожди не успели смыть отпечатки следов. Их удалось запечатлеть на пленку. Это, по сути, сегодня единственное объективное подтверждение того, что история не выдумана.

На вопросы ученых и журналистов ребятишки долго и подробно рассказывали о своей встрече с лохматым незнакомцем. Разным собеседникам мальчишки говорили одно и то же, не путаясь в деталях, когда описывали появившееся из воды чудовище. Немного смутившись, Вовка даже сообщил такую пикантную особенность пришельца — его детородный орган свисал чуть не до колена.

Ученые прошли по следу великана, чтобы проверить, не розыгрыш ли это местных остряков. Мужики на подобное предположение даже рассердились: до шуток ли сейчас в деревне, когда все с утра до вечера заняты делом? Но даже если предположить, что кто-то умело смастерил две огромные ступни и прошел, привязав их к своим ногам, то шутник должен был весить килограммов двести — настолько глубоко вдавлены следы в твердый грунт. Кое-где отпечатки ступней великана сохранила прижатая трава в лесу, куда удалился странный пришелец. В нескольких местах он, очевидно, раздосадованный встречей с людьми

ми, вырвал с корнем молодые деревца, что не под силу было бы сделать даже нескольким юным шутникам.

По характеру отпечатков, по размеру шага, по расположению ступней ученые ВНИИ природы пришли к выводу, что следы оставлены действительно существом больших размеров и не могут быть результатом розыгрыша.

Старожилы вспомнили, что однажды, сразу после Великой Отечественной войны деревенские нашли на покосе младенца, сплошь покрытого волосяным покровом. Его принесли домой, сообщили в органы, кормили как своих детей, а потом приехали какие-то ученые и забрали находку.

НА СТРАЖЕ ЗОЛОТОЙ БАБЫ

Возможно, это одна из многочисленных загадочных легенд, но в этих безлюдных краях Приполярного Урала и Нижнего Приобья, где от одного населенного пункта до другого сотни километров нехоженой тайги, встречи с неведомым существом, утверждают, бывали и раньше.

Проживающие в здешних местах ханты называют этих существ лесными людьми и боязливо обходят возможные места их обитания, предания о которых передаются из поколения в поколение. Суеверно стараются даже не говорить о них. Однако кое-что о возможном проживании лесных людей все же узнать удастся. Например, будто бы зимой они спят, как медведи, накапливая за сезон солидный запас жира. А еще утверждают, что лесные люди являются хранителями Золотой Бабы — загадочного божества коренных малочисленных народов Севера. Многие исследователи в разные времена потратили на ее поиски годы жизни, преодолев по нехоженой тайге тысячи километров. За четыре сотни лет после прихода в Сибирь Ермака, а поиски языческой богини, надо думать, вели до появления русских татары, затея должна была себя полностью дискредитировать, но этого не произошло. Такой интерес постоянно подпитывается и традиционными верованиями коренных народов Западной Сибири (ханты, манси, ненцев), во многом сохранивших свои языческие основы. Возможно, что мифы и легенды о Золотой Бабе и охраняющих ее лесных людях живут как единое целое в преданиях этих народов.

Слухи о неизведанных существах то и дело будоражат общественность. Причем о встречах с загадочными, покрытыми шерстью человекоподобными существами (лесном человеке, снежном человеке, йети) рассказывают и в тысяче километров от Приполярного Урала — в Приишимье, где необжитых людьми территорий практически не осталось.

БОЛЬШЕНОГ ИЗ ПРИИШИМЬЯ

Известный, теперь уже покойный, журналист из Ишима, краевед Анатолий Бучинский описал в газете несколько рассказов очевидцев, видевших в разные годы в этих краях загадочное, покрытое шерстью человекообразное существо.

«Осенью рабочий Ишимского завода Владимир Нефедков рассказал, что его мать еще с двумя женщинами наткнулись за плодопитомником на «обезьяну или обросшего шерстью человека, который стоял на задних ногах и быстро исчез». Следующим летом в малиннике у изгороди местного детского дома приехавший погостить из Нижневартовска Сергей Задонских тоже встретил необычное существо, напоминающее обезьяну. Ростом оно было на полголовы выше одиннадцатилетнего сына Сергея, имело лицо чистое, только темное и в морщинах, до пояса шерсть была короткой, а дальше — штаны — густая, волос на голове темный, а шерсть — коричневая. Минуты две-три человек и существо рассматривали друг друга, а потом оно перепрыгнуло изгородь и убежало в кусты.

Александр Викторович Е. отправился на мотоцикле за ягодами в окрестности деревни Тоболово Ишимского района. Вот как описывает он встречу с необычным существом:

«Беру ягоды, чувствую, что на меня кто-то смотрит. Оглянулся — никого. Снова беру, тороплюсь, потому как дело к вечеру. И опять чувствую, как кто-то смотрит прямо в упор. Встал — никого нет. Опять беру, потом поднял голову: кто-то стоит у столба... Здоровый, мохнатый. Жутко стало, побежал к мотоциклу, все ягоды растряс».

Видела подобное существо и Серафима Ивановна Г. из деревни Бородино Викуловского района Тюменской области. Она вместе с сыном встретила «снежного человека» на сенокосе, что находится между селами Озерное и Каточиги.

У КОЛДОВСКОГО ОЗЕРА

Однажды мы совершенно случайно разговорились на тему снежного человека с моим давним приятелем, известным тюменским художником Яном Боме. Его детство и юность прошли неподалеку от Данилова озера, которое больше известно как колдовское. Входя в систему пяти небольших водоемов, расположившихся на границе Омской и Новосибирской областей, названо оно людьми так, что, по многочисленным рассказам тамошних, и не только, жителей, обладает чудодейственными свойствами. Например, очень быстро залечивает кровоточащие раны, кристально чистой, богатой минералами водой и целебными грязями избавляет от многих недугов.

Места эти описаны еще в старинных сказках и до настоящего времени остаются малонаселенными, а из-за труднодоступности оказались далеко в стороне от туристических маршрутов.

Теперь, имея сильные внедорожники, сюда нет-нет да и стали добираться разного рода искатели приключений, но в пору юности моего приятеля чужие в эти края не заходили. И была тут тайга почти нехоженная, а звери непуганые. И будто бы именно поэтому выбрали для своего обитания здешние места неведомые людям «снежные человеки».

С одним из них довелось встретиться и деду Яна — Михаилу Ивановичу. По весне, когда устраивают свои токовища тетерева, далеко окрест оглашая предутреннюю тишину своими «чуффш-ш-ш-ш», редкий охотник усидит дома. Но в отличие от токующего глухаря, который во время своего «пения» никого, кроме себя, не слышит, тетерева очень чутко следят за обстановкой, находясь все время настороже. К ним, даже увлеченным «петушиными» боями, не подкрадешься. Единственная возможность — загодя, зная место токования, поставить там шалаш и засесть в него с вечера.

Именно так и сделал Михаил Иванович. Забрался в шалаш задолго до рассвета и стал ждать. Сначала думал немного вздремнуть, но полил сильный дождь, и капельки воды то и дело стекали на шапку и за воротник. Тут уж не до сна. И вот, едва забрезжил майский рассвет, услышал дед чьи-то тяжелые шаги со стороны леса. Отогнул ветку, смотрит в предутреннем мареве: кто-то из деревенских решил его попугать, нарядившись в вывернутую наизнанку шубу. Стал Михаил Иванович ждать, что шутник придумал, а тот подошел ближе, и понял Михаил Иванович, что это совсем не розыгрыш: таких высоких да здоровенных не было ни в их деревне, ни в соседних.

«Леший!» — подумал старик и обомлел, затаившись. А леший подошел к шалашу, оперся о жерди, потом пошатал хлипкое сооружение и отправился обратно к недалекой чаще.

Успокаивая себя, что в такой дождь токовища не будет, Михаил Иванович выбрался из шалаша и чуть не бегом бросился домой.

Ян помнит, что были встречи с неведомым чудищем и у других жителей их села. Местный учитель рассказывал ребятам о своей неудачной рыбалке. Сидел он с удочкой на берегу реки Тары и терпеливо ждал клева, как вдруг услышал сильный всплеск. Посмотрел в сторону камышей и обмер. Из воды на берег, громко шлепая по мелководью, шел обросший шерстью огромных размеров человек. Выбрался на берег, стряхнул с

шерсти капли и, громко похлопав в ладоши, степенно удалился в сторону леса.

Потом некоторое время спустя едва-едва не довелось встретить снежного человека и самому Яну. Он тоже сидел на берегу Тары и распутывал «бороду». Леска настолько скрутилась, что разобрать ее никак не удавалось. Но парень был терпелив. И вдруг он услышал за кустами громкие шлепки по воде, будто кто-то нарочито громко плескался и хлопал в ладоши. Вспомнив недавний рассказ учителя, Ян тут же вскочил и убежал домой, бросив на берегу свою удочку с нераспутанной леской.

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА УЧЕНЫХ

— В печати сообщения о подобных встречах в наших краях появились лишь в 1977 году, — рассказывал Анатолий Бучинский. — Тогда студент биофака Владимир Пушкарев выступил на семинаре с подобным сообщением об экспедиции в Ямало-Ненецкий автономный округ. Позднее исследователь погиб при загадочных обстоятельствах, оставив дневники, которые до настоящего времени в интересах науки полностью не публикуются.

В те края, где работал Владимир Пушкарев, по словам Анатолия Бучинского, собиралась экспедиция криптозоолога, теперь уже тоже покойной Майи Генриховны Быковой, не называющей даже приблизительных координат своего исследования, сообщая лишь, что, по ее данным, живет в том районе Заполярья по меньшей мере девять особей, в том числе один детеныш. Будто бы оленеводы даже долгое время водили этого малыша с собой, но стоило им отвлечься, как из леса вышла «мамаша» и увела дитя.

Интерес к Тюменскому краю Майя Генриховна стала проявлять после того, как случайный вагонный попутчик, узнав о предмете исследований, пригласил ее в тайгу познакомиться со «снежным человеком». Ученому удалось увидеть и минимально разглядеть предмет исследования из окна охотничьей избушки. Правда, изучение длилось совсем недолго, существо тоже некоторое время разглядывало человека, затем издало какой-то непонятный звук, будто прочистило горло, повернулось спиной и быстро скрылось в лесу.

Воспоминания о встречах очевидцев с необычным обитателем Западной Сибири Майя Быкова опубликовала под общим названием «Из рассказов манси». Так она описывает свою встречу с йети, которая произошла во время экспедиции в 1987 году.

«Мы приехали на зимовье недалеко от города Ханты-Мансийска, — пишет Быкова в своих воспоминаниях. — Он

пришел в первую же ночь. Мы услышали стук в окно, открыли дверь и оказались буквально в пяти метрах от странного существа. Он был огромный, волосатый и красноглазый. И ни малейшего намека на рудимент хвоста. Существо можно было сравнить только с человеком. Никаких ассоциаций с медведем или обезьяной у меня не возникло. Целую минуту — такую долгую! — мы рассматривали друг друга. Когда наши взгляды встретились, он, не разжимая губ, произнес нечто вроде «кхе». Это больше всего напоминало нервическую попытку прочистить горло перед началом беседы. Мы прозвали его Меченый из-за ободранной на руке шкуры».

А помимо собственной встречи со снежным человеком ученый описала и другие случаи, рассказанные очевидцами. Например, Вячеслав Ковалев описывает происходившее в августе 1988 года в европейском Заполярье России так:

«Мы встречались с ним часто. Иногда защищаться от него приходилось всерьез. Видимо, чем-то обидели его люди. Убегая от него, мы заскакивали в избушку и запирали за собой дверь, а он дергал ее снаружи. Но однажды он вырвал дверь у меня из рук. Я так испугался, что бросился в избу и забился под лавку. Афоня (так мы его называли за глаза) за мной не пошел. Он прыгнул с крыльца, обошел избу и сильно стукнул как раз напротив того места, где я прятался. Знаю, мол, где ты».

Есть в записях Майи Быковой и воспоминания жителя Ивана Копьева из таежного селения в районе Среднего Урала. Он встретил снежного человека в 1922 году еще будучи мальчишкой.

«Поднялась яркая луна. И вдруг мы все увидели, что на другой стороне озера шириной метров 200 показалась вроде как голова исполина. И поднялся он так, что видно его было до пояса. Рук не рассмотреть. И стоит огромный человек и в нашу сторону смотрит. А через некоторое время куда-то все потерялось. Старики начали нас ругать: «Вы тут баловали-баловали — лесной и показался нам».

Кто-то может подвергнуть эти записи сомнению за то, что они собраны и обработаны одним человеком, а значит, могли быть приведены к общей оценке, созданию одинакового образа.

Что это? Как совместить мои детские воспоминания о странном мохнатом босоногом госте с описанными недавними встречами? Ведь между ними около трех десятков лет и тысячи километров расстояний? Или эти загадочные существа живут в разных местах, но везде одинаково осторожны, что предпочитают не попадаться лишний раз на глаза нам, считающим

себя царями природы? Как им удалось до сих пор ни разу не попасть на мушку ни одному даже самому ловкому и удачливому охотнику? Ведь произойди такое, о своей диковинной добыче тот бы непременно рассказал если не всему миру, то хотя бы своим близким.

Или все эти рассказы — плод человеческих фантазий? И мои детские воспоминания тоже не больше, чем химера, какое-то «наваждение»? И в таком случае ученые не спешат представить доказательства действительного существования этих человекообразных двуногих лишь за их неимением? Почему ни одна экспедиция не сделала ни единого фотоснимка, не сняла ни метра видеозаписи?

Их нет, этих доказательств, или они держатся в тайне? В тайне от кого? От тех «новых русских исследователей», которые уже снаряжают в разные регионы, в том числе и в Тюменскую область, собственные экспедиции для поимки «снежного человека», чтобы пригласить потом домой богатых гостей полюбоваться на диковинку в клетке? Или если не удастся отловить, то хотя бы снять с убитого шкуру и изготовить чучело для шикарной гостиной?

Если секреты существуют и сохраняются в тайне от них, то аргумент — резонный. Но почему бы и не приоткрыть завесу тайны, которая манит ничуть не меньше, чем рассказы о посещении нашего общества инопланетянами? Ну что же, подождем, когда ученые найдут особенный инструмент для изучения загадочного явления и авторитетно скажут: мифы и выдумки бытуют в этих краях о загадочном существе или действительно живут рядом с человеком йети, способные сохранять себя как вид в жесточайших климатических условиях.

СЛЕДЫ НЕВЕДОМЫХ ЗВЕРЕЙ

В Ямало-Ненецком автономном округе за последние годы найдено несколько мамонтов.

МЕНЮ ДЛЯ МАМОНТА

Гыданский полуостров находится в непосредственной близости от Ледовитого океана, на сотни верст тут нет населенных пунктов, и только оленеводы со своими стадами да самые выносливые охотники нарушают тишину этих краев. А во многих местах человек не бывал годами. Именно там и открываются древние тайны территории, некогда густонаселенной разными доисторическими животными.

Вот и местный охотник Степан Яптунай во время охоты на самой северной оконечности полуострова неожиданно набрел на вытаявшую из вечной мерзлоты тушу мамонта. Зоркий глаз промысловика издали заметил торчащий из земли предмет. Этим предметом оказался бивень доисторического животного. Вместе с бивнем вытаяла и часть туши.

Охотник в силу природной сметки и рачительности просто не мог уйти без добычи, поскольку тундра не часто балует своими дарами. Подручными средствами он откопал часть туши, прибрал бивень, а из толстой шкуры животного вырезал ремни для оленьей упряжки.

Через некоторое время он сообщил о своей находке властям, те, в свою очередь, передали информацию дальше. Вскоре сведения дошли и до ученых Уральского отделения РАН. Но о том, чтобы вывезти огромную тушу с далекого побережья, откуда по прямой до Салехарда чуть не тысяча километров, не могло быть и речи, потому что аренда вертолета обошлась бы в огромную сумму, которой у ученых просто нет.

С момента находки прошло целых пять лет, прежде чем ученым удалось вывезти остатки мамонта в Салехард. Именно там и занялись исследованиями. Как говорит заведующий музеем института экологии растений и животных Уральского отделения РАН Павел Косинцев, уникальность гыданской находки определяется сразу по нескольким параметрам. Первое — это то, что найден полный скелет. Вечная мерзлота сохранила и очень крупный фрагмент ноги животного, хорошо сохранился большой кусок шкуры, волосяной покров и, самое главное, — часть вну-

тренних органов. Такие комплексные по разнообразию находки крайне редки в мире.

По ним ученые утверждают, что мамонт мог умереть от чего угодно, но только не от голода, ибо его желудок оказался наполненнымещене переварившейся пищей. Значит, территория нынешней тундры 10 тысяч лет назад, когда по ней гуляли мамонты, была богата разной растительностью.

Судя по тому, что на теле животного, возраст которого ученые определяют от 30 до 40 лет, не найдено смертельно опасных травм, а найдены останки практически на ровном месте, то можно предположить, что животное не стало предметом охоты человека или крупного зверя.

Павел Косинцев рассказывает: «Мы провели предварительные исследования содержимого кишечника на наличие паразитических червей и нашли останки таких червей. Насколько я знаю, подобных находок в мире еще не было». Вот в этом заключается сенсация гыданской находки, позволяющая узнать, что входило в меню доисторического животного, и что уже тогда в организме млекопитающих водились разные паразиты.

Особенность ямальской находки заключается еще и в том, что кости скелета сохранились в анатомическом порядке. В мире было всего чуть больше десяти подобных находок. На мировом рынке собранный из останков разных животных скелет стоит 100 тысяч долларов. Мамонт из Гыданской тундры уже сейчас специалисты оценивают примерно в миллион.

Но не в долларовом исчислении его ценность. Находка позволяет ученым заглянуть на 10 тысяч лет назад и еще на шаг приблизиться к тайне причин вымирания мамонтов. Специалисты предполагают, что этот найденный самец страдал тяжелой формой какого-то заболевания.

После реконструкции скелета он останется в салехардском музее для изучения анатомии мамонта. Он украсит музейную экспозицию, встав рядом с легендарной Машей, которую до нынешнего года ученые называли самым знаменитым ямальским мамонтом. Детеныша нашли еще в 1998 году в 25 км от устья реки Юрибетеяха. Тогда специалисты установили, что малышу было не более 4 месяцев и питался он еще только молоком матери. Ямальский мамонтенок был доставлен в Санкт-Петербургский зоологический музей для изучения, где и находится поныне, а в Салехарде стоит его мастерски выполненная копия.

Ученые намереваются провести обследование местности, где Степан Яптунай нашел этого мамонта, потому что в этих краях раньше было найдено еще два скелета доисторического живот-

ного. Причем и те находки, и отыскавшиеся в этих местах кости овцебыков не были случайными, иначе не носил бы расположенный рядом полуостров название Мамонтовый. Павел Косинцев считает, что необходимо произвести детальную разведку всего Гыданского полуострова, так как, по словам местных жителей, на морском побережье есть целое кладбище вымерших гигантских животных. На Севере с его вечной мерзлотой природа создала очень благоприятные условия для сохранения мамонтов и других древних животных, населявших эти края десятки тысяч лет назад.

КЛОНИРОВАТЬ МАМОНТА

Ученые заговорили о возможности оживления древних животных планеты.

Разговоры эти активно начались как раз в то время, когда устремились жители России обсуждать символ Олимпиады в Сочи и начали предлагать сменить Мишку из восьмидесятого года мамонтом для 2014. Ученые же, озабоченные своими, а не олимпийскими, глобальными исследованиями и разработками, заговорили о появлении не рисованного, а самого настоящего мамонте, которого можно попытаться клонировать.

И тема эта возникла хотя и одновременно с созданием олимпийского символа, но была вызвана не увлечением спортом, а появлением найденного как раз в это самое время на Ямале мамонтенка, которого окрестили Любой. Одни говорят, в честь жены нашедшего его оленевода, другие, что из-за особой любви к этой находке, поскольку останки мамонтенка оказались самыми целыми из всех до сих пор известных в мире. У погибшей около 10 тысяч лет назад шестимесячной самки целиком сохранились глаза, хобот, частично — волосяной покров.

Большинство из нас считает, что эти вымершие в древности травоядные были диковинных размеров. А причиной такого заблуждения стали огромные бивни, что еще и теперь нередко находят в той же Тюменской области даже на самом ее юге, недалеко от казахских степей.

Действительно, найденный в окрестностях Тюмени сто лет назад скелет мамонта, что украшает теперь местный краеведческий музей, внушает своей статью. Солидным оказался и доставленный пару лет назад из Ямальской тундры, неподалеку от Таймыра, хорошо сохранившийся мамонт, которого вечная мерзлота хранила-хранила тысячи лет, а потом взяла и явила миру, выставив на обозрение его вытаявший бок с густой шерстью и толстой шкурой.

Однако огромными их можно назвать чисто условно. Смотри с чем сравнивать. Если с оленем, то да, а если с дожившими до наших дней слонами, то, например, те, что живут на острове Суматра, ничуть не меньше сибирских мамонтов. К примеру, шестимесячная Люба при росте в холке 130 сантиметров весит всего 50 килограммов. В этом возрасте бычки обычной коровы тянут раза в два-три больше. Может быть, правда мамонты росли много медленнее нынешних парнокопытных или носителей бивней из наших дней?

Но суть не в этом, а в том, что мамонты, возможно, снова появятся на нашей планете в качестве реальных ее жителей. Но сначала — более подробно о Любе и ее найденных собратьях. Любу обнаружил в мае ямальский оленевод Юрий Худий на берегу небольшой речки Юрибей. То ли вечная мерзлота с годами подтаяла, то ли вода берег подмыла, но часть останков оказалась на поверхности.

В отличие от своего земляка, который несколько лет назад обнаружил взрослого мамонта близ Таймыра и сначала вырезал из его шкуры ремни для оленьей упряжки, а уже потом при случае сообщил ученым о своей находке, Юрий тут же проделал путь в сто с лишним километров до ближайшего населенного пункта, откуда вертолетом добрался до райцентра и подробно рассказал о пришельце из древности.

Вскоре Любу ученые доставили в Салехард. Первые обмеры и оценку состояния останков произвел работавший и с прежними ямальскими находками екатеринбургский палеонтолог Павел Косинцев, заведующий музеем Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН. Затем в столице автономного округа собрались ученые международной группы экспертов. Проработав целую неделю, эксперты подтвердили абсолютную уникальность ямальской находки и выработали план комплексных мероприятий по ее хранению, экспонированию, информационному сопровождению и популяризации.

Сразу же была разработана программа научных исследований, на нынешнюю осень запланирована экспедиция на место находки для его описания и сбора образцов. Принято решение, что сначала Любашу перевезут в Токийский университет, где команда экспертов под руководством профессора Наоки Судзуки проведет его детальное обследование. Этим намеченным исследованиям мог бы позавидовать любой пациент с миллиардным состоянием, пекущийся о собственном здоровье. Это будут морфологические исследования и томография внутренних органов (трехмерное просвечивание), лабораторные гистологические, цитологические, молекулярно-генетические исследования остан-

ков, радиоуглеродный, изотопный и микроэлементный анализы полученных в результате экспедиции проб почвы с места находки, морфологические исследования внешнего облика мамонтенка и еще многое-многое другое.

В принятом властями автономного округа документе отмечено, что результаты исследований мамонтенка Любы позволят разработать научно обоснованные современные методики хранения и экспонирования находки, понять причины вымирания мамонтов, изменения климата и ландшафтов в прошлом и обеспечить их прогнозирование в будущем.

Ямал, в очередной раз став центром мировой сенсации, принимает все меры для содействия ученым. Администрация ЯНАО взяла на себя основную координирующую роль в организации работы по реализации всего проекта.

Редчайшую находку уже изучали исполнительный директор Международного мамонтового комитета Бернард Бюиг из Франции, ученый секретарь Мамонтового комитета РФ Алексей Тихонов, заместитель директора зоологического института, профессор Мичиганского университета, заведующий музеем палеонтологии (г. Анн-Арбор, штат Мичиган, США) Дэниэл Фишер и многие другие зарубежные и российские ученые.

Сегодня об этой ямальской находке рассказывают по всему миру, ее комментируют практически все ведущие средства массовой информации. К примеру, Би-Би-Си приводит слова директора отдела мамонтов исследовательского центра в Хот-Спрингс из Южной Дакоты Ларри Эгенброда, который утверждает, что ученым известно лишь три экземпляра останков маленьких мамонтов. Обнаружить их в любом состоянии — уже величайшая удача. Напомним, что ямальская Любаша сохранилась, можно сказать, в идеальном состоянии, так же, как и ее предшественник, из шкуры которого была сделана упряжка. У того до наших дней дошло даже содержимое желудка, ставшее предметом пристального изучения исследователей самых разных областей науки от ботаников (а что в те далекие годы росло на территории нынешнего Крайнего Севера?) до паразитологов (какие же микробы, бактерии и паразиты водились в те незапамятные времена?).

Но мы опять отклонились от Любы.

— Этот мамонт не имеет никаких внешних повреждений, если не считать того, что кто-то откусил ему хвост, — говорит заместитель директора Института зоологии Российской Академии наук Алексей Тихонов. — С учетом степени сохранности это самая ценная находка такого рода в мире.

Поэтому не случайно именно Любаша и дала толчок разговорам о возможности возрождения мамонтов путем клонирования. Справедливости ради следует отметить, что о клонировании речь шла среди ученых и раньше. Некоторые специалисты верят, что если удастся найти замороженную сперму или другие хорошо сохранившиеся клетки, содержащие ДНК мамонта, вид можно будет вернуть к жизни. Доктор Эгенброд, которого считают главным энтузиастом идеи, говорит, что когда они с коллегами изучали найденного 30 лет назад на Таймыре взрослого мамонта, получившего название мамонт Яркова, генетики говорили ему: «Достаньте нам качественную ДНК, и мы через 22 месяца представим вам мамонтенка». Но мамонт Яркова не дал ДНК нужного качества, и тем не менее многие исследователи убеждены, что обнаружение подходящих останков на просторах Сибири — лишь вопрос времени.

Одним из вариантов возрождения на сибирских просторах мамонтов они предлагают возможность введения размороженной спермы в яйцеклетку азиатской слониhi. Но в этом случае на свет должен появиться все же не совсем настоящий представитель древнего животного мира, а некий гибрид. Получить настоящего мамонтенка можно в том случае, если предварительно очистить яйцеклетку слониhi от ее собственной ДНК.

Мамонты впервые появились на Земле чуть ли не пять миллионов лет назад и жили очень долго. Достоверно известно, что последнее стадо этих животных обитало на острове Врангеля не более 5 тысяч лет назад. Именно тогда в Египте строились дошедшие до наших дней пирамиды и знаменитый Сфинкс.

Если вдруг природа явит нам новых мамонтов, которых бережно хранила в своих недрах тысячи лет, и если эти находки окажутся хорошо сохранившимися, и если ученым действительно удастся получить из них необходимый для клонирования материал, мы действительно можем стать свидетелями необычного эксперимента, когда к Сочинской олимпиаде—2014 мамонт появится не только на картинках, а подобно овечкам Долли будет величественно разгуливать в вольере какой-нибудь научной лаборатории. Вот только немного смущают эти многочисленные «если», но так хочется верить в чудо!

МЫ ЖИВЕМ В СЕРЕДИНЕ ЗИМЫ

*Теплая зима и ранняя весна
вновь пробудили интерес к про-
блеме глобального потепления.*

Прогнозы грядущего Всемирного потопа из-за таяния льдов стали делать даже ученые, а некоторые из них заговорили о затоплении Санкт-Петербурга и части территории Западной Сибири. Чтобы прояснить ситуацию, мне пришлось встретиться с главным специалистом России в этой области, ученым, которого признает в качестве одного из самых авторитетных мерзловедов мировое научное сообщество, академиком РАН Владимиром Мельниковым.

Доктор геолого-минералогических наук, профессор, заведующий кафедрой криологии, директор института криологии Земли СО РАН, председатель Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН — это лишь малая часть степеней, званий, должностей Владимира Павловича. Он участвует в работе координационных и научных советов РАН, совета РАН по наукам о Земле, научного совета РАН по изучению Арктики и Антарктиды, является членом общественной палаты РФ, членом Королевской академии наук Бельгии, председательствует в различных общественных и научных сообществах. А еще — всю жизнь занимается изучением мерзлоты, став продолжателем дела своего отца, тоже академика РАН.

Владимир Павлович родился в Москве, но много лет прожил в Якутии, поэтому с вечной мерзлотой знаком не из учебников и научных статей. Являясь признанным специалистом в области геокриологии, геофизики, экологии криосферы Земли, написал около двухсот научных работ, в том числе более десятка монографий, имеет свыше двадцати авторских свидетельств и патентов. И на основе своего богатого опыта прогнозы метеорологов о предстоящем потеплении в среднем от 3 до 5 градусов считает утопией.

ЭТО ПРОСТО ОБЫЧНЫЙ ЦИКЛ

— У климата есть циклы, — начинает разъяснять Владимир Мельников. — С начала прошлого века и до Второй мировой войны было потепление Арктики, пик пришелся на 35-42 годы. А потом начался очень серьезный цикл похолодания, и длился он

до 1975-76 года. Потом опять начался цикл потепления. И вот конце похолодания в свет вышла книга очень серьезного ученого, в которой он утверждал: следующий ледниковый период уже наступил, и задавался вопросом, а сможет ли человечество этот период пережить.

Та книга многих в Америке встревожила. Те люди, что жили в Калифорнии, почувствовали, что действительно больше стало туманов, больше дождей, и начали переезжать в штаты с более благоприятным на то время климатом. Но тут началось потепление. И ученые опять откликнулись на этот цикл своими прогнозами. Нередко — даже устрашающими. Не удержался от ужасных предсказаний даже лауреат Нобелевской премии Альберт Гор, выпустив толстенный фолиант «Неудобная правда, или Глобальное потепление и как остановить планетарную катастрофу?».

И если внимательно проследить эти высказанные в разные годы прогнозы, то получится, что одна книга одного видного ученого предсказывает мировую катастрофу, связанную с глобальным похолоданием, а другая — катастрофу, но уже связанную с глобальным потеплением.

Мельников и его единомышленники считают, что в настоящее время происходит самый обычный цикл, связанный с потеплением, которое должно смениться похолоданием. Это потепление идет с 1975 года и вот-вот закончится.

— По нашим прогнозам, — говорит академик Мельников, — это потепление вскоре закончится и начнется резкое похолодание, а к концу XXI века ожидается очередное потепление, еще более сильное, чем сейчас.

Расхождения в прогнозах Владимир Мельников объясняет тем, что многие прогнозы составляются на основе моделей, а они не совершенны, поскольку не имеют достаточно точной информации. Сам же он и его единомышленники опираются в своих расчетах на многолетние, даже многовековые наблюдения.

— В летописях и различных источниках, в том числе рисунках на стенах пещер, — продолжает рассказывать академик Мельников, — имеется информация, которая помогает установить, что же на планете происходило раньше. На основе этих документальных свидетельств мы знаем, что был малый ледниковый период с XIV века до наполеоновской войны, великая смута в России тоже была приурочена к резкому похолоданию. Есть очень интересные работы по галактическим циклам, и они говорят, что мы сейчас находимся в условиях галактической зимы, которая длится 35 миллионов лет. Так что до галактической весны нам еще очень и очень далеко, а поэтому о возвращении климата к временам динозавров мечтать пока не приходится. 10-11

тысяч лет назад был ледниковый период. Потом на планете на 2-3 градуса потеплело, и мы теперь находимся в межледниковом периоде. История утверждает, что катаклизмы природы, которые мы наблюдаем в последние годы, как раз и происходят в такие межледниковые периоды. Это увеличение количества штормов, это цунами и торнадо, землетрясения и тому подобное. Это как раз признаки перехода от одного периода к другому. Это как раз есть еще одно свидетельство того, что мы приближаемся к другому циклу.

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

Свои объяснения происходящего на Земле академик Мельников сопровождает демонстрацией различных книг и показывает еще одну. Называется она «Ледовое побоище» и описывает ситуацию, что развернулась в мире вокруг Северного Ледовитого океана. Всем хорошо известно, какие богатые запасы углеводородного сырья обнаружены в Арктике. Северный Ледовитый океан оказался самым богатым на углеводородные ресурсы. А использовать их хотят все, даже те страны, которые расположены от берегов океана на многие тысячи километров.

Когда известный полярник Артур Чилингаров с командой во время недавней экспедиции спустился на Северном полюсе на дно, это вызвало в мире очень бурную реакцию. И хотя это погружение было больше символическим, заговорили, что русские снова захватывают территории. Правда, экспедиция сделала заявление, что подняты образцы грунта, и эти образцы подтверждают, что хребет Ломоносова является продолжением нашего континента.

— Это открытие, — продолжает Владимир Мельников, — вызвало огромный резонанс в мире, поскольку продолжается раздел территории океана, ведь в 1982 году вступили в силу положения конвенции по морскому праву о 200-мильной зоне прибрежных государств. Поэтому нам выгодно показать, что хребет Ломоносова действительно является продолжением нашей континентальной части, а значит, мы имеем больше прав на добычу полезных ископаемых. Американцы в эту конвенцию тогда не вошли, но обнаруженные огромные запасы углеводородного сырья их тоже подталкивают к вступлению. А остальные государства более цивилизованно делят эту территорию. Россия подала заявку со своими обоснованиями и правами, в первый раз заявка не прошла, теперь запрос сделан повторно. И надо сказать, что обоснованность наших притязаний исследуют многие институты мира. У нас претензии дей-

ствительно большие. Мы надеемся увеличить свои территории на 1 миллион 200 тысяч квадратных километров. Американцы тоже устремились, но у них в Арктике нет таких секторов, как у Норвегии, Дании, Канады, России, и в этом случае они лишаются права на владение секторами хозяйствования в арктической зоне, поскольку и Аляска в эту зону практически не входит, лишь чуть-чуть к ней примыкая. Строение дна там совершенно другое, но американцы доказывают, что они имеют на арктические территории больше прав, чем сегодня.

ТАЙНЫ ДОИСТОРИЧЕСКОГО МИРА

Антарктида, по словам академика Мельникова, пока вне подобных притязаний, хотя Америка там присутствует очень мощно. А наше присутствие в Антарктиде приходится на самые суровые ее территории, в том числе и полюс холода, где температура опускается до минус 80 градусов. Но наши ученые в 1957 году открыли под толщей льда в три с половиной километра очень большое озеро Восток. Теперь это подтверждено уже и американцами, с применением космической техники. Там бурится скважина, осталось пройти буквально несколько десятков метров, но работа приостановлена. Причин тому несколько. Одни ученые боятся, что мы при бурении внесем свои бактерии в ту среду, которая представляет огромный интерес для науки, поскольку хранит загадки 30 миллионов лет, другие вполне обоснованно встревожены, что там могут быть неизвестные миру бактерии, которые могут нести угрозу существующей цивилизации.

Но наряду с возможной угрозой то антарктическое озеро может представлять для человечества и огромную пользу. Так, несколько лет назад сотрудники Тюменского института криологии Земли и кафедры криологии Тюменского нефтегазового университета обнаружили в толщах вечной мерзлоты в Якутии простейшие микроорганизмы и начали с ними работать.

— Из древних пород мы взяли пробы, — рассказывает Владимир Павлович, — обнаружили там ранее неизвестные науке бактерии, которые оказались жизнеспособными. Если бактерии столь долгое время сохраняли свою жизнеспособность, значит, существуют какие-то механизмы поддержания этой жизнеспособности. Сейчас наши умы направлены на поиск этих механизмов. Как всегда, опыты начинаются с простейших. Вот и мы начали испытывать эти бактерии на инфузориях, на мышах, начиная подпитывать их организмы. Нам удалось продлить жизнь мышам на 20-30 процентов.

— До этого, — продолжает академик, — мы совместно с новосибирскими учеными детально изучали проблему стволо-

вых клеток и дошли до очень серьезных результатов. Обнаружили антибактериальные свойства клеток, и теперь, используя их, можно лечить такие раны, какие раньше даже теоретически предполагать не могли. Теперь при помощи стволовых клеток это уже делается. Мы создали гели, мази, то есть лекарства на основе стволовых клеток, которые успешно применяются. И, естественно, захотели посмотреть, а не обладают ли такими же свойствами древние бактерии. И что вы думаете? Оказалось, что они имеют почти такие же свойства. Нас это обнадежило, хотя мы взяли для изучения всего лишь одну бактерию. А сколько их может быть всего, и сколько еще таких тайн хранится в той же вечной мерзлоте? Мы взяли только одну бактерию, только в одной точке. А ведь только в нашей стране территория на 65 процентов покрыта вечной мерзлотой. И везде есть свои условия, так что в этом направлении все открытия еще впереди.

Однако наряду с сулящими миру продление жизни и лечение ран бактериями одновременно с потеплением климата возникает и реальная проблема вытаявания древней биоты. Ведь за последние годы оттаяло около полутора миллионов квадратных метров льда, а вместе с тем на север уже на десятки километров отодвигается и граница вечной мерзлоты. Что она столетиями хранила в себе? Сколько на протяжении истории человечества было во время эпидемий захоронений, подобных тобольскому скотомогильнику со спорами сибирской язвы? И если все это оттаяет, то это явно потребует определенных мер безопасности.

СТАЛИ ПРИСЛУШИВАТЬСЯ

Владимир Мельников утверждает, что в последнее время ученых стали слушать.

— То, что происходит в период потепления в континентальной части, ни пером описать, ни словами сказать, — возмущается академик. — Период потепления в связи с тем, что российский север содержит 75 процентов природных богатств, совпал с резким увеличением натиска на природу Арктики, на побережье. Поскольку газ теперь добывать планируется в шельфовой зоне, мы бьем тревогу. Сегодня резко устарели строительные нормы и для строительства трубопроводов, и для гражданских и промышленных сооружений. А те институты, которые за это отвечали, или просто исчезли, или сохранили только вывески. Исчез практически и Госстрой, который отвечал за политику в строительстве. И по существу нет того органа, который бы контролировал, а как же ведется строительство. Особенно — в северных широтах с их спецификой. В своем докладе на форуме я как раз и показывал страшилки, что существуют практически

по всей территории Арктической зоны, там, где есть какие-то сооружения, есть нарушения. Они идут от экономии на изысканиях, от того, что в тендерах выигрывают организации, которые не имеют никакого опыта работы и даже представления о работе в условиях вечной мерзлоты. И потом мы на этом теряем колоссальные ресурсы.

Мельников приводит пример, который озвучил и на недавнем представительном форуме с участием президента, это Норильский промышленный район, где с 1990 по 2000 год было снесено около 300 зданий в результате растепления оснований.

— А ведь Норильск — это была гордость наших ученых, — продолжает академик. — В 40-х годах там были начаты разработки строительства в условиях вечной мерзлоты, когда начал меняться менталитет ученых, что мерзлота не враг, а криогенный ресурс, который может использоваться в интересах человечества. А сегодня везде, где есть трубопроводы, есть факты их всплытия. Причем даже на новых участках. А это примеры того, как нельзя было строить. На конференции обсуждали вопрос: соперничать или сотрудничать в Арктике. И конференция однозначно ответила: «Сотрудничать!». Даже исследования Арктики нам самим сегодня не по силам. И чем активнее будем сотрудничать, тем меньше будет спорных вопросов.

«МЕРСЕДЕС» НА ЛАДОНИ

*В древней столице Сибири —
Тобольске, сохранен и разви-
вается косторезный промысел.*

— Ой, это получается, что у меня на ладонях «Мерседес»? — восторженно проворковала молодая коллега, узнав, что держит в руках изделие, равное по цене престижной иномарке.

— Дороже, потому что это не конвейерное производство, а штучное. К тому же сделано из материала, которому двести пятьдесят тысяч лет, — снисходительно поясняет директор Тобольской фабрики художественных косторезных изделий Александр Хурсан, бережно берет из рук девушки уникальное, удивительной красоты изделие, выполненное по заказу престижного банка, и ставит его в шкаф.

— Вообще подобные дорогие работы мы делаем не часто, — поясняет главный художник фабрики Алексей Кугаевский.

Большей частью с фабрики идет так называемый ширпотреб, выполненный из костей коров с местного мясокомбината да из оленьих рогов, которые довольно часто находят в окрестных лесах грибники и ягодники. Многокомпозиционные изделия из этих материалов оцениваются в зависимости от сложности работы в несколько тысяч рублей. При этом есть и совсем недорогие сувениры — броши, заколки, различные украшения стоимостью в несколько сотен рублей.

Но уникальное предприятие с торговой маркой в виде силуэта мамонта ценно не подобными сувенирными поделками, а настоящими шедеврами косторезного искусства, изделиями, выполненными из бивня мамонта, из костей слона, жившего в Сибири еще раньше. Алексей Кугаевский берет со своего рабочего стола увесистую глыбу темного цвета, похожую на крупный булыжник. Оказывается, это зуб того самого слона, населявшего здешние места несколько сотен тысяч лет назад.

Точно такие же зубы хранятся в качестве поделочного материала и в мастерской известного костореза Минсалима Темиргазеева. У него собственная небольшая мастерская, в которой тоже выполняются не похожие одна на другую поделки для недорогих подарков. Но сам Минсалим больше склонен к творчеству с глубоким философским смыслом. На не-

давной персональной выставке в Тюмени он увлекательно рассказывал о некоторых своих больших работах, отображающих сложность многоукладного мирознания, заложенного в легендах и мифах финно-угорских народов, издревле населяющих северную часть необъятной Сибири.

Своим основным ассортиментом тобольская резная кость во многом схожа с японскими нэцке, имея с ними примерно одного стандарта пластику и размеры. Некоторые утверждают, что тобольские косторезы подошли к признанному в мире эталону чисто интуитивно, поскольку специальной школы резьбы не существует. Другие поговаривают о некоем не изученном пока взаимопроникновении культур, которое на расстоянии в тысячи километров имеет одни и те же стандарты. Однако тобольские косторезы отрицают, что этот промысел их далекие предки у кого-то заимствовали, хотя признают большое влияние на развитие производства того, что Тобольск многие годы был центром пересечения торговых путей из Европы в Азию. Утверждается, что первые станки, позволившие повысить производительность труда мастеров, привезли сюда из Санкт-Петербурга. Известен также факт, что уникальным промыслом увлекался и великий российский реформатор Петр Первый. На косторезной фабрике утверждают, что его любительски выполненные поделки довольно высоки по уровню мастерства.

— Мы бы Петра Первого к себе на работу по третьему разряду оформили, — шутит директор Александр Хурсан.

Вообще же случайных людей на фабрике, где работает более пятидесяти мастеров, практически нет. Здесь много династий, поскольку утверждается, что, как в любом подобном деле, мастерство косторезов передается в основном из поколения в поколение, а не приобретается в каких-то профессиональных училищах. Даже сам главный художник фабрики специального высшего художественного образования не имеет.

Бивни мамонта и зубы слона по большей части поступают в Тобольск с Ямала и из Ханты-Мансийского автономного округа, нередко находят древние кости и в отвалах полноводного Иртыша, что каждую весну обнажает приливами новые и новые пласты своего высокого правого берега. Есть сведения, что за двести лет Сибирь поставила на мировой рынок более 60 тысяч бивней мамонта, а в XIX веке ежегодно только на Новосибирских островах добывалось от 8 до 20 тонн мамонтовых бивней.

Запасы ископаемых костей, надо думать, не закончились, просто занятые их добычей люди стараются подороже сбы-

вать свои находки нелегальным скупщикам для перепродажи за границу, где бивни ценятся во много раз выше. Но даже того, что поступает, тобольским косторезам достаточно для изготовления прекрасных шедевров, достойно занимающих место в самых престижных музеях мира, выставляемых на знаменитых экспозициях и ярмарках. Главное, что промысел жив и продолжает радовать своим уникальным мастерством, которое лучше один раз увидеть, чем раз прочитать о нем даже десяток самых восторженных отзывов.

УРОКИ ТРЕЗВОСТИ В МУЗЕЕ ВИНОКУРЕНИЯ

Получить уроки культурного потребления алкогольных напитков можно в музее истории сибирского винокурения, что открылся в уходящем году в Тюмени.

Идея открыть музей на родине великого химика Дмитрия Менделеева, автора изобретения сорокаградусной, витала уже давно, но все не было людей, которые бы с душой взялись за это дело. Но в уходящем году благодаря объединению усилий нескольких единомышленников удалось планы воплотить в реальность.

Историк, профессор ТюмГУ Александр Ярков и известный краевед Владимир Полищук свою идею создать такой музей предлагали многим. Изначально они видели его в Тобольске, в окрестностях которого родился Дмитрий Менделеев и который с каждым годом привлекает все больше туристов. Энтузиасты упирали на то, что в столице свободных нравов Амстердаме есть музей водки, и он пользуется большой популярностью. Так почему бы не создать такой в бывшей сибирской столице в качестве одного из туристических брендов, тем более что народная молва этот наш национальный напиток прочно связывает с именем нашего же земляка, великого химика? В конце концов познакомились одержимые идеей люди с человеком, который уже полтора десятка лет принципиально не употребляет спиртного, но зато возглавляет предприятие по его производству. Александр Гаркуша, генеральный директор компании «Бенат» за интересное предложение ухватился, и когда предприятие стало перебираться из тесных помещений в центре города на его окраину, выстроив там современные цеха и отреставрировав старинное здание мельницы, музей был создан. И что интересно, появился он в одном из помещений бывшего винокуренного завода Тарковского, который работал еще сто лет назад.

И вот тут самое время назвать человека, который интересную идею воплотил в жизнь. Это Евгений Овечко. И, конечно же, не в одиночку. Самым главным его соавтором по созданию экспозиций стала Юлия Соловьева.

Евгений Тимофеевич в свое время много лет возглавлял областное управление пищевой промышленности, в ведении которого находились и все винзаводы области, так что и про-

изводство, и историю этого дела знает отлично. Но и этого было бы недостаточно, если бы он не был таким увлеченным человеком. Новоиспеченный директор нового музея, под который Александр Гаркуша отвел просторные залы на одном из этажей бывшей мельницы, где теперь располагаются лаборатория и административные службы компании, за дело взялся с присущей ему энергией. Помимо того, что уже знал раньше, начал серьезно заниматься историей и докопался до великого множества интересных фактов.

Их Евгений Тимофеевич, который и внешне, и особенно по неумности характера и подвижности выглядит лет на 10 моложе своих лет, приводит в ходе экскурсии, что может длиться и два часа, и больше — было бы у посетителей время да интерес к теме. Но начинает экскурсию рассказчик с высказанной пять веков назад мудрости «Лишь мера определяет, быть веществу полезным или вредным».

Этот девиз красуется на стене еще перед входом в залы музея. И тут же — цитата из Евангелия от Луки: «Не говорю: не следует пить, такого не надо, но говорю: не упивайтесь до пьяна пьяными. Я дара божьего не порицаю, но порицаю тех, кто пьет без удержу».

Евгений Тимофеевич поясняет про дар божий так: с самого раннего существования человечества Бог, природа подарили процесс брожения. Например, забродивший мед дал медовуху, из кислого молока получился арак и кумыс, виноград породил вино, зерновое производство дало древним эль, то есть пиво. Так что слабоалкогольные напитки существовали тысячелетия назад. Еще много лет назад говорили, что при потреблении алкоголя в организм входит божественный огонь, но при нарушении грани человек теряет свой человеческий облик. И в православной Руси, и в католической Европе крупными производителями вина были монастыри. Вино имеет немало полезных свойств: в том числе для профилактики инфарктов и раковых опухолей, выводит из организма радиацию, снимает стресс, поднимает дух.

Евгений Тимофеевич говорит, что и он сам в младенчестве выжил исключительно благодаря кагору. Он заболел корью и был уже на грани смерти, когда применили старинные народные рецепты с использованием церковного вина и вернули его в этот мир.

Это о пользе. И когда ярые сторонники трезвого образа жизни слышат такое, начинают возмущаться. Мол, вы тут занимаетесь пропагандой пьянства. Директор музея охотно вступает в дискуссию и выходит из нее победителем. А все

потому, что знает куда как больше многих ревнителю трезвости.

Евгений Тимофеевич, когда говорят, что русские пришли в Сибирь и споили местное население, напоминает, что задолго до прихода казаков за Уралом и у степняков был в ходу слабоалкогольный напиток под названием буза. Кстати, не отсюда ли пошло и широко известное — бузить, то есть буянить после чрезмерного возлияния?

Развеивает Евгений Тимофеевич и еще один миф. О том, что русские пьют больше всех в мире. Статистика упрямо утверждает, что до мирового лидерства по потреблению алкоголя нам ой как далеко! Другое дело, что в Европе давным-давно воспитана культура потребления. У нас же, можно смело утверждать, просто-напросто не существует даже ее зачатков.

История показала, что бороться с пьянством надо не запретами, а воспитанием культуры потребления. Не прижился в свое время «сухой закон» в Соединенных Штатах, пришлось отменить его в Финляндии, в других странах, которые пошли было по этому пути. Наши современники хорошо помнят безуспешные попытки Михаила Горбачева и Егора Лигачева враз сделать страну трезвой. Под корень вырубались виноградники, закрывались заводы, вводились талоны, зато невиданный размах получило самогонование, а самые неприхотливые стали пить все, от средств для мытья стекол до тормозной жидкости. В эти же годы на смену алкоголизму пришла куда более страшная беда — наркомания.

Есть в музее такие цифры. В нашей стране в 1990 году, к концу горбачевской кампании, бесславно закончившейся вместе с его правлением, работали 618 водочных заводов, выдавая 122 миллиона декалитров «огненной воды», в 2006 году осталось только 362. Зато алкоголя было продано в розничной сети почти вдвое больше, чем официально сошло с конвейеров. Просто производство на 60 процентов ушло «в тень».

Много интересного из истории сибирского винокурения нашло отражение на стендах музея. Во время экскурсии Евгений Тимофеевич обращает внимание посетителей на то, что открытые при Петре Первом кабаки через некоторое время потребовали и создания серьезного производства водки. Так, в период с 1740 до 1752 года в Сибири развивалось промышленное винокурение. В эти годы купец Максим Походяшин, известный как владелец медных и железорудных заводов, построил на реке Ук в Падуне винокуренный завод, который действует до настоящего времени. В 70-х годах Походяшин владел уже четырьмя заводами в Сибирской губернии, полу-

чал государственные заказы на поставку спиртного для всей ее территории.

Производство набирало темпы даже несмотря на то, что существовали постоянные проблемы с кадрами. Решали их за счет приписных крестьян, а потом стали использовать на винокурнях каторжан. Казне требовались средства, поэтому директивы из столицы предписывали расширять сеть питейных заведений. Правда, при этом существовали и действенные меры контроля за их деятельностью, а сам кабацкий голова давал клятву, за нарушение заповедей которой мог лишиться места и быть жестоко наказанным.

Распространение пьянства всегда тревожило трезвомыслящую общественность. И когда началась Первая мировая война, тюменцы собрали более ста подписей под обращением к губернатору о запрете торговли спиртным. Власти отреагировали быстро, и 27 августа 1914 года губернатор издал постановление о полном запрете торговли спиртным и пивом до окончания войны во всех местах продажи, включая рестораны 1 класса. Но через некоторое время быстро скудеющая из-за расходов на нужды фронта казна ощутила большие проблемы, и снова, по инициативе уже других жителей города, торговля спиртным была возобновлена. Так что и в царское время, и при советской власти борьба за здоровый образ жизни велась, и велась одинаково — по «инициативе снизу».

Стенды музея, на сбор документов и оформление которого ушло около четырех лет, подробно рассказывают историю винокурения от древности до наших дней. В зале, посвященном современности, выставлены образцы продукции компании «Бенат», дипломы и медали, а их только на престижных выставках получено более двухсот, подробно отражена история завода с фотографиями его лучших людей. Так что этот зал по праву можно назвать и комнатой трудовой славы предприятия, которое тоже вписало немаловажную страницу в историю сибирского винокурения.

Здесь с особой гордостью Евгений Овечко рассказывает, что в настоящее время «Бенат» является одним из ведущих производителей ликеро-водочных изделий в области, оснащен самым современным оборудованием, использует все появляющиеся в отрасли мировые технологические новинки. Продукция изготавливается из высококачественного натурального сырья по оригинальной рецептуре, а потому всегда достойно представляет предприятие и область на всевозможных, в том числе самых престижных международных выставках в России и за границей.

Но к этим успехам был долгий и трудный путь почти в 60 лет. Тогда, осенью 1950 года, пришлось начинать все с нуля. Евгений Тимофеевич рассказывает это, ссылаясь на воспоминания первого директора завода Ивана Петровича Удальцова. В разных частях города городские власти отвели несколько помещений: под контору, склад, производственный цех. В здании, где размещали поступающее из Омска оборудование, пришлось делать не только перепланировку, но еще и надстройку. Теперь смешно вспоминать, но найденный в п. Андреевском бондарь огромные чаны собирал у себя на огороде.

Вот в таких условиях зарождалась новая для области отрасль. Естественно, что не было и квалифицированных виноделов. Материал завозился из южных краев, но вскоре стали активно использовать и местное сырье. Ездили по деревням и тоннами закупали клюкву и бруснику. Так что нынешняя «клюковка», отмеченная многими медалями, имеет давнюю историю своего рождения.

Но даже и во второй половине 70-х, когда шло интенсивное освоение Севера, население области быстро росло и требовалось больше продукции, трудностей было очень много. Не было складов, и продукцию приходилось хранить под открытым небом, не хватало стеклотары, упаковочного материала, запчастей для ремонта линий розлива. Из-за нехватки рабочих нередко приходилось пользоваться услугами бичей.

Бывший директор Яков Иосифович Агранович вспоминает, что и в зиму 1979-80 гг., когда он возглавил предприятие, оно практически не работало. Цех на ул. Бакинских комиссаров не отапливался, потому что котельная была недостроена и разграблена, а тепло с соседнего предприятия из-за ведомственных распрей подавать перестали. В цехе на ул. Хохрякова работала только одна линия, потому что вторую разобрали на запчасти. И пришлось объявлять аврал. И в марте 1980 года, когда удалось достроить котельную, запустить водопровод и канализацию, предприятие заработало нормально.

Но потом наступили горбачевские времена и вышел знаменитый указ о трезвости. Спиртное запретили разливать, и сотни тонн продукции пришли в негодность. А завод перепрофилировали под выпуск горчицы вместо «горькой», уксуса и майонеза. Технологическое оборудование для производства спиртного разрезали, сдавали в металлолом, в цеха завозили другое.

Новая жизнь, как вспоминает Нина Савицкая, бывший директор завода, началась с приходом с пивоваренного завода

Александра Гаркуши. Этот умный, перспективно мыслящий, грамотный руководитель начал работу с технического перевооружения, формирования отличной команды профессионалов. И завод преобразился, заблистал чистотой, появилось новое технологическое оборудование, которое позволило дать настоящий производственный размах.

Новый этап начался со строительства на ул. Мельничной современного во всех отношениях предприятия.

Примечательно, что даже в последние нелегкие годы реформ и преобразований на заводе практически не было текучести кадров. Более 80 процентов работников трудятся на «Бенате» по много лет. И это при том, что во все времена зарплата в легкой и пищевой промышленности всегда была довольно низкой. Многие отработали на заводе по несколько десятков лет. Их портреты размещены на стендах музея, один из разделов которого можно по праву назвать музеем трудовой славы. Тут портреты Зинаиды Антропьевны Бакустиной, Ольги Ивановны Комиссаровой, Нины Николаевны Савицкой, Светланы Леонидовны Ореховой и других, чей стаж на предприятии более полутора десятка лет, а общий трудовой — близок к полувековому.

И, кстати, на заводе, занятом выпуском алкогольных напитков, практически не бывает случаев пьянства. А сам директор Александр Гаркуша последнюю рюмку выпил 16 лет назад.

ЭКСКУРСИЯ У САМОВАРА

В одном из помещений Тюменской мебельной фирмы «Заречье» открылся музей старинной мебели.

— **П**оговаривали, что в этом кресле-качалке сиживал и Григорий Распутин, — старший научный сотрудник областного краеведческого музея Вера Аксюта подходит к экспонату, кладет ладонь на подлокотник. — Это кресло из дома политического ссыльного Вановского, которого власти определили на место жительства в Тюмень. Его жена Аграфена любила подолгу сидеть в этом кресле с книжкой в руках. Достоверных данных нет, но будто бы в этом доме бывал и великий старец по дороге в Покровку или на обратном пути в Петербург, когда уже считался царским фаворитом. Наверное, это не следует ни подтверждать, ни опровергать, да и дело вовсе не в Григории, а в том, что само по себе кресло является экспонатом уникальным.

Таких экспонатов, к которым Вера Николаевна применяет определение уникальный, в музее «Мебель старой Тюмени» довольно много. И им не требуется дополнительный бренд в лице Распутина. Это в музее супругов Смирновых в селе Покровское акцентируют внимание падких до сенсаций посетителей на венском стуле. На нем якобы сиживал Григорий Распутин и потому он придает мужскую силу. Как бы то ни было, но все представители сильного пола за редким исключением стремятся «подпитаться» энергетикой человека, которому молва приписала титул полового гиганта. Музей «Мебель старой Тюмени» за подобными сенсациями не гонится — у него другое назначение: сохранить для потомков образцы мебели, что служила нашим землякам сто и более лет назад.

Собирались эти экспонаты по старым домам, оставленным их владельцами при переезде в благоустроенные квартиры. Многого складировалось на чердаках и в сараях как не пригодное для использования. У стульев не хватало резных ножек, у кресел — подлокотников, шкафы валялись с оторванными дверками, да и прилаживать их к ставшему немодным в современном интерьере старинному хламу никто из недавних хозяев не собирался.

Музей начали создавать семь лет назад на фабрике «Заречье», занятой как раз изготовлением мебели. В одном из зданий на тер-

ритории предприятия отвели помещение и стали свозить в него все, что удавалось найти. Немало шкафов и разных предметов интерьера попало сюда как раз из того самого дома, где жили Вронские. Но поскольку для настоящей выставки экспонатов было маловато, первый зал назвали «Окна Тюмени». И в этих самых окнах разместили фотографии да документы о прошлом нашего города. И, что удивительно, очень немногие, гуляя сегодня по улицам старой части областного центра, могут себе представить, что первый асфальт появился в Тюмени только в годы войны, когда перед эвакуированным в тыл заводом пластмасс этим покрытием оделась небольшая площадь перед въездом на предприятие. Даже главные магистрали города — Республики и Ленина — до 60-х годов оставались булыжными, а вдоль большинства улиц были проложены деревянные тротуары, чтобы дать людям возможность пробираться по непролазной в непогоду грязи.

Документы и фотографии из первого зала рассказывают, что Тюмень освоила мебельное производство много лет назад. Здесь делали сундуки, шкафы, табуретки, собирали из поставляемых из Европы деталей знаменитые венские стулья. Кстати, они спустя сто с лишним лет сохранились во многих домах и крепко стоят на своих витых ножках. Эта мебель местного производства раскупалась людьми небогатыми, мещанами и ремесленниками. Те, у кого в кошельках водились деньги побольше, заказывали себе нужное по каталогам из Европы или средней России. Несколько таких каталогов сохранились и привлекают немалое внимание современных посетителей.

Заходя в музей, мы, как и подобает, попадаем в мещанскую прихожую. Представителей именно этого сословия и ремесленников было в позапрошлом и начале прошлого века в Тюмени больше всего. Дворяне да крупные купцы исчислялись единицами, хотя и оставили о себе у современников добрую память как меценаты и просветители.

Итак, переступаем порог дома и оказываемся в прихожей. Снимаем плащ и пристраиваем его на вешалку ручной работы. Она случайно отыскалась на расположенной по соседству овчинно-меховой фабрике в приличном состоянии. Смотрим на себя в старинное, два с половиной метра высотой, зеркало из дома купца Колмогорова, присаживаемся на хрупкий с виду диванчик или венское кресло в ожидании хозяйки, прихорашивающейся по случаю гостей, кладем на столик для визиток свою карточку. На нем уже есть подобные, сохранившиеся с позапрошлого века. Осматриваемся, вспоминая добрым словом людей, что имели отношение к разместившимся в прихожей вещам. Тот же Колмогоров, будучи купцом и владея кожевенными мастерски-

ми, не копил деньги, не множил их только для своих нужд, не купил, разбрасывая купюры под ноги приглашаемым на пирушки цыганам, а вкладывал, как теперь говорят, в социальные проекты. Устроил, например, за рекой первый в городе фруктовый сад.

Конечно, и свой дом устраивал, чтобы выглядеть достойно. Об этом говорит и зеркало, явно бывшее одним из украшений его особняка. Рама отделана объемной резьбой, присущей в те времена именно Тюмени. Говорят, что зеркала хранят многие образы прошлого. Может, и это могло бы немало поведать о своих прежних хозяевах, да только кто же решится проводить напротив него рождественские ночи, когда будто бы и являются из параллельного мира те, кто жил много лет назад. А найдись такой смельчак да будь зеркала и вправду носителями образов, в этой прихожей можно было бы узнать много интересного, потому что помимо купеческого по обе стороны от него расположено еще несколько зеркал поменьше и поскромнее. Они попали в музей из помещанских домов, так же, как и зеркало купца Копылова, что жил в доме неподалеку от областного краеведческого музея.

Из прихожей хозяйка проводит в гостиную. В роли хозяйки выступает по-прежнему Вера Аксюта. Она может подолгу рассказывать о каждой выставленной тут вещи. Они стоят, будто новые, потому что вторую жизнь дал им реставратор фабрики Георгий Киреев со товарищи. Их реставрационная группа состоит из четырех краснодеревщиков, сохраняя редкую по нынешним временам профессию и ремонтируя, точнее сказать возрождая, разными путями попадающие в музей дорогие для ценителей старины, но не нужные владельцам старые поломанные шкафы, диваны, стулья. Среди таких брошенных были бамбуковая этажерка, кресло и диван без одной ножки, выполненные в стиле ампир.

Вера Николаевна рассказывает, что часть представленной в гостиной мебели некогда принадлежала известному своей благотворительной деятельностью купцу Колокольникову. В 1924 году была продана с аукциона, а со временем оказалась в музее.

В гостиной стоит ломберный столик, так хорошо знакомый по литературе XIX века и предстающий чем-то загадочным, потому что на нем и до сих пор разложены гадальные карты, по которым можно узнать свою судьбу. Но за этим столиком не только гадали, а проводили часы досуга, может быть даже играя в подкидного или в лото, восторженно радуясь выпадающим амбам, тернам или, если уж очень повезет, кватернам и квинтам.

В этом же зале внимание привлекают камин, посудный шкаф из Германии, барометр и часы старинной работы, картина на стене в резной красивой раме.

В следующем зале разместились столовая с массивным столом, за которым возле весело урчащего самовара вечерами собиралась обсудить новости семья. Тут же стоит еще один уникальный экспонат — самоварный столик. Его нашли во дворе одного из старых домов в центре Тюмени вмерзшим в лед. Рабочие пешнями аккуратно освободили будущий экспонат из плена и передали реставраторам. Теперь столик является одним из украшений зала.

О музее и населяющих его поразительных вещах можно писать бесконечно долго, потому что их более двух сотен. И каждая заслуживает отдельного рассказа. Те, кому посчастливилось оказаться в этих залах, уходят с чувством большой благодарности. Для молодых эта экскурсия становится путешествием в не далекое еще прошлое, а для людей старшего возраста — возвращением в детство и юность, о котором напоминают ткацкий станок, прялка, старинные утюги и самовары на углях, и мебель, что сладко будит картины из детства, проведенного в родительском доме как раз в окружении таких же или похожих вещей.

Но музей принимает не только экскурсии праздных горожан. Сюда нередко приходят рабочие мебельной фабрики посмотреть, что делали их коллеги сто с лишним лет назад, бывают технологи, разработчики, подолгу рассматривают старинные изделия, перерисовывают в свои альбомы некоторые детали, чтобы использовать нечто подобное при создании современных образцов. Несколько раз в здешнем интерьере проводили свои встречи члены клуба «Тюменская старина», занятого поиском незаслуженно забытых страниц истории края, организовывали круглые столы предприниматели. А заместитель директора фирмы «Заречье» Геннадий Басов, которого многие тюменцы еще хорошо помнят в роли диктора областного телевидения, мечтает, что в музее со временем будет собираться местная интеллигенция, что в его интерьере какой-нибудь народный театр будет ставить для таких встреч небольшие спектакли по пьесам любимого им великого русского драматурга Александра Островского. Геннадий, имея специальное образование, готов выступить актером и режиссером этих постановок. Дело за малым — за единомышленниками и меценатами, подобными тем, из чьих домов попала в эти залы мебель, что помнит благие дела своих прежних владельцев.

ТАЙНЫ СТАРОГО ДОМА

В подвале одного из старинных особняков в центре Тюмени обнаружился подземный ход и немало уникальных вещей.

По прямой от областной администрации до этого кирпичного особняка позапрошлого века всего метров двести. Так что расположен дом в самом что ни на есть центре города. Деревянные постройки, в основном тоже позапрошлого века, окрест этого дома пошли под снос, уступив желанные площади элитным многоэтажкам да разным офисам богатых фирм. А этот добротный купеческий дом уцелел не столько потому, что признан памятником архитектуры, сколько потому, что не поддается огню пожаров, что выжигали на лакомых участках такие же памятники с резными окнами и воротами, тоже когда-то якобы взятые под охрану государства.

В этой кирпичной двухэтажке три года назад разместилась реставрационная мастерская. Ее сотрудники восстанавливают по сохранившимся остаткам да старым фотографиям подгнившие резные наличники, которыми издавна славилась «столица деревень», сохраняя тем самым неповторимый облик старинной Тюмени. А при такой работе, что называется, сам бог велел интересоваться и всем остальным, чем жили люди купеческого города до революции.

Одним из таких увлеченных реставраторов стал и Ярослав Шитов. В прошлом году он закончил Тюменский государственный институт искусств и культуры по специальности «музееведение». И вместе с коллегами создал в мастерской небольшой собственный музей старинных вещей. Каждая из них по-своему уникальна.

Многое Ярослав нашел на чердаках и в подвалах соседних старинных домов сразу же после того, как их обитатели переехали в благоустроенные квартиры, оставив под снос вросшие по самые окна в землю жилища.

И хотя сами прежние хозяева забрали с собой все самое ценное, немало интересного осталось и для Ярослава с его единомышленниками. Неожиданный подарок сделал под осень и особняк, в котором располагается мастерская. Однажды в нескольких метрах от крыльца провалилась земля.

Собственно, в Тюмени это не такая уж и редкость, потому что даже на оживленных улицах практически ежегодно проваливается подмытый грунтовыми водами да прохудившимися водопроводами асфальт, увлекая в ямы грузовые и легковые машины. А в этой образовавшейся во дворе яме ребята обнаружили края кирпичной кладки. Подземный ход шел в сторону дома и к реке.

В сторону Туры он оказался заваленным разным строительным мусором. Видимо, своды подземного хода уже и раньше не выдерживали тяжести, проваливались и потом засыпались обломками кирпичей. А может, десятки лет назад кто-то специально завалил ту рукотворную пещеру, чтобы не проникнуть было в жилище со стороны берега.

Подземный ход в сторону особняка оказался затоплен грунтовыми водами, но тем не менее ребятам удалось найти немало интересного, что пополнило музей их реставрационной мастерской.

Ярослав показывает небольшие пушечные ядра разных размеров. Не исключено, что в последние годы их использовали в качестве пригруза при солении капусты и огурцов, а как эти снаряды оказались в подвале купеческого дома, остается тайной, разгадать которую не доведется уже никому. Хотя есть довольно оригинальные версии.

К примеру, одна из них такова. Предполагается, что в свое время на заводе Машарова (теперь это станкостроительное предприятие) существовал подпольный цех, на котором отливались пушечные ядра для пристрелки пушек. А испытывали орудия в загородной Гилевской роще, ставшей теперь одним из мест отдыха тюменцев.

Не исключено, что, состоя в дружбе с владельцем подпольного цеха, хозяин кирпичного особняка с таинственным подвалом и подземным ходом мог в качестве своеобразного сувенира взять ядра с разрешения или попросту умыкнуть их и вынести с завода под одеждой.

И хотя под полрой шубы не вынести орудие, ребята надеются, что, может быть, когда-то в этом таинственном подвале после того, как из него удастся откачать воду, найдутся какие-то новые тайники, а в одном из них может оказаться и пушка. А почему бы и нет? Ведь купцам и в старые времена приходилось бояться разных падких до чужого добра людей. А значит, имущество надо было и чем-то охранять.

Но даже если не было у хозяина дома необходимости от кого-то обороняться, пушку он мог занять и для похвальбы перед друзьями-товарищами. Ведь покупают же нынеш-

ние богатеи в оружейных магазинах станковые пулеметы времен гражданской войны и ставят их на крыльце коттеджа или в просторной гостиной своих загородных особняков. Так что, может быть, действительно где-то отыщется и небольшая пушка производства века семнадцатого-восемнадцатого.

В этом доме, где находится мастерская, говорят, полно тайн. Взять хотя бы тот же подземный ход. В старой Тюмени, а также в Тобольске и Ишиме было их раньше очень много. Они составляли целые лабиринты и служили самым разным целям. Ярославу об этом рассказывали его знакомые диггеры, что занимаются изучением тюменских подземелий. Они полагают, что этот ход шел до самого берега. Может, для того, чтобы по нему доставлять в просторные кладовые товары прямо с судов, которые были в те далекие годы главным транспортным средством, а может, играли роль своеобразного холодильника. Ведь известно, что вода летом не нагревается так сильно, и потому свежий воздух от реки по обложенному кирпичом туннелю мог быть таким кондиционером для того, чтобы продукты дольше хранились.

Не исключено также, что сделан был тот ход помимо прочего еще и для внезапного отхода. Чтобы в случае крайней опасности можно было прихватить самое ценное и дать незаметно деру, закрыв потайной ход, пока тати ломятся в ворота. Кстати, может, именно по этой причине замаскированный лаз в подземелье столько лет оставался не обнаруженным.

А может, его замаскировали уже позднее. То ли во время недолгого правления Колчака, то ли в годы правления красных. Или во время советского периода, когда в доме размещались разные организации. Наверняка в архивах пытливые смогут найти документы, в которых расписано, в какие годы и какие ведомства тут квартировали. Но вот у многих старожилов почему-то этот особняк сохранился в памяти отпугивающим и устрашающим.

Александр Иванович — один из моих случайных собеседников, который просил не называть его фамилию, родился и почти всю жизнь прожил в этих местах.

— Я родился как раз перед войной возле «Победы» (так назывался давным-давно снесенный кинотеатр почти на самом берегу Туры), — рассказывает Александр Иванович мне, живущему буквально в двухстах метрах от этого места и потому воспринимающему все с особым вниманием. — Пацанятами бегали мы вечерами по этим улицам, но почему-то обычно проходили по Ванцетти, а не по Сакко, на которой стоит этот дом. То ли взрослые кого страшными рассказами на-

пугали, то ли кто-то из ребятишек что-то напридумывал, но про этот дом из красного кирпича ходили страшные рассказы, будто там когда-то пытали до смерти, и с тех пор там водятся привидения. Вот мы обычно и шли по параллельным улицам, а не по этой.

Ярослав и его коллеги привидений в доме не видели и не слышали, хотя нередко работают допоздна, а кое-кто не раз оставался и с ночевкой. Так что, может быть, там когда-то и жили привидения, но потом подыскали себе более спокойное место. Особенно с тех пор, как чуть не впритык к особняку построились вокруг элитные многоэтажные дома с их беспардонными жильцами и шумными машинами, то и дело визжащими по ночам своей сигнализацией. От нее и людям-то бывает тошно, не то что привидениям!

Нет ничего загадочного, кроме пушечных ядер, и в коллекции реставраторов. Хотя многим вещам могут позавидовать разные музеи. Чего стоят, например, старинные проржавевшие весы с клеймом Николая Второго или швейные машинки позапрошлого века с товарными знаками Парижа и Нью-Йорка.

Много там еще всякой всячины! Ярослав показывает свое собрание с гордостью, потому что эти экспонаты уносят куда-то в далекое прошлое, когда не было не только мобильного и телевизора, но даже электричества.

Ярослав говорит, что об их коллекции знают и сотрудники местного краеведческого музея, но интереса никакого не проявляют. Зато сами реставраторы надеются отыскать в старинных домах еще немало интересного. Вот только домов этих остается в Тюмени все меньше и меньше.

ИЗ ЗАБВЕНИЯ

Бывшая столица Сибири — Тобольск — незаслуженно оказавшись в забвении, вскоре может стать центром туризма.

СТАРЕЦ В КАЧЕСТВЕ БРЕНДА

Иностранцев может привлечь родное село известного во всем мире, противоречиво оцениваемого старца Григория Распутина. И хотя он известен как старец, на день смерти шел ему всего пятый десяток и был он на год моложе императора Николая Второго.

Этот полуграмотный босяк обладал неведомым даром и, оказавшись в фаворитах царицы, имел немалое влияние на принятие значимых политических решений. В селе Покровском, где жила семья Распутина и куда он не раз приезжал из Петербурга, уже будучи вхож в высокие круги сановного окружения, несколько лет назад появился единственный в мире музей Распутина. Создали его на свои деньги супруги Смирновы не ради бизнеса, потому что в расположенное от областного центра за 80 километров село на экскурсии мало кто отважится. Марина и Владимир Смирновы, по их словам, просто решили отдать дань уважения знаменитому земляку, образ которого за многие десятилетия пересудов и умышленных искажений стал мало чем напоминать Григория Ефимовича истинного — умного, сострадающего, готового бескорыстно прийти на помощь незнакомому человеку, обладающего даром врачевания, за что и полюбили его в царской семье. Чертами пропойцы и развратника его наделили банкиры, которым старец не благоволил и мешал делать бизнес на бедах усталой России, да еще большевики хотели показать таким образом падение нравов царского двора, готовясь свергнуть самодержавие, а потом оправдывая свой приход к власти «на смену разложившемуся престолу». Однако в сознании иностранцев, да и большинства россиян, живуч именно этот образ, растиражированный миллионами экземпляров книг и сотнями фильмов, в том числе порнографических.

Последние, о сказочной мужской силе Распутина, впрочем, даже должны способствовать привлечению туристов, ибо иностранцы хотят своими глазами увидеть родину простого чело-

века, по которому сходили с ума дамы высшего света. К тому же в музее среди прочих экспонатов есть стул Григория Распутина, который, будто бы, придает мужскую силу. Рассказывают, будто бы прослышал про это один богатый немец, да и прикатил в Сибирь, чтобы посидеть на легендарном стуле и восстановить утраченную потенцию. Шутка то или быль, но, как говорят в Покровском, немец уезжал домой в сильном поднятии духа и распрекрасном настроении, а потом через год написал, что наконец-то обрели они с женой первенца.

В основном посещают музей иностранные делегации да высокие гости, наезжающие из столицы в область. Рассказывая о Распутине, им не преминут напомнить недавно обнародованные факты о том, что Григорий мешал многим не только в своей стране и что к устранению его прилагали немало усилий даже иностранные разведки.

Нередко вместе с супругами Смирновыми встречает посетителей человек, очень похожий на Григория Распутина, чьи фотографии разных лет смотрят с музейных стендов. Это Виктор Пролубщикова, местный житель, много лет отыгравший в народном театре и утверждающий, что является прямым родственником Григория Ефимовича от его внебрачного ребенка.

Во второй половине лета, когда в лесу созревают ягоды и появляются грибы, а в огородах выросли огурцы и картошка, Виктора нередко можно встретить на обочине проходящей мимо Покровки автодороги, соединяющей северные города Ямала и Югры с Большой землей. Он сидит почти прямо под вывеской с названием родного села и, по-распутински угрюмо насупившись, смотрит на проезжающие мимо машины. Знакомый образ многих заставляет остановиться, купить предложенные дары леса и огорода и сфотографироваться с двойником знаменитого старца. Виктор соглашается исключительно за плату. Для проезжающих в отпуск северян с тугим кошельком полтинник — не деньги, поэтому можно сказать, что поразительное сходство с Распутиным приносит Виктору немалые дивиденды.

ОБИТЕЛИ

Но не только история Распутина может и должна привлекать в этот край туристов. Уже и сегодня в Тобольск как духовную столицу Сибири едут тысячи православных паломников. Именно с Тобольска началось четыре века назад развитие культуры и образования, здесь появились первые монастыри и школы, сиропитательные заведения, начали издаваться книги и журналы. До недавнего времени Иоанно-Введенский монастырь был

единственной в Сибири святой женской обителью. Стыдливо спрятавшись в низинке среди лесов, она почти не видит туристов, зато в соседний Абалакский Свято-Троицкий мужской монастырь люди едут на автобусах и своих машинах за сотни и тысячи верст. Едут полюбоваться чудесной красотой, что открывается с высокого берега Иртыша, зарядиться удивительной энергетикой святых мест, поклониться чудотворной иконе.

Об этой иконе можно рассказывать отдельно — настолько увлекательна ее история. Но тут уместно напомнить, что сам оригинал чудотворной после революции долго скитался по миру, считался вообще утраченным, как вдруг недавно неожиданно выяснилось, что икона жива и находится в Австралии в частной коллекции. Теперь высшее духовенство ведет переговоры о возвращении чудотворной на родину, и, возможно, в ближайшую пару лет она вернется из долгой и вынужденной эмиграции, создаст бум среди православных верующих, возжелавших поклониться старинной святыне.

Оба монастыря, мужской и женский, восстанавливаются, идет неустанная реставрация их храмов и помещений. Деньги на это выделяют помимо православной церкви богатые спонсоры и прихожане, идет финансирование из федерального и местного бюджетов.

Огромные деньги были выделены на реставрацию первого в Сибири каменного храма — Софийско-Успенского собора. Финансирование масштабных работ на нем идет в рамках областной программы «Создание туристического центра Западной Сибири на базе историко-культурного наследия Тобольска». Помимо золочения куполов в соборе отреставрирована ризница. Ее стены украшает роспись, выполненная тобольскими мастерами иконописного искусства. Краски, использованные для оформления, — каменные, что позволяет сохранить шедевры на века. Полностью реставрационные работы намечено завершить в ближайшие годы, после чего обновленная ризница, истинное назначение которой — хранилище церковных книг, вероятнее всего, будет служить выставкой.

ГОРОД ССЫЛЬНЫХ

Тобольск привлекает многих еще и как место ссылки Николая Второго и его семьи. В этом городе семья жила несколько месяцев, до самого отъезда в Екатеринбург, к месту расстрела в подвале Ипатьевского дома.

Пока в здании, где жила сосланная в Сибирь царская семья, размещается администрация района. Но для туристов сохранен

кабинет императора. В нем действует экспозиция, посвященная тобольскому периоду ссылки семьи Романовых. В будущем районная власть переедет в другое здание, а этот дом будет полностью отдан музею, что позволит выставить множество интересных экспонатов из архивов и фондов.

Привлекает гостей города и Тобольский тюремный замок. Он в отличие от Владимирского централа почему-то не был воспет сидящими за решеткой невольниками, хотя имеет богатейшую историю и очень знаменитых «сидельцев». Достаточно сказать, что в камерах Тобольской пересыльной тюрьмы в разное время бывали не по своей воле князь Александр Меншиков, некогда всесильный фаворит императрицы Анны граф Эрнст Иоганн Бирон. Ее узниками становились Федор Достоевский, Николай Чернышевский, Владимир Короленко. Разноцветной получилась биография острога в первые послереволюционные годы, когда в камеры водворяли то белых, то красных, то снова белых. Кровавые страницы Тобольского тюремного замка написаны в годы сталинских репрессий.

О том времени напоминает памятная доска на стене, возле которой, по свидетельствам очевидцев, проводились массовые расстрелы. Теперь здесь всегда находятся живые цветы, возлагаемые родственниками безвинно погибших да туристами, приезжающими поклониться памяти убиенных.

Пока здание тюрьмы находится в неприглядном состоянии. Такой оставили ее горожанам прежние обитатели после того, как перевели их в колонию особо опасных преступников на Полярном Урале. И от этой обшарпанности стен одиночных и двухместных камер впечатление создается еще более пугающее и страшное. Даже после того как в здании начали делать ремонт, у большинства посетителей не только от прохлады мрачных толстых стен появляются на коже мурашки.

Тобольский тюремный замок вскоре тоже обретет законченный вид и напомнит примерно то, что видят посетители аналогичной тюрьмы в Петропавловской крепости Санкт-Петербурга.

Впрочем, Санкт-Петербург и Тобольск связывает не только сходство казематов. Именно в этом сибирском городе отбывали ссылку известные декабристы. Многие из них похоронены на мемориальном Завальном кладбище. Достаточно назвать хотя бы Пуцина, Бярятинского и Кюхельбекера, известных каждому еще по школьной программе истории и литературы как люди из близкого окружения Пушкина.

СТАТЬ ТУРИСТИЧЕСКОЙ МЕККОЙ

Несколько тобольских историко-архитектурных памятников решено включить в федеральную программу «Туристические центры России». Список достопримечательностей, вошедших в программу, состоит из 11 объектов. Это Софийско-Успенский собор, соборная колокольня, здание мужской гимназии XVIII века, Тобольский кремль, здание гимназии, где учился великий химик Дмитрий Иванович Менделеев, Земляной вал, корпуса тюремного замка и Гостиный двор, спортивно-оздоровительный комплекс, береговые укрепления реки Иртыш. На реализацию программы выделяются поистине огромные средства. Треть денег поступит из федерального бюджета, остальное дадут областная казна и внебюджетные источники.

Всего же, с учетом развития инфраструктуры, с 2005 года только за счет областного бюджета на работы по созданию туристического центра в Тобольске расходуются миллиарды рублей.

За счет бюджета заканчивается реставрация Софийско-Успенского и начата реставрация Покровского соборов, подведены все инженерные коммуникации к Дворцу наместника, где идут отделочные работы. А вот гостиничный бизнес, кафе, клубы и другое — вполне по силам частным инвесторам. Причем совсем недавно принято решение о возможности размещения некоторых из них в исторических зданиях, при условии реставрации их внешнего вида и дальнейшего поддержания здания в достойном состоянии. Первый такой объект для своего филиала уже восстанавливает Тюменский государственный университет.

В Тобольске недавно кто-то из отцов города сказал, что первым туристом, не только оценившим по достоинству историческую и духовную значимость достопримечательностей Тобольска, но и решившим вмешаться в их судьбу, был Владимир Путин. После посещения старинной сибирской столицы Президентом России в этом городе изменилось к лучшему многое. А побывавший здесь председатель Совета Федерации Сергей Миронов сказал, что Тобольск заткнет за пояс любой европейский туристический центр, нужно лишь построить хорошие гостиницы, сделать нормальную сферу обслуживания, усилить транспортную инфраструктуру и организовать грамотную рекламу. Следующий импульс оживления дал приезд нынешнего президента страны Дмитрия Медведева, когда он провел в бывшей сибирской столице заседание Госсовета.

Еще будучи губернатором Тюменской области Сергей Собянин подписал с тогдашним руководителем федерального агент-

ства по туризму РФ Владимиром Стржалковским соглашение, призванное помочь координации политики федеральных и региональных властей в сфере внутреннего и международного туризма, который в будущем может стать доходной отраслью экономики области. Аналогичное соглашение подписано с Вологодской областью и Ханты-Мансийским автономным округом, затем с Краснодарским краем, Новгородской, Псковской, Тверской областями. Так что возникающий из незаслуженного забвения Тобольск по праву займет свое место среди достопримечательных и памятных мест России. Интерес к нему заметно вырос и во время конкурса, в котором Тобольский кремль чуть-чуть не вошел в семерку российских чудес света, лишь немного уступив фаворитам.

ПОТЕРЯЛ ЕРМАК ПУГОВИЦУ

МЕДНАЯ БЛЯШКА

Большинство посетителей невзрачную медную бляшку, выставленную в витрине экспозиции, просто даже не замечают, другие бросают безразличный взгляд и начинают интересоваться старинным оружием, кольчугой и другими более заметными экспонатами. И лишь немногие наклоняются, чтобы прочесть на пуговице от панциря сделанную в четыре строки надпись. И это движение становится своего рода преклонением перед историей. Ибо надпись старорусского письма гласит: «Князя Петра Ивановича Шуйского». И начинает пытливый ум задавать вопросы о том, как эта потемневшая от времени медная бляшка попала в Тобольск, если сами Шуйские здесь не бывали, а все с ними связанное хранится в столице, в залах Оружейной палаты?

Старший научный сотрудник Тобольского музея Елена Закшаускене начинает рассказывать, боясь упустить хоть одну мелкую, но, на ее взгляд, важную деталь. Пуговица была найдена в 1915 году при раскопках на Искере. Значит, она была обронена с панциря князя Шуйского именно там.

Известно, что после взятия Искера Ермак Тимофеевич отправил к Ивану Грозному посольство и поклонился Руси Сибирским ханством, докладывая о выполнении данного ему поручения. В Москве высоко оценили подвиг казаков. И царь будто бы пожаловал атаману Ермаку как знак превеликого расположения шубу со своего плеча, два панциря, принадлежавших погибшему в Ливонской войне русскому воеводе Петру Шуйскому, и множество других подарков.

Таким образом панцирь, от которого где-то в походе и оторвалась пуговица, мог из Москвы попасть в окрестности Тобольска. Но эта версия была в свое время историками отвергнута как не имеющая документального подтверждения. Однако невзрачная пуговка не давала покоя многим пытливым умам. И ученые обратились к архивам.

РАЗДАЧА НА ТРИЗНЕ

Известно, что историей похода Ермака плотно занимался тобольский ученый Семен Ульянович Ремезов. Он много путешествовал и, помимо прочего, тщательно записывал предания местных жителей о недавнем тогда еще прошлом. Легенд, связанных с именем Ермака, ходило среди местного татарского населения очень много. И в значительной мере объясняется этот интерес к русскому военачальнику странными событиями, что начали происходить после его гибели.

Когда Ермак еще не был погребен, по округе поползли слухи, что летающие над трупом стаи ворон не смели его коснуться, поскольку высшие силы защищали мертвое тело даже после гибели атамана. Многие татары стали ночами просыпаться от мучивших их кошмаров. Одному из именитых ордынцев приснилось, будто он купался в крови, к другому приходил во сне русский бог и грозил страшными карами ему и всем его сородичам.

Слухи эти быстро дошли до самого хана Кучума. Его советники сделали вывод, что все эти странные события к добру не приведут и лучше всего похоронить вражеского атамана с подобающими военачальнику почестями. И как только решение было принято, татары похоронили Ермака как святого, а все, что было на нем, тут же на тризне присутствующие согласно вековым обычаям поделили между собой.

Семен Ремезов записал предания, в которых рассказывалось, что снятые с Ермака доспехи Кучум пожаловал мурзе Кайдаулу и белогорскому шаману в его святилище.

ПОТРЕБОВАЛСЯ АМУЛЕТ

Шли годы, но эта тризна не забывалась. И когда через много лет после похорон Ермака калмыцкий тайша Аблай собрался в поход на киргизов, он попросил у русского царя панцири Ермака — как талисман, исключительно при помощи которого он сможет одержать нужную Руси победу. Тогда же будто бы указывалось и местонахождение этих панцирей. Мол, один хранится в семье Кайдаула в Тобольске, а другой у князя Коды-Алачя, который силой забрал его себе из древнего святилища.

Как бы то ни было, тобольский губернатор получил из столицы приказ изъять панцирь, что хранился у семьи Алачя. Но отыскать реликвию не удалось. Зато нашелся в Тобольске второй панцирь. Только вот сын Кайдаула отказался отдать воеводским людям семейную реликвию, поскольку старый отец в последние дни своей жизни наставлял сына, что тот может отдать все, даже лошадь, но святыню приказал беречь, поскольку принесет она счастье всему роду.

Помня наказ старика, Бек Мамет не соглашался обменять панцирь ни на золото, ни на породистых коней, ни на стадо выносливых верблюдов. Однако тогдашнему сибирскому губернатору Ульяну Ремезову — отцу историка — удалось-таки блеснуть дипломатическими способностями и выполнить царское поручение. Передал Мамет свою семейную реликвию ради благого дела и процветания Руси. «И был тот панцирь бит в пять колец мудро, длиною в два аршина, в плечах в сетью аршин, на грудех и меж крылец печати царские — золотые орлы».

А СЛЕДЫ ЗАТЕРЯЛИСЬ

Позднее тайша Аблай показывал этот панцирь его прежнему владельцу, но тот его не признал. Может, из зависти, может, по какой-то другой причине отказался подтвердить подлинность реликвии. След панциря тобольского со временем окончательно затерялся. Так же, как и второго, пожалованного шаману Коды. О том тоже упоминалось в документах. В 1646 году из Березова в Сибирь на усмирение приобских самоедов была направлена карательная экспедиция. Разбив самоедов, служилые люди нашли на месте погрома панцирь и «на том панцире на грудех мишени, на одной вырезан двуглавый орел, а на другой — надпись князя Петра Ивановича Шуйского». Эти доспехи хранятся в целости и сохранности в Оружейной палате Московского Кремля.

А как же найденная чуть ли не сто лет назад медная пуговица с надписью о принадлежности Шуйскому? Эту тайну бляшка пока поведать не может, являясь документальным подтверждением того, что были все же панцири князя Шуйского на древнем Искере. И сам ли Ермак потерял ту пуговицу, или уже потом она оторвалась от его доспехов, никто доподлинно не скажет. Хотя земля нет-нет да и приоткрывает одну за другой свои тайны.

Так, на месте гибели Ермака была найдена кольчуга, что хранится теперь в краеведческом музее села Вагай. Но на ней нет никаких надписей. И только рубленая мечом прореха говорит, что участвовало то снаряжение в жаркой схватке. И может, тот, на ком оно было, — последний, кто видел Ермака еще живым в полном боевом облачении, застегнутом на все пуговицы.

ТАЙНЫ ТОБОЛЬСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

СЕКРЕТНЫЙ ЛАЗ

На территории Тобольского централа студенты местного педагогического института во время археологических раскопок небольшого дворика больничного корпуса обнаружили подземелье. Его предназначение пока остается загадкой, которую пытаются разгадать историки-краеведы.

Заместитель директора по научной работе Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника Алексей Нескоров высказывает осторожное предположение, что найденное студентами подземное помещение является частью отвления неизвестного археологам тоннеля. Подтвердить догадки документально пока нет возможности, поскольку построен тюремный замок почти два века назад и все годы считался одним из самых надежных. За его историю было всего две попытки побега. Во время одной заключенные захватили привозившую продукты машину и на ней вырвались на волю. Но в те годы из города можно было выбраться, только минуя паромную переправу, кроме того, не знающие города беглецы заплутали в тесных улочках и быстро были водворены обратно в казематы.

А вот второй побег был совершен через подкоп. Нескольким арестантам после изнурительной работы удалось прорыть на желанную волю узенький лаз, выбраться через него за стоящую у обрыва высокого берега стену и дать деру. Переждать некоторое время решили в одном из сарайчиков, который по иронии судьбы оказался прокурорским. Из владений главного правозащитника города их и вернули обратно за высокую стену.

Но явно не этот вырытый подручными средствами и сразу же засыпанный охраной ход отыскивали студенты, потому что оказался он в капитальном исполнении, а значит, сделан еще во время строительства казематов для каких-то определенных целей.

Последние постояльцы в полосатых робах, а Тобольский централ был предназначен для особо опасных преступников, освободили свои зарешеченные помещения полтора десятка лет назад. Незадолго до этого довелось мне побывать на территории в сопровождении заместителя начальника тюрьмы. Устроив своеобразную экскурсию для журналиста, подполковник рассказывал об установленном для заключенных режиме содержа-

ния, при котором они за все время определенного судом срока белый свет видели только находясь в прогулочных двориках, закрытых сверху прочной решеткой с колючей проволокой. Все остальное время проводили в своих тесных камерах с толстыми кирпичными стенами, а на работу в цеха проходили по подземным лабиринтам.

Их схемы охрана держала в большом секрете, да наверняка и сама знала далеко не обо всех потайных ходах, часть из которых могла быть до особого случая замурована еще со времен строительства. Небольшое отверстие, сделанное археологами в стене найденного подземелья, позволило определить, что помещение выполнено из кирпичной кладки с известковым раствором и вверху имеет сводчатый потолок. Удалось обнаружить штольню, но устроенный в ней завал скрывает какие-то старые тайны.

Не исключено, что те подземные казематы использовались вскоре после революции, когда в 1918 году в тюрьме было поднято восстание содержащихся там красноармейцев. После учиненной расправы 47 человек пропали без вести. Может быть, подземелье и хранит тайну их исчезновения — пропасть они могли только в остроге, поскольку из-за строжайшего режима охраны на волю выбраться никто не смог.

А может, те кирпичные тайные своды хранят секреты кулацко-эсеровского мятежа 1921 года, когда в Тобольском центре было расстреляно более шестидесяти комсомольцев и коммунистов, на трупах некоторых из них было обнаружено до полутора сотен штыковых ран.

Не исключено также, что под теми старинными подземными сводами в тридцатых годах расстреливали политзаключенных, потому что за четыре года репрессий в Тобольском центре лишились жизни две с половиной тысячи человек. Одно время утверждалось, что расстрелянных хоронили на территории тюремного двора, но проведенные в разных местах раскопки эту версию не подтвердили. Значит, трупы или тайно увозили куда-то за пределы тюрьмы, или прятали в ее подземных лабиринтах. История те тайны пока не раскрывает. Так же, как и многие другие секреты подземелий древней сибирской столицы.

ИСКАТЕЛИ КЛАДОВ

Мой давний приятель, преподаватель Тюменской сельскохозяйственной академии Владимир Паньков все свое детство и юность провел в Тобольске. Он вспоминает, как в шестидесятых годах они, воспитанники многочисленных детских домов города, тайком от воспитателей убегали исследовать старинные

здания, как лазили по подземным ходам, где нередко находили разную мелкую утварь и монеты. Одному из пацанов даже посчастливилось найти тогда старинную монету из чистого золота, которая сделала мальчишку на некоторое время героем. Обменять ее на реальные деньги не было никакой возможности, но само наличие таинственной золотой денежки возвышало пацана над сверстниками. Паньков утверждает, что ту монету парень сохранил до сих пор — не как нумизматическую ценность, а как воспоминание о своем детдомовском детстве и тех уроках приобщения к старинным тайнам.

Володя утверждает, что подземные ходы, по которым они лазили, будто бы были очень протяженными, но потом их специально засыпали взрослые во избежание какой-либо беды. А может быть, для сохранения тайн, раскрытие которых не было санкционировано органами.

Что касается органов, то они этими тайнами подземелий тоже интересовались на протяжении многих десятилетий. Известный в Тюмени краевед, до недавнего времени работавший в должности заместителя начальника управления ФСБ по Тюменской области, полковник Александр Петрушин, много лет занятый поисками так называемого колчаковского клада, не оставил без внимания и тайну тобольских подземелий. Теоретически они могли быть использованы в качестве хранилища дорогих царских и церковных реликвий, составляющих значительную часть колчаковского золота.

Это золото не дает полковнику Петрушину покоя. Сменив работу, он продолжает заниматься увлекшей много лет назад темой. Говорит, недавно ему сообщили, что якобы есть документы о затопленной в годы Гражданской войны барже. По некоторым данным, это может быть один из судов каравана, на котором эвакуировались колчаковцы. Не исключено, что часть клада покоится на дне реки, а не находится в каких-то тайниках или подземельях.

НЕ РАДИ ЗЛАТА

Александр Петрушин в частной беседе сказал, что никаких чертежей или других документов о наличии подземных ходов, которым молва приписывала многокилометровую протяженность, не обнаружил. А вот многочисленные выходы из монастырей и кремля на берег Иртыша имеются, но все они давным-давно завалены. Насколько трудоемка будет расчистка, сказать никто не берется, да и нет в области своих диггеров, способных увлечься изучением рукотворных пещер, наличие которых никто не отрицает.

Так, в свое время был обнаружен подземный ход у здания консистории, где расчищено от завалов и восстановлено 30 метров подземной коммуникации. Но теперь консистория находится в ведении Tobольско-Тюменской епархии, и доступ туда светским ученым закрыт, а история подземелья так и осталась неразгаданной.

Семь лет назад у губернской типографии был найден вход еще в одно подземное сооружение, которое представляет собой арку, уходящую вглубь. И это только часть ходов Tobольска, информация о которых получила известность. Но кроме Tobольска подземные ходы обнаружены в районах старинной застройки Тюмени, Ишима. Какие они таят истории, для чего были предназначены проектировщиками XVII и XVIII веков, тоже остается загадкой. И она не дает покоя многим пытливым людям, манит к себе желающих получить ответ на вопросы, проникнуть в тайны, история которых насчитывает уже сотни лет.

ЧУДОТВОРНАЯ

Среди православных Курганской и Тюменской областей прошел слух, что богомазы изготовили точную копию Чимеевской чудотворной иконы, чтобы оригинал продать богатым коллекционерам.

СМУТА

Этот слух был основан на том, что некоторое время назад один из воротил криминального бизнеса Северной столицы действительно проявлял интерес к чимеевской Богоматери, которая имеет мировое значение и потому — баснословную стоимость. Вроде бы уже и заказ своим помощникам сделал на похищение иконы, но когда узнал, как чудотворная наказывала татей, от затеи приобретения криминальными методами отказался. Однако грешно украсть, но не грешно купить. И кто-то подкинул народу версию, что оригинал увозят, чтобы вдали от родных мест продать бандитам.

Слухи подогрело то, что местные священники заказали богомазам точную копию уникальной иконы. А вдобавок ко всему стало доподлинно известно, что чудотворную увозят в Нижний Новгород в паломническую поездку.

— Уж оттуда она точно назад не вернется, — зашептались в селе бабы. — Продадут антихристы нашу святыню.

И народ пошел к батюшке за правдой. А наиболее ретивые на защиту святыни стали поднимать общественность, потому что увидели на привычном месте искусно сделанную копию, от которой, как говорили, не было той божьей благодати, которая исходила от оригинала. Но копия была наряжена в снятый с оригинала оклад, и человеку несведущему было невозможно отличить ее от чудотворной.

Основатель Тюменского благотворительного фонда Дом Надежды Надежда Паштетская встревожилась, пожалуй, больше всех. Четыре года назад именно Чимеево с его чудотворной иконой и святым источником выбрала она для создания здесь центра реабилитации наркоманов. Продала в Тюмени свою квартиру и купила в селе сначала один дом, потом еще два в надежде, что чудодейственная сила Богоматери поможет ее подопечным

избавиться от тяги к наркотикам и здоровыми вернуться в нормальный мир без искусственных иллюзий, получаемых очередной дозой дурмана.

Встревоженные подменой, заволновались верующие Екатеринбург, Омска, Кургана и других городов региона, откуда паломники к чудотворной ехали целыми автобусами.

Кульминации смута достигла в воскресенье накануне паломнической поездки. Игумен Арсений был вынужден уступить собравшимся на сельский сход прихожанам и, дабы не вводить иногородних паломников в заблуждение, снять копию с привычного для чудотворной места и на ее место прикрепить табличку, что Богоматерь находится в паломнической поездке.

Конфликт, казалось бы, был исчерпан, но взволнованный народ, выйдя из храма, продолжал бурно обсуждать происшедшее. И тут, вызванные кем-то из священнослужителей, приехали на двух дорогих машинах спонсоры — крепкого телосложения молодые люди с короткими прическами. Им при помощи богохульных слов быстро удалось убедить старушек разойтись по домам и не поднимать больше смуту.

Главного же организатора схода Надежду Паштетскую отец Арсений пообещал отлучить от церкви.

ИСТОРИЯ

Чимеевская икона Божьей Матери написана в XVII веке и, по свидетельствам историков, по одному из притоков Тобола приплыла в село Чимеево Курганской области, где проживали раскольники. На берегу реки, где обнаружили необычный божий дар, построили церковь, которая стала местом паломничества верующих из соседних губерний Урала и Сибири. Говорят, что особыми почитателями Чимеевской Богоматери были духовные особы из тогдашней сибирской столицы — Тобольска.

Осенью 1770 года от затопленной печи возник пожар и церковь сгорела, полностью уничтожив иконостас и церковную утварь. Но, как утверждает легенда, разбирая пепелище, жители села нашли под толстым слоем углей и пепла икону Божьей Матери целой и невредимой. Только очень закопченной. Этот случай стал вторым чудоявлением образа. С тех пор поклониться Божьей Матери и испросить исцеления от тяжких недугов едут в сибирскую глубинку паломники из самых разных краев и областей великой России.

МЕСТЬ ЧУДОТВОРНОЙ

Но чудеса, связанные с чимеевской иконой, продолжали твориться. Местные и сегодня рассказывают предания своих бабушек, как в двадцатых годах, во время борьбы комсомольцев с религией как опиумом для народа, члены местной ячейки забрались на колокольню и сбросили наземь звонкоголосые колокола. Может, было то стечением обстоятельств, а может, действительно чудотворная наказала богоотступников, но никто из тех парней не дожил до начала войны. Одни умерли после продолжительной болезни, жизнь других оборвалась трагически.

В 37-м году чекисты арестовали местного священника и закрыли храм. Но верующие продолжили приезжать в Чимеево и молились за здоровье своих близких перед заколоченными дверями церкви. Через шесть лет ее переоборудовали под зернохранилище. Все иконы и церковная утварь были заброшены на алтарь, и только образ Божьей Матери от стены оторвать не смогли. Говорят, председатель сельсовета при этом ругался матом, а потом пригрозил наутро разрубить икону топором и ушел, громко хлопнув дверью. Ночью его разбил паралич, началось сильное кровотечение, и через несколько дней председатель скончался, так и не исполнив свою угрозу.

ЗА БЛАГОДАТЬЮ

А паломники шли и ехали в дальнее село и молились на церковном дворе, просили Бога сохранить жизнь их воюющим сыновьям и братьям, помочь им одержать победу над лютым врагом.

Через два года после победы храм снова распахнул двери для прихожан и сегодня красуется на лобном месте села, тоже чудом сохранившись даже в те годы, когда разрушались толстые кирпичные стены монастырей и церквей. Год назад в селе при храме открылся мужской монастырь.

Утверждают, что чудотворная икона помогла многим молящимся, да мало кто потом возвращался, чтобы вознести похвалу за свое исцеление. Но матушка Зинаида, что торгует в церковной лавке, рассказывает совсем недавний случай, когда тяжело больной житель Омска приехал помолиться перед сложной операцией. Долго они с женой просили перед иконой благодати Божией, и здоровье вернулось. Что это было — действительное ли исцеление или ошибка врачей, поставивших неверный диагноз и чуть не положивших человека под нож, судить сложно. Однако мужчина через некоторое время приехал в Чимеево еще раз, чтобы молвить перед чудотворной слова благодарности Божьей Матери и Всевышнему.

ПАЛОМНИЧЕСТВО

Привезти чимеевскую чудотворную икону просят священнослужители многих городов России, но она все годы оставалась дома. И вот принято решение, что впервые икона Божьей Матери сама отправилась к верующим за две тысячи километров. Бесценное сокровище в бронированном сейфе в пути сопровождали машины ГАИ и четыре автоматчика. В дальнюю дорогу отправились с иконой игумен Чимеевского монастыря Арсений и одна из старейших жительниц села матушка Анна.

Такое количество вооруженной охраны — предосторожность совсем не лишняя. Чудотворная не имеет цены ни в рублях, ни в долларах, ни в какой другой валюте. И потому желающих приобрести ее в частную коллекцию найдется немало.

НАМЕСТНИЦА

Оригинал чудотворной иконы уже уступил место своей копии и готовился к паломнической поездке в Нижний Новгород, когда по просьбе журналистов телевидения и центральных газет его вынесли из ризницы и положили на аналой посреди храма, чтобы снять для репортажа и сделать фотоснимки. И в это время к церкви подошел автобус с паломниками. Они даже не обратили внимания на стоящую посреди храма Богоматерь и прямо от порога шествовали к привычному месту и отвешивали поклоны списку, занявшему место оригинала.

По словам игумена Арсения, точная копия, или наместница, обладает такой же чудодейственной силой, как и оригинал, по многим причинам. Во-первых, она была написана в дни Великого поста при молитвах и с благословения епископа Омского владыки Михаила. Во-вторых, полностью соблюден необходимый в таких случаях ритуал освящения. И самое главное — нужна крепкая вера в исцеление, и чудо обязательно свершится.

РАССКАЗЫ

ЖИЛИ-БЫЛИ ДВЕ ПОДРУЖКИ

Жили Евфросинья с Анной душа в душу. Дома их рядом стоят, ну а соседское дело такое — то за одним, то за другим коснуться приходится.

Не ругивались Евфросинья с Анной от роду, чего напраслину пороть. Подругами неразлучными по деревне слыли. Одна пирогов напечет, соседке несет попробовать, удались ли. Той от сына посылка придет, гостинцами городскими потчует. Так и жили.

Только однажды забралась в огород к Евфросинье Аннушкина коза и всю капустную рассаду подчистую съела. А рассада-то уж большая была. Ну, не обидно ли?

Села Евфросинья на грядку и слез унять не может. Ведь столько трудов пропало, когда-то теперь новая рассада вырастет, не успеют к осени кочаны вызреть. Она ли за рассадой той не ухаживала?! Сколько воды из колодца перетаскать пришлось в этакую-то жару! И все труды козе под хвост. Такое зло бабу взяло! А тут коза-то Нюркина опять в огород приперлась и прямо к Евфросинье идет и блеет, будто в насмешку. Схватила Фрося палку и давай рогатую по огороду гонять, а та со страху лазейку найти не может и вдоль частокола бегаёт, во весь голос блеет.

Пока гоняла блудливую скотину, та еще больше беды наделала: два раза по грядкам с морковкой пробежала, огурцы и лук истоптала. Зато и досталось бедной, когда голову в частокол просунула, вперед протиснуться не смогла и назад рога не пускают.

Лупила ее Евфросинья, сколько сил хватило, да приговаривала: «Не ходи, зараза, по чужим огородам, не пакости! Вот тебе, вот тебе, дохлятина рогатая, ведьма подколодная!...»

А тут и Аннуша во двор вышла. Увидела, как ее любимую Зойку подружка лупит.

— Да ты что, девка, не в уме, верно?! — закричала она еще от крылечка и кинулась со всех ног на выручку. — Да ты что, бог с тобой, Фрося? Порешишь ить козу-то, а она вот-вот объягниться должна. — И засуетилась, — Бедная ты моя, Зоюшка! Ишь досталось тебе бедненькой... Кормилица ты моя ненаглядная...

— И поделом досталось, пусть по чужим огородам не лазит — не пакостит. Ты погляди, как нашкодила! На луку ей травы мало, всю капусту у меня сожрала, прорва этакая! Огурцы и морковку истоптала... Чтоб ей сдохнуть!

— Да ты что мелешь-то, Фросенька?! Невелика беда, рассаду съела. Да я тебе осенью своей капусты на то место сколько хошь отдам. Хватит этого добра. А только и тебе наука. Скольки раз го-

ворила, что дыра в частоколе, что заделать надо. А то ишь, бедное животное теперь виновато. Чуть до смерти мою кормилицу не забила. Пойдем, моя маленькая, пойдем, я тебе хлебушка дам.

— Помолчала бы ты-то, Нюрка! На что мне твоя хилая распада, когда у самой уж вон какая была. А все ведьма твоя! — и, еще не отдышавшись от беготни по огороду, так саданула козу напоследок, что та аж подпрыгнула и тут же подогнула передние ноги.

— Ой, убила козу-то! — запричитала Аннушка. — Изверг ты, Фроська, дохаживает скотинушка-то. А теперь ни молока, ни козляток. А ведь лонись Марье козленочка-то посулила. Ой, загубила, козу, ой, загубила! Живодер ты, Фроська, ой, живодер!

И пошло, и поехало! Слово за слово, да так бабы разошлись, так распазгались, что поддеревни на крики собралось. А пока бабы скандалили, коза Зойка оклемалась, сунулась было снова на капустные грядки, только поживиться там оказалось больше нечем, и она спокойно вышла на улицу через распахнутую калитку.

А у соседок дело так просто не кончилось. Обе оскорбились и написали заявление участковому. Дали Евфросинье и Аннушке обеим по сто рублей штрафа, без обиды чтобы. А те, наоборот, еще большую обиду затаили друг на друга.

У Аннушки вскоре Зойка объегнилась. Хорошенькая такая козочка уродилась, шустрая. И назвала ее хозяйка Фроськой.

Стала Аннушка Фроську к пойлу приваживать, а та ни в какую не хочет. Ох, и намучилась! А ругани было-о-о!

— Фроська, дурра, куды мордой-то тычесси? Зараза ты мокрехвостая! Вот свалилась на мою голову.

Той порой Евфросинья задами мимо проходила. Слышит, костерит ее бывшая подружка по всем статьям, как только может кроет.

«Нет уж, не спущу боле», — решила Евфросинья, и бегом к участковому. Так, мол, и так, опять Нюрка Скворчиха за свое взялась, опять костерит-поносит, проходу не дает.

Выслушал участковый, очки снял, через которые газету читал:

— Пошли, так сказать, разберемся на месте.

А Аннушка все с козленочком своим воюет. Послушал участковый, послушал, во двор за калитку зашел. Хозяйку окликнул.

— Нехорошо получается, Анна Игнатьевна! Я вас давно ли штрафовал за оскорбления соседки, а, видно, опять привлекать придется.. Но уже по более суровой статье, так как рецидив наблюдается. Не угомонилась ты, Анна Игнатьевна, так сказать. Неладно это, братц-ты-мой!

— Ой, да что это вы, Михей Михеич! Бог с тобой! Да я и словечка худого боле не сказывала. Пусть язык мой отсохнет, ежели вру!

— Сам слышал, Анна Игнатьевна, как ты соседку свою, подружку бывшую, на дворе только что последними словами косте-

рила, матюгами нецензурного характера обзывала. Придется протокольчик составить. Нельзя, понимаешь, чтобы на моем участке подобные безобразия чинились, чтобы людей ни за что-про что оскорбляли. Сигнал к тому же от потерпевшей поступил. Жалоба, так-скать. Теперь вот и сам удостоверился.

— Ой, так это же я на козленочка своего, Фросеньку, ругалась. Никак не могу к пойлу приучить... Измучилась вся, Михей Михеич! Хорошенький такой козленочек. Фроськой назвала. Козочка... Но до чего вредна, стерва, спасу нет. Вот и ругаюсь...

Разъяснил участковый Евфросинье, что посягательства на ее человеческое достоинство со стороны Анны Скворцовой не нарушается, что ругается она на свою скотину, а это законом не запрещено. Равно, как и то, какое имя, то есть кличку, дать козе или там корове. Дело это неподсудное.

Крепко задумалась Евфросинья, как отомстить супостатке за обиду, да только путного ничего в голову не приходило.. Осень уж наступила, новая капустная рассада отменный урожай дала, зима подкатила, а баба все жаждой мести мается. Сама обида уж и забылась совсем, но только когда корова растелилась, Евфросинья телочку Нюркой назвала.

За долгую зиму помирились бабы, опять с одного колодца воду брать стали, отношения прежние восстановили, гоститься начали.

По весне скот на улицу выпустили. И слышат в деревне, опять Нюрка с Фроськой ругаются, друг друга на чем свет стоит кроют.

— Фроська, зараза жидконогая! Не доводи до греха, иди домой по-хорошему. Вот ужко палкой-то как садану дак!

А из другого заулка то же самое:

— Нюрка, змея подколодная! Ох, и падина ты! Вот я тебе по морде-то!

Застали скотину, сошлись у колодца.

— Ты подумай, Аннушка-матушка! И в кого такая уродилась! Весь день сегодня впробеги. Сил боле нету...

— Ой, сама вся не могу, Евфросиньюшка. С проклятой-то. Как только лето перебыюсь, ума не приложу.

— И не говори, матушка!

И так каждый вечер. Смеется деревня, а что поделаешь, привыкли уж животные к своим кличкам, не переучивать же.

А Евфросинья с Аннушкой хорошо живут, мирно. Телевизор вместе смотрят и пирогами друг дружку потчуют.

НЕВЕСТА НА ВЫРОСТ

Срок действия освобождения сына от армии по состоянию здоровья заканчивался, и требовалось придумать что-то новое. Таисия Сергеевна была не из тех, кто ищет варианты, когда жареный петух хоть еще и не клюнул, но уже нацелился своим клювом в больное место. Она любила все предусматривать загодя. Правдами и неправдами добывая медицинское заключение о шатком здоровье своего чуть не двух метров ростом и ста с лишним килограммов весом чада, она знала, что чеченские события могут потребовать новобранцев и со слабым здоровьем, пусть не в «горячую точку», но все равно из-под родительского крыла в солдатскую казарму. Институт как гарантия отсрочки от армии отпадал сразу, поскольку и девять классов ее отпетому лодырю удалось закончить только из-за того, что сама работала в школе завучем. Но оставался еще один законный вариант — женитьба и рождение детей, одного за другим с интервалом не более трех лет.

Как только сынок достиг совершеннолетия, ему срочно подыскали скромную невесту из провинции, сыграли свадьбу. Но молодая жена вдруг заартачилась и не захотела в юном возрасте сразу же обременять себя детьми. Убеждения не помогали, и при помощи приятельниц брак в срочном порядке и без особого труда расторгли, непослушную жену посадили в автобус и спровадили в Курган, в сторону родительского дома.

Потребовалось срочно искать замену. Собственно, далеко искать не пришлось. У коллеги, живущей в доме по соседству, старшенькая — умница, красавица, скромница, не избалованная большим достатком семьи — подходила на эту роль как нельзя лучше. Оставалась лишь одна загвоздка — девочке только что исполнилось шестнадцать. Мать ее, как только Таисия Сергеевна заикнулась о том, чтобы породниться, лишь испуганно замахала руками, не желая заводить на эту тему разговоры. Во-первых, еще мала, во-вторых, надо дочери дать образование, и, в-третьих, после недавнего обследования врачи не то что рожать, рекомендовали ради профилактики возможного заболевания не торопиться начинать половую жизнь, а самое главное — мужа для Леночки хотелось совсем не такого.

Но Таисия Сергеевна — женщина напористая и от задуманного отступать не привыкла. Вариант ей показался самым

желанным из всех возможных, время не ждало, требовалось действовать решительно. С Леночкой, благо с матерью разве что не подруги, стала заводить разговоры о жизни, забежала вечерами поболтать с матерью, которая была для своих дочерей их лучшей подругой, приглашать к себе под предлогом помочь по мелочам. И такие приглашения звучали все чаще.

Когда Леночка однажды вечером из-за какого-то пустяка вдруг вспыхнула, взяла собаку и вышла с ней погулять во двор, ни мать, ни отец, ни тем более сестры не могли предполагать, что она ушла из семьи навсегда. Девочка не вернулась и через два часа, и тогда родители начали серьезно волноваться, хотя дрессированный дог мог защитить от большинства из подстерегающих в вечернем городе опасностей. Еще через некоторое время начали звонить бабушке, подругам, потом и Таисии Сергеевне. Та сочувственно поохала, дала несколько ничего не значащих советов и положила трубку.

Отец Леночки Алексей работал в милиции, и вскоре без официального объявления розыска к поиску девочки были подключены почти все патрульные машины. В тревоге и смятении прошли сутки, вторые... Девочка с огромной собакой будто канули в воду. И в это время обезумевшее от горя материнское сердце будто подсказало Инне сходить поговорить с Таисией Сергеевной.

Дверь открыл Сергей и сообщил, что родители два дня назад уехали в Башкирию к бабушке, а он про Леночку абсолютно ничего не знает. И тут, узнав голос хозяйки, залаял запертый в ванную комнату Джек. И тогда Инне пришла в голову мысль, что с ее дочерью случилась страшная беда, что она полуживая лежит в какой-то больнице, а от родителей добрые люди просто скрывают страшную трагедию до того, как дочь придет в сознание. Вконец обессиленная, инвалид второй группы по состоянию сердечно-сосудистой системы, она почти без сознания рухнула в прихожей на табуретку и потребовала рассказать всю правду.

Сергей с бегающими по сторонам заплывшими жиром глазками сказал, что когда он пришел с дежурства (отец, подполковник, устроил его в охранную фирму), дома никого, кроме собаки, не было. Инна, хватаясь за сердце, побежала к старшей сестре Сергея в надежде выведать пусть самую страшную, но правду. Та ничего нового не сообщила, и даже после настойчивых требований и настоящей мольбы не могла вспомнить адрес своей башкирской бабушки, у которой прожила до пятнадцати лет.

И тут у Инны возникло озарение — да ее дочь просто-напросто похитили! Алексей адрес бабушки по своим каналам в милиции выяснил быстро, и через неделю дочь-заложница была дома. Но в семью вернулся совершенно другой человек. Как потом выяснилось, неделя массированной психологической обработки с колдуньями, наговорами, гаданиями и прочей белибердой будто подменила общительную и веселую Леночку. Девушка наглухо замкнулась.

А через пару месяцев младшая дочь прибежала домой и с порога выпалила: «А нашу Ленку увезли жениться! Она в белом платье с Сережкой в загс поехала!» У Инны стало плохо с сердцем...

Как же так, сокрушалась она. Ведь дочь раньше всегда делилась даже пустяковыми девичьими секретами, а тут ни словом не обмолвилась о замужестве! Да и какое там замужество в шестнадцать лет? И сама девочка, и Таисия Сергеевна знают о запрете врачей! Да не может быть, чтобы ее Леночка решилась на такой шаг, да еще тайком от родителей! Да и Таисия Сергеевна ведь не чужой человек, вместе работали, чуть не подруга, не могла же пойти на такую подлость.

Оказалось, могла. Когда через час Инна позвонила в квартиру Сарайкиных, там было полно гостей. И сердце будто опустилось — значит, не ошиблась младшенькая, значит, действительно Ленку выдали замуж. А новоиспеченная сватья издали показала раскрытый паспорт дочери со штампом о регистрации брака и заявила, что теперь Леночка уже Сарайкина и что родители на нее прав больше не имеют, поскольку есть у девушки законный супруг. И выставила мать невесты за дверь. Дочь было кинулась следом, объясняться, успокаивать, но свекровь встала в дверях и заявила, что если молодая сейчас выйдет, то — навсегда, а вообще как законная супруга она должна жить теперь у мужа и повиноваться только ему, а не своим родителям.

Через некоторое время родители Леночки наконец пришли в себя от вероломного поступка Таисии Сергеевны и начали собирать документы на признание брака недействительным. И тут выяснилось, что, имея подруг в органах опеки, загсе и областном департаменте, Таисия Сергеевна по телефону за один лишь обеденный перерыв сумела организовать документ, которым по сути лишила родителей Леночки всяческих на нее прав, получила разрешение на снижение брачного возраста и безотлагательно назначила день регистрации брака.

Подделки документов не было. Все они являлись подлинными, имели юридическую силу, потому что подписаны были

по всем правилам ответственными за то должностными лицами. Но имели и одно слабое место — суд обнаружил одну и ту же дату на ходатайстве о снижении брачного возраста, написанном будто бы отчаявшейся до слез девушкой, выданном по этому заявлению разрешении без принятого в таких случаях обследования комиссии, то же самое число и на других документах органов опеки и администрации округа. За некоторых руководителей, дабы не посвящать в дело лишних людей, расписались сами подружки и приятельницы.

Пока неторопливое, загруженное делами судопроизводство готовило к рассмотрению исковую жалобу Инны, ее подружки-адвокаты заполучили копии тех сострепанных в попытках документов. Леночка со своим молодым супругом к тому времени уже жила в снятой его родителями квартире и без ежеминутного психологического воздействия свекрови начала осознавать нелепость и жестокость совершенного по отношению к родителям и сестрам поступка. Между тем, готовясь к суду и триумфальной своей победе, Таисия Сергеевна снова подключила всех своих подруг и приятельниц для масштабной атаки на новоиспеченных родственников.

Классную руководительницу Леночки пытались заставить переписать характеристику, в которой была бы отражена тягостная обстановка у нее дома. Та проявила по отношению к завучу строптивость и не захотела кривить душой. Третировать стали младших сестер. У одной из них из-за постоянных пустяковых придирок в школе вдруг обнаружилась язва желудка, вторая слегла с нервным срывом. На грани умопомешательства и самоубийства оказалась и сама Инна.

Она воспряла духом, лишь когда суд признал все ее требования законными и обязал выплатить компенсацию за причиненный моральный ущерб. Матери. Об исковерканной судьбе несовершеннолетней девочки речь вообще не шла, хотя ее по сути заставили отказаться от родителей, бросить учебу в университете до начала экзаменов первого же семестра, пережить тяжелейшую психологическую травму из-за раздутого донельзя конфликта.

Более того, ее, осмелившуюся ослушаться свекровь и не захотевшую лить грязь на родителей, вообще выгнали из дома. Вместе с родившимся к моменту судебного заседания ребенком.

Заведующая бюро ЗАГС Центрального административного округа города Тюмени Светлана Гришина утверждает, что их организация действовала тогда в строгом соответствии с представленными органами опеки и попечительства документами.

Состряпавшая впопыхах те самые документы сотрудница отдела опеки и попечительства сочла за благо сменить работу и потому не понесла никакого наказания. Таисия Сергеевна тоже ушла из школы и возглавляет теперь один из подростковых клубов города, в меру своих сил и способностей занимаясь морально-нравственным воспитанием школьников. А, возможно, заодно присматривает среди прилежных своих воспитанниц невесту на вырост для своего любящего молоденьких девочек сыночка. Он тем временем, вскоре после второго развода, с двумя друзьями силой увезли на чужую дачу случайно подвернувшуюся их пьяной компании девочку-подростка, трое суток измывались над ней, избивали, насильовали и теперь отбывают срок в колонии строгого режима сразу по четырем статьям Уголовного кодекса. Так что к освобождению ему молодая жена будет очень даже кстати.

Все имена главных действующих лиц этой неприглядной истории изменены. Подлинные фамилии «героев» и материалы суда руководителям местной власти хорошо известны, и потому при желании административные меры могут быть приняты. И не только по данному конкретному случаю, а во избежание повторения ситуации в этом или другом городе.

МИМОЛЕТНОЕ СЧАСТЬЕ НЕРАВНОГО БРАКА

Если бы она меня не окликнула, я бы ни за что ее не узнал и прошел мимо, так сильно она изменилась за те несколько лет, что мы не виделись. За это время из молодой гордой красавицы она превратилась в тихую, скромную, неприметную старушку. И даже глаза ее, это зеркало души, не излучали больше той неиссякаемой жизненной энергии, которой она всегда славилась.

Я достаточно хорошо знал Валентину Ивановну, часами наблюдал ее восседающей в президиумах разных собраний и конференций, не раз бывал на банкетах и дружеских пирушках с ее участием. Красивая и гордая, она держалась и за столом так же сдержанно, как в президиуме, мило и приветливо, но в то же время улыбалась бесчувственно холодно, как того, в ее понимании, требовала ее должность. Знала себе цену и практически никогда не снисходила до панибратства, которое начинается обычно после третьей-четвертой рюмки. Танцевала она редко и только в тех случаях, когда находился хороший партнер для вальса или классического танго. Быстрые танцы, которые обычно исполняются в веселящейся компании просто в кругу, называла не иначе как подергушками и ни разу не опускалась до того, чтобы «потрястись» в быстром ритме вместе со всеми, сжечь десяток-другой калорий от сытной закуски.

Вообще, говорят, была она когда-то душой любой компании, непременным заводилой, потому и попала сразу после института на работу в комитет комсомола, потом в райком, заведовала там отделом, затем стала секретарем по работе с учащейся молодежью. Но на том карьера ее приостановилась. Вместо наставления старшеклассников на комсомольские трудовые подвиги ушла она в декретный отпуск.

На матерей-одиночек смотрели в те времена не очень одобрительно, особенно на идеологической работе. О возврате на прежнюю должность не могло быть и речи, однако, как ехидничали злые языки, Валентина грудью проложила себе дорогу и вскоре снова споро зашагала своими длинными стройными ногами по служебной лестнице.

Инструктор горкома комсомола, инструктор райкома партии, зав. идеологическим отделом райкома, потом горко-

ма. Работа спорилась, дочка, в которой она души не чаяла, подрастала больше под присмотром бабушки, годы шли. Но не с годами, а как-то враз, после родов изменился характер Валентины. На смену ее приветливости и бесшабашности невесты откуда взялась сдержанность, на смену эмоциям появились холодность и трезвый рассудок.

Дочери шел четырнадцатый, Валентина уже давно стала Валентиной Ивановной, занимала солидную должность с неприступно холодной как лед секретаршей, с персональной машиной, с без меры услужливым и вместе с тем угрюмым водителем.

Но в один из осенних выходных дней совершил он по пьяни аварию, разбив личную машину одного из милицеевских чинов. Тут уже не помогло даже вмешательство шефини. Ни компенсация за ремонт «Жигулей», ни уговоры настойчивой Валентины Ивановны не помогли, чин оказался мужиком принципиальным, и лишился гордец Васильич прав аж на три года.

Служебную черную «Волгу» он восстановил, а вот ездить на ней взяли молодого шустрого парня, только что отслужившего в десанте и награжденного за какой-то подвиг медалью. Имея опыт наступательного боя, он и на гражданке ринулся в атаку на неприступную крепость по имени Валентина Ивановна. И крепость эта пала. Причем не просто пала, а полностью капитулировала, влюбившись, как неразумная девчонка.

Строгая и неприступная Валентина Ивановна расцвела прямо на глазах и помолодела как раз на те самые пятнадцать лет, которые были разницей в их возрасте. Через полгода она настояла, чтобы Валера поступил на заочное на юрфак, помогла пройти немалый конкурс, потом вскоре устроила его на одно из предприятий возглавлять комитет комсомола. Это как раз было время конца восьмидесятых, когда партия дала своему молодому резерву возможность зарабатывать деньги, открывая научно-технические центры и видеосалоны.

Парень оказался с головой и деловой хваткой. Он раскрутил бизнес так же быстро, как закрутил голову Валентине Ивановне, опекавшей его со всей своей энергией не растраченных по пустякам чувств. А он, неблагодарный, взял да и женился на своей ровеснице. Было это как гром среди ясного неба. И не только для ничего не подозревавшей опекуниши. Но то ли любовь с первого взгляда не всегда бывает на всю оставшуюся жизнь, то ли характер у молодой красавицы оказался не сахарным, то ли не хотела ни за что упускать свой последний шанс Валентина Ивановна, прямо дав понять,

кому молодожен обязан своим благополучием и кто поведет его в жизнь дальше — она с ее связями или эта деревенская простушка со второго курса филфака, — но брак молодых расстроился так же быстро, как и возник.

В виде компенсации за причиненный моральный ущерб Валера оставил бывшей любимой жене свою комнату в общежитии для малосемейных, полученную при содействии «опекунши», и переехал прямо к Валентине Ивановне.

Даже в последние годы своего могущества партия такого аморального поступка простить Валентине Ивановне не могла, хоть она и зарегистрировала брак по всем правилам и законам, хоть и отплясывали на свадьбе ее всесильные соратники, и пили горькую за здоровье молодых, и желали выпить еще и на золотой свадьбе. Работу пришлось оставить, но прежние товарищи, заблаговременно почувствовавшие несостоятельность ленинских учений о роли партии и осознавшие нереальность надежд на жизнь при коммунизме, пересев из партийных кресел в кресла президентов бирж и спешно созданных корпораций, в беде не оставили, работой обеспечили с учетом ее опыта и громадных связей.

Правда, теперь уже компетенция и интересы ее деятельности простирались далеко за пределы своего города, и все чаще приходилось оставлять молодого супруга спать на брачном ложе одного. Да и он тоже нередко по делам мотался то в ближний Екатеринбург, то в Новосибирск, то в Москву. Нередко там они встречались и по несколько дней жили в одном номере. Но то ли хлопотная работа обоих, то ли усталость и нервы, но чувствовала Валентина Ивановна, что нет уже у любимого супруга того пыла, той страсти, что не оставляла им раньше ночами времени на сон. И еще не давало ей покоя в командировках то, как кокетничает ее выпускница-доченька с Валерой, которого с первого дня стала называть только по имени, как крутит перед ним задом, как задирает словами. Но успокаивало то, что воспитана дочь в строгости, не бежала никогда по танцулькам на дискотеки, всегда вовремя приходила домой и на все попытки матери завести разговор на тему, кто из мальчиков нравится, только презрительно фыркала: «Вот еще!».

А когда вернулась однажды из командировки ночью на сутки раньше, чем предполагала, и нашла дочь на своем брачном ложе с отчимом, ее хватил удар. Через полгода парализованная правая сторона ожила, рука и нога хоть и не совсем, но свои функции восстановили, а вот красивое лицо осталось несколько перекошенным и волосы стали совсем седыми.

Они так и продолжали жить втроем. Валентина Ивановна, не пропускавшая раньше ни одной премьеры, ни одного спектакля гастролирующих театров, на людях почти не показывалась, и не любила, когда кто-то приходил ее навещать. Молодые вместе ходили в театр, на концерты, но те, кто их знал, ничего предосудительного в этом не видели, а для остальных они были просто парой молодых людей. А о том, что женой Валере по существу, а не по документам, стала падчерица, а не ее мать, никто даже из давних приятелей не догадывался.

До тех пор, пока не родился у Леночки ребенок. Теперь скрывать семейную тайну стало бессмысленным, тем более что ради младенца надо было оформлять отношения родителей документально. Развод, благо в загсе работала подружка по комсомолу, а детей в браке не было, времени занял немного. Регистрация нового брака Валеры ввиду рождения ребенка тоже прошла без проблем и испытательного срока. Хорошую квартиру Валентины Ивановны разменяли без труда, и осталась она на пятом десятке одна-одинешенька. От болезни оправилась, снова устроилась на работу, но понимала, что держат ее больше из жалости, чем из надобности. Командировки противопоказаны, связи как-то постепенно порастерялись, много появилось невесть откуда взявшихся молодых и предприимчивых, которых она не знала и не понимала, как не принимали ее всерьез и они. Но воспитанная годами добросовестность да готовность работать круглые сутки давали ей немалые преимущества. В работе она и топила теперь свою печаль.

— Вот так вот на старости лет и осталась у разбитого корыта. Ни мужа, ни дочки, ни каких других радостей, — подытожила она свой безрадостный рассказ. — Не зря говорят, что любовь — как корь, чем позднее заболеешь, тем тяжелее переносится...

— Да ты вон хоть сейчас под венец! В сорок-то пять баба ягодка опять, как предки наши мудрые говорили, — пытаюсь неловко ее взбодрить.

— Слушай, ты ведь никогда не умел говорить комплименты, так что не пытайся — глаза твои врать не умеют, да и я не из падких на лесть. А вот за то, что выслушал, спасибо тебе. Я ведь, веришь ли, никому вот так, как на духу, не открывалась. Чужим людям ни к чему, а подругам своим давним — стыдно в слабости своей распинаться. Что-что, а гордость во мне прежняя осталась! Вот так все в себе и держала, а тут даже полегчало вроде. Хоть и знаю, что распишешь теперь в своей газете. Я ведь читаю, читаю твои материалы на жизненные

темы. Но когда писать об этом будешь, пометь обязательно, что ни о чем не жалею! Я ведь не глупенькая была, когда замуж выходила. Понимала прекрасно, что не ровня он мне, что уйдет рано или поздно. Только я была влюблена безумно, и мне хотелось жить по принципу: «Пусть хоть час, да мой!». И знаешь, какой я тогда была счастливой!.. Не думала вот только, что счастья этого меня моя родная дочь лишит. Но пусть хоть она с ним счастлива будет! Пусть живут с Богом! Он же им и судья...

Валентина Ивановна крепко, по-мужски, пожала мне руку и не оглядываясь пошла вдоль аллеи, слегка подволакивая парализованную ногу.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Не умиралось... Баба Лёля точно знала, что боженька придет за ней сегодня ночью, хотя ничего у нее не болело, не тревожило. Наоборот, будто враз отпустили все хвори, и сделалось легко и спокойно.

Смерти баба Леля совсем не боялась, принимая ее неизбежность. Да и то: товарки-то уж вон все на погосте, хоть и моложе ее были. Давно прибрал боженька, а ей, слава тебе господи, на Троицу уже восемьдесят четыре годочка исполнилось, пора уж. Если честно, то умирать не хотелось. Ничего ее на этом свете не тяготило. Вон даже поясница отпустила, хотя нестерпимо ныла последние две недели, пока копала картошку на своих пятнадцати сотках, пока отбирала клубни на семена и засыпала их в подпол, затаривала мешки на продажу какой-то заготконторе. Вчера с этой работой справилась, положила на дно нижнего ящика комода вырученные от продажи новенькие пятитысячные. Может, Коленька хоть какую обнову себе справит. А ведь, паразит, так и не приехал на картошку. Писал, летось, мол, мама, ты не надрывайся, приеду, выкопаю. Да, поди, снова запил. И эти-то деньги просадить может... Ну, да ладно... на помин души своей мамочки.

Так-то он у нее ласковый да заботливый, вот только водка проклятая мужика сгубила. Ну, это все из-за Ирки. Из-за нее, змеи подколодной, за воротник закладывавать начал. Не по себе дерево срубил, так что теперь делать. Вот и мается всю жизнь. Может, если бы детки были, так и по-другому все сложилось? Ан нет, ей на пеленки жалко было молодость губить, на работе продвинуться хотела, два аборта подряд сделала, а потом боженька больше и не дал забеременеть.

Мысли перебила кукушка в часах. То ли одиннадцать, то ли двенадцать раз уже прокуковала — баба Леля со счета сбилась на середине. Посмотрела в красный угол, где пристроенная на сколоченной Коленькой полочке стояла невидимая в темноте небольшая закопченная от времени иконка Николы Угодника.

— Ой, грехи наши тяжкие! — прошептала на вдохе, как это делают все женщины, устроилась поудобнее, поправила красивое лоскутное одеяло, которое сладила еще, когда могла сама нитку в иголку вдевать. Снова сложила руки на груди и стала ждать. Но занятый другими важными делами бо-

женька не торопился по ее душу. Поди, грешила много, да и в Бога-то верила как-то не по-людски. Знала, что есть, держала в красном углу икону, которую схоронила на чердаке мамка, когда пошли по домам комсомольцы бороться с пережитками прошлого. Обращалась иногда к всевышнему с молитвами как умела, да жила так, чтобы на деревне не осудили. А в церкву ходила только, когда к Коленьке в область ездила. Рак у него признали, операцию сделали. Вот тогда она кажинный денечек в храме молилась, свечки за здравие ставила. Помогло. Доброкачественной опухоль оказалась.

Баба Леля и дома бы в церкву ходила, да разрушили храм, когда еще молодая была. Сначала там клуб сделали, когда в клуб ходить некому стало, под склад заняли, пока колхоз был, зерно сушили. А потом разворотили, чтобы пустить кирпич на строительство фермы, да только ничего из этой затеи не вышло. Так и лежат глыбы. Днем-то мимо ходить страшно, а уж ночью, если кто отважится, дак и вовсе мурашки по коже.

— Вот дура старая! — встрепенулась баба Леля. — Дверь-то на крючок заперла, как утром Маня в дом попадет?

Откинула одеяло, спустила ноги на пол и зашлепала в носках по тканой дорожке. В сенях откинула старинный еще кованный крючок, вернулась в постель, приняла прежнюю позу и опять углубилась в мысли, неспешно вспоминая всю свою жизнь.

Это теперь их в деревне осталось три старушки и ее дом незаметно выполз на самый край. А раньше-то чуть не в середине стоял. Только молодежь в города уехала, старики поумирали, избы покрепче городские скупил на дачи и перевезли на берег, поставили окнами на реку, а ветхие сами после смерти хозяев быстро просели крышами и догнивают, глядя на когда-то шумную улицу своими пустыми глазницами.

Когда Лелька была маленькой, в каждой избе было по несколько ребятишек. И по пять, и по семь, а у Скорняковых вон даже десять. Где тут имен напридумываешь. Вот и звали: Вовка Мишин, Ванька Борин, Нюрка Манина. И было их в деревне три Ольги. Старшую, Нюркину, так Ольгой и звали, вторую — Настину — Олей, а ее, самую маленькую, Лелькой. Так всю жизнь Лелькой и прожила. Потом-то, конечно, кто-то тей Лелей стал звать, а потом уже и бабой Лелей. А вот бабушкой стать ей Бог не дал.

Старший, Саша, по пьяному делу в тридцать под трактор попал, не успев жениться. Теперь вот заботушка у нее — за могилкой сына ухаживать. Сходила на днях, прибрала, траву сухую выполола, пыль с памятника вытерла, покрасила-то его еще на Троицу, так теперь далеко голубым сиянием виднеется.

Второй, Валентин, не пьет, техникум закончил, в леспромхоз уехал, мастером работает. Дом — полная чаша, а детушек нету. А ведь сколько просила, чтобы другую жену себе искал! Нет, говорит, полюбил Валентину и все тут. Как говаривала, что не к добру мужу и жене одинаковые имена иметь, — не послушал. Вон в соседней Насонове Александр и Александра живут. Тому ли не пример?! Тоже с ребятишками не сладилось. И уж сколько Шура к разным врачам да бабкам ездила без толку! А все потому, что нельзя мужикам бабьи имена давать, а бабам — мужские. Не зря в ранешние-то времена все больше Ивановы были да Марьи! И детишек строгаали до десятка.

Но не послушал Валентин. Да и бог с ним. Главню, что живут душа в душу. Уж невестушка-то за ним как за божницею ухаживает. Валенька у нее и сыт, и обут-одет. Он ест, а она сядет напротив да мужем любит. И волосики-то ему пригладит, и хлебушек придвинет, и не знает, как еще угодить. Ну, и он ей добром да лаской отвечает.

Вот бы Коленьке такую! А не дал Бог.

Коленька-то у нее самый был любимый. Оттого, что поздний. Уж сорок ей стукнуло, когда согрешила. Пять лет вдовой прожила и ни разу даже мельком ни на кого не посмотрела, не то чтобы мысли какие допустить. А тут бес попутал.

Она вообще-то телятницей работала, но на уборке всем дела хватает. В тот день она только отруби с телеги разгрузила, как бригадир верхом прискакал. Говорит, комбайн на дальнем поле сломался, шкив разбило, поезжай в мастерскую, надо с Колькой запасной отвезти. Мол, заодно и поставить поможешь, а то больше некого послать. Ну, надо, так надо. Сели на телегу, отвезли эту штуковину на дальнее поле, помогла Кольке ее на место приладить, ремни натянуть. Он ее по заднице похлопал, молодец, говорит, попрошу тебя в помощники. И что ее торкнуло? От этих похлопываний аж голова кругом пошла. А он уже лицом поворачивает, в глаза смотрит. Зажмурилась... А в себя пришла в накопителе на соломе, когда отстонала чуть не во весь голос от нахлынувшей страсти и когда все уж кончено было.

Один-единственный разочек только и случилось-то, а понесла. Пошла потом к бабке Марье, да только та побоялась. «Сама знаешь, дэвка, какие теперь строгости, — говорит. — Неровен час, кто председателю донесет. Не сносить мне, старой, головы на плечах. Не возьму грех на душу. Ты уж, милая, сама попробуй». И дала несколько советов. Да только не помогли те советы. Родился ребеночек, слава Богу, живой да здоровый. И назвала в честь отца Коленькой. Как будто и в честь деда. Он тоже Николаем был.

Пересудов не боялась, хотя, конечно, разговоров было! Все гадали поначалу, от кого да от кого. Она же себя всю жизнь блюла. Не то что Марья. Та двух девок от Евгена родила, хотя у него и дома пять дочек росло. И Марьины тоже с теми на одно лицо были, так что не отвертишься.

И ее Коленька весь в папочку уродился. Такой же кудрявый. И ведь, паразит, тоже на гармошке играть научился! Да так быстро, будто все у него в роду только и делали, что на тальянке меха растягивали.

У Кольки-то Вересова дома три девки было, так он было к Лельке заходить начал сыночка проведывать. Но она сразу от ворот поворот указала, мол, не хочу Тасе супостаткой быть. А Коленьке еще и трех не исполнилось, как батька его случайный на тракторе под лед провалился и всем пересудам конец положил.

А Коленька рос способным. Учителя нахвалиться не могли, и в техникум они же присоветовали. Отучился в области, в армию сходил, да в область и уехал. Мол, девушку еще до армии присмотрел, жениться хочу. На завод устроился, в общежитии место дали, женился сразу же. Не понравилась Лельке молодая: больно уж гонора много. Пока Коленька в армии был, она институт закончила и дипломом своим козыряла. И тещенька, сватьяшка дорогая, такая же гонористая. Вдвоем-то они Коленьку быстро в оборот взяли. Так нет чтобы парню на заочное присоветовать, они ему его место указывать стали.

А тут еще на работе не изладилось. Так-то он старательный да исполнительный, а образование по сельхозмашинам получил, и как только появился на заводе сынок кого-то из начальников, так Коленьку и подвинули. Обиделся, на другой завод устроился, а обида осталась. С этой обидой и там проблемы начались. И начал прикладываться. Сначала после работы, а потом и с утра.

Сватьяшка, царствие ей небесное, пилит, жена строга, и совсем парню никакого житья не стало. И начал он пить по черному. И пошло-поехало. С одной работы да на другую. С мастеров до слесаря докатился, а потом и вовсе уволиться заставили. А тут тещенька с женошкой и из дому выгнали. Устроился сантехником, в подвале и жить наладился.

Приедет, бывало, хорохорится, а материнское сердце не обманешь. Видела Лелька, что худо сыночку, а руками беду не разведешь. Когда приедет, отойдет возле матери душой, лицом по светлеет, а у Лельки все одно сердце болит. Видит, как парень мается, что жизнь такая никчемная случилась. Уж она его и обратно в деревню звала, только что тут делать, если работы никакой.

Соберет сыночку котомки варений-солений, картошки с собой даст да деньжат из небогатой пенсии. Самой-то ей много ли надо? Осенью картошку заготовителям продаст, побольше подкинет, хоть и знает, что все равно пропьет.

— Хоть бы на похороны приехал,.. — мысленно вздохнула баба Леля и опять встрепенулась, — а все ли приготовила? — Встала с кровати, включила свет.

Осмотрелась. В доме прибралась, пока баня топилась. Бельишко свое постирала и в бане на жердочке над каменкой сушиться повесила. Доски на гроб еще с утра на видное место на сеновале положила, на них — рубанок, молоток, гвозди, материю красную, чтобы обить. Одежка на смерть в нижнем ящике комода приготовлена. Марье уж, поди, сто раз сказано и показано и что надеть, и где деньги на поминки.

Села на край кровати, вспоминая, все ли сделано, не оставляет ли после себя людям каких ненужных хлопот.

— Ой, свечи надо к одежке положить, в которой в гроб положат, а то искать будут. — Подошла к комоду, выдвинула верхний ящик, переложила из него в нижний поверх белья обычные хозяйственные свечи, которые по ее просьбе Валентин привез из леспромхоза еще несколько лет назад. — Мыло и мочалочку, чтобы обмыть, найдут в бане. Вроде бы все...

Подошла к окну, отогнула край занавески, посмотрела на занимающееся новой зарей небо. Вчера вот и рамы зимние поставила, может, Коленька хоть до сорока ден поживет. Маленький-то любил он ей помогать рамы ставить, на мох между ними гроздь рябины да кроваво-красные ягоды клюквы для красы укладывать.

— Даст Бог, еще постоит хорошая погода, хоть не под дождем людям могилу копать.

Поправила икону, перекрестилась: «Помоги, господи, Коленьке да всем добрым людям!», опять устроилась на постели, накрылась одеялом, сложила на груди руки, закрыла глаза и покорно стала ждать смерти.

Вскоре луч красного осеннего солнца коснулся края крыши, медленно опустился вниз, робко погладил оконную раму, осторожно скользнул в дом, неслышно прилег на подушку. Но баба Леля ничего этого уже не видела. Боженька успел раньше.

Содержание

Слово друга 3

НЕ КАК ВСЕ

Карета для невесты	7
Бляо-дун Иванович	10
Великий потомок великих предков.....	16
Две жены в одной постели	21
Неожиданное дворянство.....	25
Крылья мечты деревенского слесаря	29
До ста лет без старости	32
Кимоно и ряса в одном гардеробе.....	37
Кому нужны вчерашние герои?.....	39
Через Тюмень проездом	46
Опознанный летающий объект	52
Оксаночка.....	55
Отшельник.....	59
Первый парень на деревне	70
Таежный экстрим.....	73
Простые правила Зинаиды Антропьевны.....	79
Профуканный орден дяди Саши	85
Если руки золотые	89
Содержанка.....	92
Старик и церковь.....	98
Танец с медведем.....	101
Тройка на память	106
Чисто женская, но полная семья	110

ПУТЕШЕСТВИЯ

Встречи в Стране Озер	117
На родине Штрауса	134
Страна, где все наоборот	140
Ветвь из страны Суоми	146

СУДЕБНЫЕ ОЧЕРКИ

Брат на брата	153
Девочка для бича.....	158
Крутой педагог Михалыч.....	162
Отмщение	167
Упыри	172

Условно — за убийство	177
Чокнутый	182

ЧУДЕСА ВОКРУГ НАС

В космос — с рецептом шамана	189
По затерянным следам Ермака	194
Золотая баба	198
Йети-мать и ее сородичи	203
Следы неведомых зверей	212
Мы живем в середине зимы	218
«Мерседес» на ладони	224
Уроки трезвости в музее винокурения	227
Экскурсия у самовара	233
Тайны старого дома	237
Из забвения	241
Потерял Ермак пуговицу	246
Тайны тобольских подземелий	249
Чудотворная	254

РАССКАЗЫ

Жили-были две подружки	261
Невеста на вырост	264
Мимолетное счастье неравного брака	269
Последняя ночь	274

НОВАЯ ЦЕНА

45 руб — коп.

Практически вся жизнь Леонида Иванова связана с журналистикой. Родился на лесном кордоне в Вологодской области в семье репрессированных финнов. По окончании восьмилетней школы работал на сплаве леса, на строительстве ЛЭП, заведовал сельским клубом, много читал и сам писал рассказы. Случай встретил журналистами районной газеты «Волна», где вскоре появились его публикации, а потом в нее был приглашен на работу литературным сотрудником.

Уже работая в газете, экстерном сдал экзамены по программе средней школы, отслужил в армии на Северном флоте, вернулся в свою редакцию. Заочно окончил филологический факультет Череповецкого государственного педагогического института, потом, уже очно, – отделение журналистики Высшей партийной школы ЦК КПСС. Несколько лет назад в Санкт-Петербурге защитил докторскую диссертацию по политологии, избран действительным членом (академиком) Международной финноугорской академии наук.

В конце 70-х был участником семинара молодых писателей Северо-Запада, который проходил в Вологде. Одним из руководителей семинара известный русский прозаик и поэт Василий Белов тогда говорил: «Ребята, почти все вы работаете в журналистике, но если вы хотите стать писателями, вам придется выбирать между журналистикой и литературным трудом, потому что эти профессии не совместимы».

Леонид Иванов выбрал журналистику. После районной газеты 15 лет трудился на телевидении, возглавлял информационное вещание Вологодского областного телевидения, а затем – Тюменского облтелерадиокомитета. Последние 15 лет работал в газете «Труд» – собственным корреспондентом и редактором регионального выпуска газеты «Труд-7. Западная Сибирь», в настоящее время занимает должность пресс-атташе Тюменского государственного нефтегазового университета.

Очерки и рассказы Леонида Иванова публиковались в «Литературной России», различных центральных газетах, журналах и литературных альманахах, включались в коллективные сборники.

